

K1516106

Северная окраина

№ 39

Череповец

...ЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Северная окраина

Литературно-художественное издание

№39

**Череповец
«Окраина»
2018**

+кр +кми

ББК 84/2 (Рос-Рус) 6 кр.

84 Р6 кр.

С 28

ISBN 978-5-6040539-0-4

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРОПА

АЛЕКСЕЙ АРМЕЕВ

НАДЗВЁЗДНАЯ

Г-же Натали Колыниной

Аляповатость фантазий
Изящно рифмует фразы,
Грунтует узорно сочно
Возвышенный пылкий стих,
Который тебе читаю
Под вдох бирюзового мая,
И ветер мечтал тиховейно,
И чувственный вечер притих.

Послушай, в лазури над речкой
Закат тебе шепчет нежно,
И тая телесной свечкой
За горизонт течёт воск.
Слова восхищения небрежно,
Чарующе меркнут прилежно,
И волны волос обретают
Таинственно вычурный лоск.

Тобой опьянён этот вечер,
В твою честь рассыплются звёзды,
И для тебя парафразы
Из недр вытекают души.
«Какие чудесные встречи!» –
Прошелестят нам берёзы,
Когда очарованно стразы
На небе ликуют в тиши.

ОТВЛЁЧЁННАЯ

Чуть заспанный, грёзоберёзовый
Закат пал телеснорозовый
На парк у кремлёвской площади,
И были Вы так отходчивы,

И были Вы не злопамятны,
Чуть тронуты, чуть подранены –
Такой я Вас знал и раньше,
Но Вы захотели дальше.

И в темносеребряной неге –
В белопуховом снеге
Вы стали чуть восхитительны,
Настойчиво чуть утомительны.

Как раньше, Вы чуть не навязчивы,
Чуть холодны, чуть палящие –
Вы, в принципе, не изменились,
Лишь снились мне, снились и снились.

ГРЕЗЯЩАЯСЯ

Сон опавших листьев: сладостью морозы
Поцелуют нежно гроздьев спелых розы.
И метелью снежной, за дождями следом,
С лёгкостью небрежной их накроет пледом.
Сон листы опавшей, утонувшей в Лете,
Канувшей, уставшей жить при солнца свете.
Жить уставшей долго, и дружить с ветвями –
Нашептались вдоволь с летними ветрами.
Вдоволь нашептавшись – можно порезвиться –
По земле метавшись, влаги луж напиться.
Сон опавших листьев спит в парчовой тине:
Вместо спелых кистей – розы на рябине.
Осенью встречаю первые морозы
И тебе вручаю на рябине розы.

НИКОЛАЙ ВОЙТЕНКО

ЗАБЫТЫЙ ХУТОР

В лесах бескрайних и глубоких,
вдали от шума и дорог
бреду – заблудший, одинокий,
скрипя подошвами сапог.

Плутаю день, плутаю вечер,
устав, качаюсь на ходу.
Уж ночь зажгла на небе свечи,
а я, как проклятый, бреду.

И вдруг мелькнул во мгле колючей
едва приметный огонёк,
как наваждение, как случай.
И я подумал: «Вот он Бог».

И ноги сами побежали,
не ведая, что впереди.
А там изба, и словно ждали:
– Перекрестись и заходи.

Старушка! Божия старушка!
Я был безмерно удивлён.
В такой глуши! Одна в избешке!
Лишь лес стеной со всех сторон.

Пытливый взгляд меня ощупал,
и тёплый голос произнёс:
– Вот стол, скамья, тарелка супа.
Не обессудь – на то Христос.

Мы пили чай с душистой мятой.
И я всё думал: «Как же так!
В стране немыслимо богатой,
в глухом лесу вдова солдата!
Как узник, сосланный во мрак».

Старушка, словно прочитала
мои терзання, и в ответ:
– Ты не казни себя, – сказала, –
ничьей вины здесь в этом нет.

А ты, сынок, найди Петровну,
скажи, не мешкая ни дня,
пусть на Покров прибудет ровно.
Вот будет радость для меня!

А утром, накормив блинами
и указав обратный путь,
перекрестив двумя перстами,
просила: – Просьбу не забудь.

И сквозь прощальный взгляд усталый
мне столько вылилось тепла!..
...А на Покров её не стало.
И Жизнь из хутора ушла.

* * *

Яблоко снится мне –
спелое, наливное.
Значит, опять во сне
встретишься ты со мною.

Вот силуэт возник
в платье прозрачно-белом.
Ты и была в тот миг
яблоком самым спелым.

Так и не смел вкусить,
хоть и желал при встрече.
Мне бы тебя спросить,
да ты теперь далече.

Мне бы тебя спросить, –
может, ты очень злишься.
Вот и не рвётся нить,
вот потому и снишься.

АНДРЕЙ КАБАНОВ

СУДА-ДА-ДА. ЧАСТЬ 3 (Продолжение)

Самым прекрасным людям, жившим на этой планете моим бабушке и дедушке Молодцовым Серафиме Афиногеновне и Александру Ивановичу. Спасибо вам за моё беззаботнейшее детство.

Когда вдруг спросят:

– Паренёк, откуда?

И я отвечу, не стесняясь слов:

*– Оттуда, где мосты над речкой Суда,
Из мест, где бродит счастье и любовь!*

*Оттуда, где рассветы и закаты,
Там по весне всех будят соловьи,
Где появляются на белый свет ребята,
Впоследствии навек друзья мои.*

*Календари меняются уж очень быстро,
Проходят годы, словно поезда,
А под мостом, как было и тогда,
Ты крикнешь: – Суда!!!!
А в ответ: – Да-да!!!!!!*

Школа. Зима. Лыжные гонки

Зима в этом году была очень снежная. Снегу намело по самый верх заборов. Дома, по самые окна занесло пургой. Уроки физкультуры зимой у первоклассников проходят на улице. Старшеклассники с осени сделали лыжню по забору школы и теперь по этой лыжне катаются все классы с первого по десятый.

Мои лыжи подогнаны, как и положено по росту. Стоя твоя рука должна дотягиваться до носка лыжи. Если не дотягивается, значит лыжи куплены «на вырост». Значит на несколько лет вперед. Лыжные палки у многих из бамбука, они намного тяжелей, чем мои алюминиевые.

У Ваньки Дёшина лыжи достались от старших братьев и сестер, у него их много. На всех лыж не напасешься. Ванька начнёт доставать до кончика лыж, когда пойдёт в Армию и никак не раньше. Ему, конечно же

не позавидуешь. Учительница предлагала Ваньке взять лыжи в школе, но он наотрез отказался.

Сначала мы проходим пару кругов по лыжне друг за другом. А затем начинаются гонки. Тут уж бежит каждый как может. Кто во что горазд. Я прибежал в первой десятке и ни как не мог поймать дыхание. Мне никак не хватало холодного воздуха, что бы наполнить им мои лёгкие.

Ваньке, конечно же, бежалось намного тяжелее, чем мне. Лыжи под два метра и палки под этот же размер. Он держал их за середину длины и так грёб ими, как веслами. У каждого свой метод передвижения на лыжах. Лыжи крепятся к валенкам с помощью носкового ремня. Но для лучшего крепления валенка к лыже используется резинка, жгут или просто веревка. Потому, что бежать на лыжах, вставив валенки только в носковой ремень – испытание детских нервов на прочность. Валенки всё время вылетают из ремней, и лыжа уезжает вперед по лыжне на несколько метров вперед.

У меня лыжи закреплены к валенкам крепежными ремнями. Хотя приходится потрудиться, когда одеваешь, но зато крепят валенки к лыжам намертво.

Два часа проходят незаметно. Занятия по физической культуре закончены. Я, очищаю лыжи, от прилипшего снега березовым голяком. Друг друга мы чистим от снега веником. Потому что, пока катаемся на лыжах, не раз приходится падать в снежные сугробы. Кто специально, а кто ненароком. Мы по очереди греемся у печки-столбнянки и садимся за парты. Наши парты – отдельный разговор.

Фёдор Фёдорович Эрисман в далёком 1870 году изобрёл парту для гимназистов. И с этого времени ничего не изменилось, а ведь прошло почти 100 лет. Почти, это то, что гусиное перо было заменено на стальное. И всё.

На что похожа школьная парта, почти полностью напоминает ткацкий станок, особенно задняя часть парты, её сиденье. Сиденье и спинка один в один. Теперь понятно, с чего срисовал часть школьной парты товарищ Эрисман. На парте два круглых углубления для чернильниц. Чернильницы через день дежурный наполнял новой порцией чернил. Писали мы много и клякс ставили тоже немало. Попробуй, научись правильно выводить весь алфавит и при этом не поставит несколько клякс. Я не смог. И другие так же. Так, что чернил нам нужно было немало. Сиденье и спинка парты были покрашены в коричневый цвет, а крышка парты – зеленой. Я с усердием выводил буквы и цифры, но без клякс никак не получалось.

Впереди меня сидела Женька, по национальности она была цыганкой. В первом классе, Евгения сидела уже третий год, и по её посещаемости занятий было понятно, что четвертого года в первом классе ей никак не избежать. Но Женька мешала моей учёбе больше всех. Евгения была очень высокой и поэтому, чтобы мне внимательно смотреть за на-

шей учительницей, приходилось всё время выглядывать, то из-за левого, то из-за правого плеча третьегодницы.

Я, конечно же мог пересесть за другую парту. Но я никак не хотел уходить от своей соседки по парте Зойки Бурловой. Почти каждый день мы возвращались с ней из школы. Я её провожал. Мне это нравилось. Ей, по-моему, тоже.

Теперь про ткацкий станок. Начиная с осени, бабушка устанавливала в прихожей ткацкий станок и на протяжении всей зимы ткала половики. Я, чем мог, помогал. Стриг ножницами тряпки на ровные полосы, сворачивал их в клубки. Работа не тяжёлая, но требует внимания и усидчивости. На лето мы разбирали ткацкий станок и убирали его на чердак.

МАРТА ЗАГУЛЯЛА

– Марта у нас загуляла! – сказала бабушка Сима.

– Только этого нам и не хватало! И чего теперь нам надо будет делать? – задал вопрос я, хотя ответ уже знал.

– Завтра утром отец приедет, и поведёте корову в Большое Ново к быку. Не мне же такую даль её вести?

Мне эта затея очень не понравилась. У меня было желание с самого утра ехать на рыбалку, а идти с коровой пару километров мне ну никак не хотелось.

Бабушка только, что пришла с пастьбы, где доила нашу корову.

– А, что нельзя Марту не вести к быку?

– Марту можно не вести, только тогда у нас не будет телёнка! – сказала бабушка, и пошла, разливать молоко по литровым банкам.

– А без быка телёнка не получится?

– Не получится!

Папочка, отработав ночную смену в мартеновском цехе и приехав в Суду на автобусе, меньше всего имел желание вести Марту на свидание к быку. Наверняка у него было одно желание – упасть и выспаться после бессонной ночи.

– Валентин! Марту срочно надо вести в Большое Ново! Загуляла она у нас!

Мимика на лице моего папочки сказала всё без всяких слов. Но идти против мнения своей тёщи он не мог. Тёща – вторая мать. Последствия могли быть непредсказуемы.

– Андрея возьмёшь с собой! От него хоть и толку мало, но хоть идти будет веселей.

Папа переоделся. Бабушка, вывела Марту со двора, я взял веревку, накинутую на её рога, и мы вышли из заулка на улицу, и всё. Марта вста-

ла, как вкопанная. Ни назад, ни вперед.

– Ты пойдёшь или нет? Тебе к быку надо или нам?

Мои слова, видимо, дошли до коровьих мозгов. Возможно, Марта подумала, что её повели на забой. Но поняв, что её не порешат в это солнечное утро, она начала своё движение. У папы из кармана брюк торчало горлышко «Московской». Без бутылки такое дело не делается.

Только прошли Суду и опять наша «кормилица» встала, замотала головой, замычала. Проходит пять минут, десять. Никакие наши попытки не увенчаются успехом. Марта, стоит, и идти никуда не собирается.

– Может ей расхотелось к быку? Пойдём домой!

Но папа, зная, что за это будет от любимой тёщи, снова начал тянуть Марту за веревку. При всей его не малой силе нам удалось продвигаться метров на двадцать. Наша корова решила поиграть у нас на нервах.

Я очень любил Марту. Но от любви до ненависти один шаг. И этот шаг она сделала.

– Может, зарежем её??? А бабушке скажем, что сбежала!

– Зарежем! А потом где с тобой жить будем? Ты об этом подумал?

Об этом я не подумал. Да и думать уже было некогда. Потому что, уловив своими ушными раковинами, самое страшное словосочетание, Марта рванула с места. Складывалось впечатление, что наша корова очень хорошо знает дорогу. Хотя к быку на свидание, в Большое Ново, она шла первый раз.

Ну, наконец-то мы подошли с горем по полам к деревне Большое Ново. Теперь надо заплатить взнос в контору подсобного хозяйства. Потому что за работу быка необходимо заплатить. Папа пошёл внутрь дома, в котором находилось начальство. Я привязал Марту к забору и начал ждать.

Папа, казалось пропал. Уже прошло не менее получаса, а он всё не возвращался. Я устал ждать. Марта тоже.

– Стой! И не дёргайся! Я схожу в контору! – проверив надежное крепление веревки к конторскому забору, направился на поиски пропавшего папочки.

На доске объявлений всё было завешано приказами и распоряжениями. И я их начал читать. Здесь и приказы о наказаниях нерадивых работников и поощрения за ударный труд. Графики посевных и уборки. И все бумаги подписаны председателем подсобного хозяйства по фамилии Шахрай.

В кабинет, где выдают разные справки, очередь как в Мавзолей. Но к Владимиру Ильичу очередь хотя бы движется понемногу, а здесь движением и не пахнет. Складывалось впечатление, что все работники подсобного хозяйства пришли на прием к председателю именно сегодня. Большого времени у них не нашлось. Но вот долгожданная бумажка у меня в руках. Мы ведем Марту к коровнику.

Чем пахнет в коровнике? А чем пахнет у коровника? Конечно же, коровьим навозом. Ну не конским же. Конь в деревне один, да и тот на ладан дышит. Этот запах перебивает все остальные. Возле коровника навозно-земляная жижа. Без сапог не пройти. У меня ноги вязнут, и я с большими усилиями вытаскиваю их из навозной трясины.

Двери в коровник приоткрыты. У самых ворот, налево находится станок. Специальное приспособление для спаривания коровы и быка. Всё создано для их удобства. Станок в простонародьи называется по-другому, более короче. Но такое слово писать ни в коем случае нельзя. Оно очень неприличное. Но ёмкое и очень точно выражает его назначение.

Но наша корова ни как не хочет в него вставать. Из ниоткуда появляется тело мужика в фуфайке. В зубах папироска. Один глаз прищурен.

– Вам чего надо?

На вопрос заданный всем присутствующим Марта повернула голову и промычала.

– Понятно! Сейчас попытаемся помочь! – проговорил мужик и исчез в глубине коровника, плотно закрыв за собой ворота.

Женщина в прорезиненном фартуке и в синем платке на голове зашла с улицы и поздоровавшись спросила:

– Первый раз?

Марта поняв, что в этом помещении все разговаривают только с ней, утвердительно промычала. Мы же с папой, не сговаривавшись, пожали плечами.

– Ясно! Подождите минутку. Сейчас приведу вам бычка.

Минутка затянулась... А пока мы вдвоём боролись с упрямой Мартой. Но нас было двое, и мы в итоге одержали победу. Наша корова была установлена в «станок» и прочно к нему привязана.

Мы троём волновались. Кто больше, мы с папой или Марта – сказать трудно. Когда я уже подумал, что сегодня нам быка не выведут, в открытые ворота с матом-перематом наш новый знакомый и женщина в фартуке пытались вытащить за кольцо, вставленное в ноздри тощего, коричневого с белой мордой молодого бычка. Молодой самец никак не хотел выходить из коровника в предбанник, где мы его с нетерпением ждали. А увидев нашу корову, его сопротивление стало ещё более упорным.

– Видимо не понравилась! – сказал мужчина в телогрейке.

– Вы кого привели? – спросил представителей подсобного хозяйства мой родитель. – Он же через раз дышит! Его год ещё откармливать надо.

Марта в этот момент согласительно промычала.

Бык хотя и был тощим, но его сопротивление два человека так и не смогли сломать. Бык никак не хотел выполнять свои профессиональные обязанности. Тощий, а очень упёртый.

– Сегодня он не в настроении! – сказала женщина. И дала указание своему помощнику: – Веди Мишку!

Молодой бычок, поняв, что от него наконец-то отстали, с радостью рванул внутрь коровника.

Я уже не ожидал ничего хорошего. Но, как говорится, – первый блин комом. Прошло пять минут. Десять. В предбаннике коровника находимся мы трое – папа, я и Марта. Наша корова к удивлению стояла в одной позе и даже не вертела хвостом. Памятник, одним словом.

Вдруг, в одно мгновение замычали все коровы, находившиеся в коровнике. С ними начала перекликаться и наша Марта. И тут из приоткрытых ворот я увидел голову быка. Это был не бык, а какой-то бегемот. Ну, а когда появилось всё его тело, у меня в голове промелькнула мысль – надо бежать. Мне было, конечно, можно убежать. Но ноги почему-то подкосились, и я остался стоять в углу коровника.

Мужик, выведший быка Мишку, просто висел, как сопля, вцепившись в кольцо у быка в ноздрях. Мишка оглядел всех присутствующих. Определился. И с резкого разворота запрыгнул на нашу Марту. Сказать честно, я сразу понял, что эти телодвижения проделывает не первый раз. Сразу видно – мастер своего дела. Мужик отлетел в сторону и чуть не сбил с ног моего папочку. Марта, бедная, начала беспрестанно мычать. Звать на помощь. Папа с мужиком только успели отскочить, как бык спрыгнув с нашей коровы хотел сбежать внутрь коровника. Но это ему не удалось. В воротах стояла женщина в фартуке. Увидев её, Мишка сразу успокоился и замялся.

– Ты, интересно, куда собрался? Давай ещё разок! Одного раза мало.

Наша Марта опустила на задние ноги и повисла на верёвке.

– Мужики, а вы что стоите, смотрите? Уснули, что ли? И, конечно же, добавила несколько фразеологических оборотов. – Поднимайте корову! Ставьте её нормально в станок.

Мы троём бросились к Марте. Но она активно сопротивлялась и никак не хотела подниматься с колен. Промучавшись с коровой несколько минут, мы троём присели в угол перекурить.

– Галя! Ты уж сама попробуй! – взмолился мужик-скотник.

Мишка в это время прилёг у ворот, как собака. Правда, большая.

– Неплохо бы это дело обмыть! – предложил скотник.

– Тебе бы только пить! – проговорила Галя и достала из кармана своего фартука гранёную стопку.

Папа, молча, достал «Московскую» и подал скотнику. Тот же, приняв бутылку, представился:

– Николай!

– Валентин! – подал руку папа.

Откупорив поллитровку, Николай налил стопку и протянул её Галине.

– Чтoб всё срoслось! – выдохнув воздух и опрокинув стопку в рот, проговорила тoст Гaля.

Я не понял, o кaкoм срaстании говорила женщина, но тoст мне понравился, и я его запомнил.

Стопка пошла по кругу. Пили все, кроме меня. Мне до возраста, кoгда можно употреблять алкоголь, оставалось всего ничего – десять лет.

Бутылка быстро закончилась. Но её оказалось мало. И первой об этом заговорила Гaля.

– Николай! Сходи кo мне. В молочнике стоит пол-литра. Принеси. Николай рванул с низкого старта.

– Валентин! А мы давай поставим корову.

– Вставай, милая! Ещё разок придётся потерпеть, и пойдёшь домой.

Марта начала закатывать глаза. И я понял: ещё одного контакта с Мишкой ей не перенести.

– Может, хватит? – сказал я очень тихо.

Но мои слова были услышаны Гaлиной.

– Подрастёшь, жене будешь говорить – хватит!

Лучше молчать, понял я.

Женщина хлопала нашу Марту по холке. O чём-то с ней поговорила, и корова, на наше удивление, поднялась и встала в станке по стойке смирно.

– А ты чего разлётся, бугай? Тебя тоже нужно уговаривать?

Михаил начал нехотя подниматься. Для кoгo-то его работа наслаждение, а для Мишки это мероприятие входит в профессиональные обязанности. Он хоть и бык, но прекрасно понимал, что как только он перестанет выполнять коровьи прихоти – пойдёт под нож, на мясо. Поэтому выбор у него был невелик.

– Давай, Мишка! Давай ещё разок! – командовала Гaля.

Почувствовав запах «свежачка» из Гaлиных уст, Мишка понял, что всё равно она от него не отстанет и, собрав свои силы в кулак, бросился на нашу Марту. Марта издала вопль, от которого у меня заложило уши.

– А вот и я! Не ждали, дорогие товарищи? – Николай был уже навеселе. А бутылка в его руках предвкушала продолжение праздника жизни.

– Тебя только за смертью посылать! Ты где шлялся?

Гaля со злостью в глазах посмотрела на Николая, и он обмяк. Марта опять упала. Но собрав последние свои силы, приподнялась, промычала жалобно и впилась рогами в стену коровника. У Мишки открылось второе дыхание, и при каждом его движении рога нашей коровы впивались в брёвна стены.

– Он же её убьёт!!! – сделал предположение я.

Но Гaлина, посмотрев на меня сверху вниз и чуть улыбнувшись, проговорила:

– От этого, сынок, ещё никто не умирал!!!

И я успокоился. Старшие прожили жизнь и им видней! Но корову

всё равно было жалко. Ведь можно без рогов остаться после такого спаривания. А как без рогов я её в пастьбу водить буду??

– Мишка, ты уж постарайся! Сделай нам хорошего телёнка! – попросил папочка, выпив следующую стопку, налитую Николаем. Троица опять пустила бутылку по кругу.

Мишка пыхтел. Марта страдала. А я гулял у коровника. Потому, что смотреть на всё происходящее в предбаннике не было никаких сил.

Но всё когда-нибудь кончается. Мы с папой попрощались с Мишкой. Отвязали Марту. А та, только освободилась из объятий станка и Мишки, рванула в приоткрытую дверь коровника. Я не знаю, какую скорость могут развивать коровы, но наше парнокопытное жвачное животное нас удивило в который уже раз за день. Марта неслась по кочкам, по колдобинам, не разбирая дороги. Но самое главное, она держала курс на дом.

Папа держал верёвку очень крепко, поэтому голова Марты была загнута немного влево. Но это не мешало ей нестись, как угорелой. Дорога от деревни Большое Ново до Суды – это танкодром, но только ещё и разбитый. Марта не снижала скорость. А остановить её не было никакой возможности. Как остановишь корову? Да собаку покрупней не остановить, а тут такая масса. Наш вынужденный марафон продолжался целую вечность. Мы с папой бежали молча. Потому что разговаривать уже не было никаких сил.

– Куда, мужики, бежите? – спросила нас незнакомая горбатая бабка, когда мы рысью вбегали на территорию посёлка Суды.

Я не понял, что ответил мой родитель, так как в ушах моих звенел от бега ветер, но бабка в итоге оголила свой беззубый рот и захихикала. Ей хорошо. Знай стой да смейся, а нам ещё около километра сдавать нормы ГТО.

Хорошо, что калитка в наш заулочек была открыта, а то бы Марта вынесла её своими рогами. Без всякой команды наша корова вбежала во двор и встала у кормушки. Я знаю точно, что такую пробежку я сделал впервые в своей жизни. И она запомнилась мне на всю жизнь.

Забежав в заулочек, я упал на скамейку. Силы покинули меня.

– Валентин! Ну как, покрыли Марту? – спросила бабушка Сима через открытое окно в прихожей.

– Думаю, что покрыли!

– Ну и молодцы! Идите кушать!

Аппетит был зверский. Папа получил ещё и бутылку «Московской», как награду за выполненный труд.

После обеда мы оба рухнули спать в полог в кладовке. Потому что силы после обеда нас полностью покинули. А на дворе отлеживалась на свежей подстилке наша Марта. Мы все трое очень устали, но Марта всех больше, её ведь ещё и оплодотворяли. А это тоже испытание, так сказал после второй бутылки скотник Николай. Ему видней, он с этим процессом сталкивается почти каждый день. Поверим ему на слово!

СЕЛЬПО

У нас в огороде, по забору, по улице, названной в память о вожде мирового пролетариата, растут тополь, берёза, огромная черемуха и два дерева рябины. Сучья черёмухи нависали над панелью, по которой ходили местные жители и каталась на велосипедах подрастающая судская молодёжь. По ним-то я и плевал ягодами рябины из трубки. Очень интересное занятие.

– Андрюша! Съезди в сельпо, хлеба купи! – оторвала от этого занятия бабушка.

Хорошо ехать в магазин, когда бабушкин кошелёк у тебя в кармане.

Судское сельпо расположено по другую сторону дороги от проходной завода «Красный пресс». Это одноэтажное деревянное здание с двумя входами. Слева продукты, справа промтовары, обувь, одежда, скобяные товары, короча, всё, что необходимо для нормальной жизни.

Здание сельпо покрашено в жёлтый цвет. Сколько лет это здание ни стояло, цвет его никогда не менялся. Цвет сельпо был в один тон с цветом дома председателя Судского сельского совета, который находился по соседству. С торца здания в продуктовом магазине есть окошечко, через которое подадут продавцу привезённый из пекарни хлеб.

– Здравствуйте, три чёрных, два белых!

– Ещё чего? – задала вопрос продавец. Этот вопрос она задает каждому покупателю. Это привычка. – Возьми пряников килограмм! Свежие, мятные!

– Давайте!

И уже на весах лежит кулёк с пряниками, пахнущими мятой.

– И чуть не забыл, осьмушку грузинского, бабушка просила!

А вы знаете, что такое осьмушка? Это восьмая часть от фунта. А фунт у нас 450 грамм. Пачка чая весит 50 грамм, это написано на ней. Этот чай расфасован на Московской чаеразвесочной фабрике имени В.И. Ленина.

– Лимонад когда привезут? – задал вопрос я.

– Из города должны были привезти! Но машины ещё не было! Так что заезжай попозже.

– Ладно, заеду!

И направляюсь в магазин промтоваров.

– У вас леска 0,2 Клинская есть?

– Есть!

– А крючки пятый номер?

– Тоже есть!

– Лески, катушку и крючков десяток!

За зданием сельпо есть небольшая избушка. Из неё сильно пахнет керосином. В ней и продают керосин. Керосин нужен в хозяйстве. Без него никак нельзя. В Суде очень часто отключают свет. Всё ещё идут ра-

боты на местной подстанции. Керосин наливают в специальные бидончики с узким горлом и плотно закрывающиеся крышкой. Сидеть в темноте никто не хочет. У каждого дома есть на этот случай керосиновая лампа. У нас их две. На всякий случай. Лишней не будет. Возле будки вся трава коричневая от пролитого керосина. На будке объявление: «Не курить!» Курить в этом месте себе дороже.

Так же сзади сельпо находятся склады. В них хранится всё то, что не уместилось в помещении магазина.

В продовольственном отделе продаются следующие товары: налево в отделе находятся женские платья, отрезы материала для женщин, а так же материя для мужских костюмов. Галоши, сапоги, валенки, сандалии. Затем идёт детский отдел. Отдел игрушек. Отдел для рыбаков и охотников. Это мой любимый отдел в судском сельпо.

В продаже так же чугуны, ухваты, сковороды, косы и серпы.

Чего только душе угодно – всё есть. Покупай, что хочешь!

В продовольственном магазине слева на прилавке выставлены крупы и макароны. Дальше идут рыбные консервы. Трёхлитровые банки с солёными огурцами, зелёными помидорами, а так же банки с томатным соком. Бочка с солёной треской стоит посредине магазина.

Бывает в продаже и палтус. Но он бывает редко. А вот треска и сельдька есть всегда. Сахар и сахарный песок только на развес, в кульках из серой бумаги. Некоторые приходят со своими сшитыми из материи мешочками. В этом случае продавец, перед тем как насыпать в мешок сахарный песок, обязательно взвешивает его на весах.

Сливочное масло – только развесное, его режут огромным ножом и заворачивают в обёрточную бумагу.

Подсолнечное масло тоже на разлив. Оно темноватое и очень сильно пахнет жареными семечками.

Что такое сельпо? Сельское потребительское общество. Это общество состоит из пайщиков. У каждого пайщика есть специальная книжка. Перед тем, как вступить в потребительское общество жители Судского поселкового совета пишут заявление. В котором дают согласие на выполнение ими всех пунктов Устава этого общества. Платят вступительный и паевой взнос, и всё – вы член-пайщик.

Не заплатил паевой взнос, не приклеили тебе очередную марку в паевую книжку – не получишь дефицитный товар. Всё очень просто. А дефицитом считалось почти всё, начиная с крышек для банок для консервирования.

На стеллажах стоят выставленные замысловатым орнаментом банки с Сокольским сгущённым молоком.

Выбор водки невелик – «Московская» 0,5 литра и она же, но разлитая в бутылки 0,25, а попросту «чекушка».

Лимонад никогда не застаивался на полках, поэтому бутылки с «Буратино» совсем недолго теснились на прилавках.

Бутылочное пиво – это редкость, только на 7 ноября и Первое мая. И то не каждый год.

Но это, конечно же, не всё. И если интересно, могу продолжить и познакомить с ассортиментом чуть подробней.

На полках, находящихся над хлебными, находятся пачки зелёного цвета, на которых написано – овсяные хлопья «Геркулес».

Каша гречневая и перловая в брикетах. В таких же брикетах кисель двух видов – фруктовый и вишнёвый.

Суп в пакетах, быстрого приготовления со звёздочками.

Чай зелёный прессованный. Он лежит уже не первый год, но желающих купить его, а тем более пить, до сих пор не нашлось. Жители Суды всё-таки предпочитают чаи грузинские, сорт первый №36 или же Индийский со слоном, высший сорт. Но последний есть не всегда.

Кофейный напиток под названием «Артек». В состав данного напитка входят жаренные молотые жёлуди, ячмень и корни цикория. В итоге кофеина – ноль. Запах, не похожий ни на что. Почему? Просто я ещё, за всю свою недолгую жизнь, не видел в живую настоящих зёрен кофе. Поэтому я имею самое смутное понятие, как пахнет настоящий кофе.

Но зато у самых весов, на прилавке, находится самый вкусный продукт данного магазина, – это, конечно же, прессованный кубик какао с сахаром. Стоит восемь копеек. Вкус необыкновенный, запоминающийся на всю жизнь. И могу сказать без всякого преувеличения – вкусней ничего нет. Этот кубик необходимо растворить в стакане с горячей водой. Но я ещё никогда не видел и не слышал, что кто-то так употреблял эту вкуснятину. Все просто грызли. Грызли, с закрытыми от наслаждения глазами.

В пакетах желе двух видов – апельсиновое и лимонное. Мне больше нравился лимонный вкус.

Теперь про конфеты. Из шоколадных – «Восточные» и «Ласточка», а так же карамель цветочный горошек, помадка коричневого цвета и, конечно же, подушечки.

А вы знаете, как делают «подушечки»? Я тоже не понимаю, как внутрь попадает повидло.

Изредка бывают разноцветные леденцы в металлических круглых коробках.

Не пропадают с прилавка ириски «Кис-кис» и «Буратино».

Сухари, сушки и баранки – этот товар есть каждый день. Хотя каждый день их покупают в большом количестве.

В пачках печенье «К чаю» и вафли «Сливочные». Шоколадные вафли «Артек» бывают очень редко и их с полки просто сметают.

В мешках стоят сухофрукты. Отдельно изюм.

Обязательно в каждом магазине есть рулон серой обёрточной бумаги. Без неё никуда.

Сахар белоснежный кусковой развесной стоял в мешках.

Есть сыр в «барабанах» и называется он «Российский», но так же есть плавленые. Последние мне лично нравятся больше. Это «Дружба» и «Кисломолочный». Сырки шоколадные бывают редко, что не скажешь о масле шоколадном. Очень вкусная вещь.

Теперь о папиросах и сигаретах. На прилавке горка пачек махорки – крупка курительная №3 лёгкая. Из папирос больше всего пользуются спросом, конечно же, «Беломорканал». Но есть любители, которые предпочитают «Север» или «Красная звёздочка». Из сигарет – кубинский «Лигерос» – в народе назван «смерть под парусом», потому что на пачке была изображена лодка с парусом.

Из советских – «Прима», «Дымок», «Памир» («нищий в горах»), а с фильтром – «Лайка», «Новость» и «Клубовые». Мы с Толькой Докичевым отдавали предпочтение «Клубовым» – восемнадцать копеек и при этом пачка красивая.

По радио, висящем на стене, начинается передача «В рабочий полдень». Выполняются заявки радиослушателей. По всей стране обед, рабочие и крестьяне приступают к приёму пищи и слушают песни. Мне эта передача очень нравится. Она для меня любимая.

Пора обедать и мне. Да и бабушка меня уже потеряла. И я кручу педали ближе к дому.

А вы знаете, чем отличается велосипед «Ветерок» от «Школьника»? Колёса «Ветерка» накачивать не надо. Они изготовлены полностью из резины и внутри их нет воздуха. И этим колёсам не страшны ни гвозди, ни битое стекло. Это плюс. Но есть и минусы. И эти минусы я испытал на своём собственном теле.

Плотники, которые делали панель, не приняли в расчёт то, что доски через год рассохнутся, и расстояние между ними будет чуть шире колёс моего «Ветерка». Первый раз я попал в такую трещину и совершил кульбит с последующим приземлением на доски панели своим носом возле самого дома, а второй раз, когда ехал по противоположной стороне узнать, какой будет фильм в клубе. Переднее колесо провалилось в трещину, и я улетел вперёд метра на три. Но уже был научен предыдущим несчастным случаем и поэтому сконцентрировался, вытянул вперёд руки. В итоге приземления порвал штаны на коленках, порвал рубашку на локтях, содрал кожу до крови, насобирав заноз и был лишён возможности кататься на велосипеде. Так как на переднем колесе образовалась «восьмёрка», с которой невозможно было кататься.

Изобретатель велосипеда «Ветерок» не очень любил детей и поэтому сделал так, что пока крутишь педали – едешь. Перестал – стоишь.

«Ветерок» сначала был трёхколесным, а когда я научился держать равновесие, одно заднее колесо отняли, и я уже катался на двух.

Но теперь у меня «Школьник», и я смело гоняю по панели, несколько раз крутанул педали – и я уже заезжаю в заулочек. Прекрасное изобретение – велосипед!

«САЛО», НУ И ДРУГИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Сало – это не только подкожные жировые накопления животных во время усиленного питания, но и самая интересная игра с мячом. Это тот же футбол, но в одни ворота. Правила просты и понятны самому маленькому из участников этой игры. Играют две команды. Желательно, чтобы было равное количество игроков. В воротах стоит вратарь. По бокам от ворот стоят игроки обеих команд. Одна из команд начинает бить одиннадцатиметровые. Но можно и разыгрывать. Каждый из игроков бьёт по три удара. Если мяч разыгрывается, то играют до тех пор, пока не будет забит гол или же пока мяч не окажется в руках вратаря. После того, как обе команды пробьют по воротам, подсчитывается разница в голах.

И после этого начинается, самое интересное. Проигравшая команда в полном составе встаёт в створы ворот спиной, затем принимает «позу прачки», и выигравшая команда, по закону победителя, бьёт мячом по задницам проигравших. Хорошо, если мяч полетит по траектории выше или в сторону от сгрудившихся в одну линию членов проигравшей команды. А если удар будет точным? Тогда тело, в которое попал мяч, продолжает полёт вместе с мячом. Но лететь приходится недолго, всего метра полтора. Дальнейшему полёту мяча и тела препятствует плетёная алюминиевая сетка, заменяющая верёвочную.

На поляне за домом Угловых, которая является футбольным полем, полем для игры в городки, лапту, банки, а так же для распития различных алкогольных напитков для более взрослого поколения, всегда есть народ. Здесь всегда весело.

Но игра в «сало» (название, видимо, получила из-за того, что, в итоге, проигравших бьют именно по сальному месту) занимала лидирующее место среди других наших развлечений.

Иногда играли с нами и ребята намного старше нас, да можно сказать, уже мужики, пришедшие из Армии, но любящие эту игру. Поверьте на слово, удар у паренька, пришедшего из рядов Красной Армии, намного сильнее, чем у меня. Но мы не боялись и играли с ними.

Я иногда стоял на воротах, и когда парировал очередной удар, влетал внутрь ворот вместе с пойманным мячом. Резиновым мячом сильно отбивало руки. Кожаный мяч был ещё редкость. Такими мячами играли уже совсем взрослые ребята, и эти мячи вскладчину покупали в Ленинграде. Они накачивались насосом от велосипеда и шнуровались кожаным шнурком.

Каждый летний вечер мы проводили на поляне. Начиналось с того, что мы делали уборку на нашем футбольном поле, потому что пасущиеся на нём за день коровы оставляли массу «лепёх» после себя. И играть на таком «минном поле» не было никакой возможности.

Нас не пугали тучи комаров. Мы их просто не замечали.

Взрослые ребята приходили на поляну вместе с девчонками, разжигали костёр, пекли картошку, пили «Солнцедар», пели под гитару и, конечно же, курили. Иногда перекидывались в картишки.

А мы до самой темноты гоняли мяч. Мы даже не представляли, что может быть какое-то более интересное времяпрепровождение.

По весне, в середине мая, когда на берёзах появлялись молодые листья, мы ловили на поляне майских жуков. У меня для этих целей был сачок. Те же, у кого сачка не было, ловили жуков при помощи сосновых веток, сбивая ими жуков на лету. Пойманных жуков сушили дома, приколов их к стене булавками. Они ещё несколько ночей своим шебуршанием об обои не давали спокойно спать.

Кого только у меня не было приколото к стене – майские жуки, жуки-плавунцы, бабочки всех мастей и даже один жук-носорог, найденный мною в Межном, в опилках на лесоперевалочной базе.

Стрекозы в моей коллекции занимали особое место. Большие, маленькие, каких только расцветок и раскрасок не было.

Так я изучал окружающий меня мир, а именно насекомых.

Но я немного отвлекся, отошёл от темы, ушёл в сторону. Поэтому исправляюсь.

– Пойдём стрелять из рогаток! – крикнул мне через открытое окно Толька.

Рогатка, лук и стрелы – эти вещи были у нас у каждого. Стреляли по воронам, сорокам, голубям. Так же очень любили насобирать бутылок и флаконов из-под одеколона и лекарств. Выставляли их на одной линии и, как в тире, расстреливали. Из рогаток мы стреляли и друг по другу, правда, жалели свои детские тела и когда играли в войну с рогатками, то заменяли камни зелёными сосновыми шишками.

Но испытав на себе попадание шишкой, понимаешь, что никакой разницы нет между ней и камнем. Боль такая, что складывалось впечатление, что она вошла через кожу в тело и там находится. Это удовольствие я испытал на себе неоднократно. И от каждого попадания оставались следы в виде чёрных синяков и кровоподтёков.

Как мы не выбили друг другу глаза, я не могу понять. Ведь если б сосновая шишка попала в глаз, то ни один врач не смог бы вернуть зрение. Но мы об этом не задумывались.

– Сейчас иду!

И через минуту мы с другом шли с заряженными и растянутыми рогатками, готовыми в любой момент привести в действие силу натяжения резинового жгута. Я успел нагнуться. Летящая сосновая шишка издаёт неподражаемый звук. Мой слух меня не подвёл и в этот раз.

– Вон он! – крикнул Толька и выпустил в сторону пушистой ели свой заряд.

Разглядеть в ветвях ели тощее тело Мишки Ентякова не было никакой возможности.

Теперь главное – обойти ёлку с двух сторон. Мы расползлись в разные стороны, и Мишка на время потерял нас из вида. Он начал крутиться по сторонам, чем себя и выдал. Теперь оставалось только получше прицелиться. Я натянул жгут, что было сил, прицелился... и уже хотел произвести меткий выстрел, как услышал за своей спиной звук резинового жгута. Звук пролетающей над моей головой шишки.

Через мгновение на ёлке произошло шевеление, раздался душераздирающий звук, и Мишка, плавно скользя по ветвям старой ели, как с горки скатился на траву и забился в конвульсиях. Я же оглянулся и увидел улыбающееся лицо Серёжки Устинова.

– Бежим! – крикнул Толька, и через минуту мы уже сидели на досках за домом у Серёжки.

Мишку жалко. Но сам виноват. Первый начал!

– Серёга – молодец! С первого выстрела попал! – сказал Толька, высморкавшись по сторонам.

Примерно через полчаса мы увидели хромающего через прогон к своему дому Мишку. Он руками держался за левый бок. Мы спрятались за доски. Не от того, что испугались. Просто в такой момент лучше не показываться на глаза раненому. Мишка шёл, а по его лицу текли слёзы.

– Больше не будет по нам стрелять! – предположил Толька.

Но он очень сильно ошибался.

Убедившись, что нам больше ничего не угрожает, мы пошли на поляну, где Серёга нас опять удивил своей меткостью. На ёлке, которая растёт за воротами, на самой верхушке сидела какая-то небольшая птица. Серёга, не целившись, выпустил из рогатки в неё камень. Птичка даже не успела испугаться, как камень срезал под ней верхушку. Живая и невредимая птица улетела, а ёлка осталась стоять без верхушки.

Меткий выстрел – это не случайность. Это долгие тренировки, меткий глаз, а самое главное – огромное желание быть лучшим.

Наше футбольное поле опять всё было «заминировано» коровами. Мы хотя и просили Веню не выгонять стадо на нашу поляну, но толку от этих просьб было мало. Пастух считал, что на поляне самая вкусная и сочная трава, а гонять мяч можно и среди коровьих «ляпёх». И поэтому всегда побеждало мнение пастуха и его любимого стада. Ну а нам ничего не оставалось делать, как брать лопаты и собирать «урожай» органических удобрений.

Убирать навоз после коров, конечно же, не самое интересное занятие, но ничего не поделаешь. Никто, кроме нас, этого не сделает.

В «сало» мы могли играть с раннего утра и до темноты. Интересней игры летом для нас не было. Зато проиграв целый день, вечером мы засыпали мертвецким сном.

Это были самые лучшие дни нашей жизни. Но тогда мы об этом не догадывались. Мы знали и верили в то, что всё самое лучшее у нас будет впереди...

ЗАГОТОВКА ШИШЕК

Зима – это не только игра в снежки, катание на лыжах и хоккей, но и заготовка шишек – еловых и сосновых.

Принимают шишки в Судском лесничестве. Тащат мешки с шишками на санках и стар, и мал. Принимают ото всех, с утра до вечера.

– Одевайся потеплее! – сказала бабушка Сима. – Не забудь запасные рукавицы!

Толька и Юрка меня уже ждали во дворе. У обоих дровешки, а на них топоры и мешки из-под картошки. Ну а я взял с собой кроме саней и мешка, конечно же, пилу-ножовку. Пилы я ещё не научился нормально «разводить», но треугольным напильником поскоблил по зубьям достаточно.

– Мы уж думали, тебя не отпустят с нами! – проговорил Юрка, когда моё тело появилось на улице.

Ползти по снегу и тащить с собой санки не очень лёгкая работа, но ничего не поделаешь – деньги достаются с большим потом.

– Я дальше не пойду! – сказал Толька и упал на свои дровешки.

– Будем собирать здесь! – сказал Юрка и присел на свои сани.

Вы когда-нибудь залезали на дерево, держа в руках топор или пилу? Нет? Зря очень интересное занятие!

У меня пила висит на плече. К пиле привязана верёвка, и она у меня висит за спиной. Я тихо-тихо лезу ближе к верхушке ели, пробираясь сквозь её сучки. До верхушки остаётся совсем небольшое расстояние, но валенок, к подошве которого прилип снег, предательски проскальзывает на сучке, правая рука, держащаяся за верхний сук, разжимается, и моё тело начинает свой путь сверху вниз.

Так мы ещё в детстве познавали закон притяжения. Впоследствии, мы на уроках физики узнали и скорость свободного падения, но в данный момент меня это интересовало меньше всего.

Первые доли секунды полёта я летел спиной вниз, затем после удара о встретившийся на пути толстый сучок диаграмма полёта круто изменилась. Произведя кульбит в воздухе, я направлялся на встречу с землёй параллельно стволу, но уже вниз головой.

Весь полёт я молчал. И когда до конца полёта оставалась секунда, я услышал сквозь биение своего маленького сердца крик Юрки, который предупреждал об опасности своего брата.

– Берегись!!!

Забыл сказать, что весь полёт происходил с закрытыми глазами. Так легче переносится падение с высоты.

Мне повезло, что в этом году намело огромные сугробы снега. Только это меня и спасло. Иначе некому бы было писать эти строки. Я мягко вошёл головой в сугроб, пробил его до самой промёрзшей земли и за-тих. Пила прилетела на мгновение позже.

Два брата Докичевых начали меня вытаскивать. Сначала они стащили с меня валенки, затем мои штаны с начёсом и с «трениками» до колен, а уж потом им удалось всё-таки меня освободить из снежного плена.

А я в свою очередь, натренированный к таким обстоятельствам братьями Ягудиными, стойко перенёс данное испытание на прочность. Минут через пять после моего приземления я уже был снова готов для покорения еловых вершин.

– Как твоя башка? – спросил Юрка.

– Нормально, почти не болит! – ответил я.

И это была почти правда.

Вы знаете, чем отличается ствол сосны от ствола ели? У ели сучки, за которые можно схватиться и подниматься к вершине намного ниже, чем у сосны. Поэтому для сбора сосновых шишек нужна лестница, без неё никуда.

Хотя есть ещё один способ, это делать лестницу из самой сосны. Постепенно карабкаясь вверх, приколачивать перекладыны гвоздями одну за другой. Но это мы делали в крайнем случае. И такой способ был совершенно не простым. Если не сказать очень сложным.

Но деньги всегда зарабатываются трудом, преодолением самого себя. И мы уже в этом возрасте прекрасно осознавали, что такое работа, и как достаются деньги.

Гвозди для такого способа подъёма по стволу должны быть длинными, «сотка», не менее. А иначе приколоченная перекладина не выдержит веса сборщика шишек, и полёт параллельно стволу будет обеспечен. И я, конечно же, совершал такие полёты и не раз. И не только я. Заготовка шишек – дело опасное и не простое, как кажется на первый взгляд.

Юрка нашёл сосну, на ветвях которой было сотни шишек, и начал подрубать её под самый корень. Затем я пришёл ему на смену. И так, по очереди, мы всё-таки перерубили ствол этой сосны. Ствол чуть наклонился, затем издал звук, чем-то похожий на плач, и всей своей массой рухнул на белоснежное одеяло снега.

– Мы молодцы!!! – похвалил себя в первую очередь Юрка.

И мы наперегонки начали обдирать шишки с веток.

Когда ты чем-то занят, то совершенно не замечаешь всё, что творится вокруг тебя. Ты в этот момент полностью поглощён работой и тебя совершенно не интересует, чем заняты другие. А зря! Всегда надо быть начеку! Не расслабляться!

– А кто это здесь сосны валит???

Этот хриплый мужской голос раздался у меня за спиной так неожиданно, что я вздрогнул всем телом.

– Кто разрешил вам сосны рубить?

Юрка с Толькой, смотрели в мою сторону с открытыми ртами. Види-

мо, были удивлены ничем не меньше, чем я, появлению постороннего.

Я медленно повернул голову в сторону человека, так незаметно подкрававшегося к нам в зимнем лесу. И тоже не сразу узнал его. Мужик был одет в ватные штаны, телогрейку и пушистую лисью шапку, надвинутую на глаза. Это был дядя Коля Ползиков. Наш сапожник. На плече висела двустволка, а за спиной вещмешок. Дядя Коля стоял на широченных самодельных охотничьих лыжах и совсем не проваливался в снег.

– Здорово, дядя Коля! – проговорил я. А что можно было ещё сказать в данной ситуации?

– Здорово, товарищи шишкозаготовители! – в свою очередь со всеми присутствующими поздоровался сапожник Судского КБО.

На какое-то мгновение над лесом стало совсем тихо. Полная тишина, от которой звенело в ушах. А тишина – всегда не очень хорошо. Тишина, она всегда перед бурей.

И эту тишину разрезал лай гончей. У дяди Коли была собака, с которой он охотился. Звали её Альма.

Услышав громкие завывания своей собаки, дядя Коля поспешил на её голос, предупредив перед этим:

– Смотрите, много сосен не рубите, а то осенью негде будет грибы собирать!

И до тех пор, пока охотник не скрылся из нашего вида, мы всё смотрели ему вслед.

– Продолжаем! – сказал Юрка.

И мы продолжили набивать наши мешки сосновыми шишками.

Через несколько минут мы услышали выстрел. Затем ещё один. После чего собачий лай прекратился. Мы притихли. Но больше ни лая, ни выстрелов не было слышно. Оборвав до последней шишки поваленную сосну, мы двинулись в ельник.

Еловая шишка и больше, и тяжелей. Юрка с ножовкой залезал на самую верхушку и спиливал её. Ёлка лишалась только верхушки, а не была срублена под самый корень.

Дни сбора шишек закончились. Теперь предстоит их сдача в приёмный пункт. Очень долгожданное мероприятие. Получение денежного вознаграждения за свой тяжёлый труд. Коммунизм ещё в нашей стране не наступил, и в ходу ещё были советские банкноты. Он должен будет наступить лет через двенадцать, как нам обещал Никита Сергеевич Хрущёв. А пока без денег в магазинах ничего не давали. За всё пока приходилось платить.

Очередь на склад Судского лесничества, как в Мавзолей к Владимиру Ильичу. Бабушка Сима составила на санки четыре картофельных мешка, набитые под самую завязку шишками. Два мешка сосновых и два еловых. Это, конечно же, немного. Другие сборщики шишек привозили десятки мешков. Мешки были положены поперёк санок. Бабушка

взялась за верёвку впереди саней, а я помогал толкать их сзади.

На половине дороги я, весь перепревший, упал на мешки сверху, и бабушка тянула за собой не только сани с мешками, но и меня.

Как я уже сказал, очередь на склад была длинной, и казалось, что она не движется вообще. Впереди нас стояли сани, в которые была запряжена лошадь. В санях, забитых мешками, сидел мужик в овечьей шубе и курил папироску.

– Здорово! – сказал я и протянул руку, заранее стянув с неё рукавицу.

– Здорово! – ответил мужик и поздоровался со мной за руку.

– Давно стоите? – поинтересовался я.

– Да уж часа полтора, это точно! – мужик сделал затяжку и выплюнул папироску на снег.

– Беломор курите? – поинтересовался я.

– А ты чё, куришь?

– Нет, бросил! – ответил я.

И направился посмотреть на лошадь.

– Замёрзла? – спросил её я, и лошадь начала мотать белоснежной от инея мордой.

На дне кармана моего зимнего пальто лежал кусок сахара, и обтерев его, я протянул его лошади. От увиденного она на мгновение остолбенела, но затем очень нежно, чуть задев мою ладонку, слизнула сахар.

– Всё! У меня больше нет! Я ведь не знал, что ты будешь здесь в очереди стоять. В следующий раз возьму сахара больше.

И по её карим глазам было видно, что она мне поверила. Погладив лошадь по губам, я направился в начало очереди.

Вернувшись обратно к своим санкам, я увидел, что за нами заняла очередь какая-то бабка, очень похожая на Бабу-Ягу из фильма-сказки «Морозко». Ей было лет сто, не менее, и на судском кладбище её уже несколько десятилетий искали с фонарями.

– В школу ходишь, али ещё нет? – Спросила бабка своим беззубым ртом.

– В первый класс! Круглый отличник! – похвастался я.

– Уже жениться собрался! – похвасталась бабушка Сима.

– Уже? И невеста есть? – не поверила бабка.

– Конечно, есть! В десятом классе учится! – с гордостью проговорил я, и бабка, потеряв дар речи, закрыла свой беззубый рот и больше его уже не открывала. Видимо, сильно была удивлена моим ответом.

Взвешивание наших мешков заняло совсем немного времени. Затем были взвешены наши пустые мешки вместе с верёвками, которыми они были завязаны.

– Одиннадцать рублей пятьдесят копеек! – сказала приёмщица.

И выдала бабушке Симе, под роспись, красный червонец, мятую рублёвку, и пять монеток по десять копеек. Это и был мой заработок.

Это были для меня, для первоклассника, огромные деньги. Деньги я отдал, конечно же, бабушке, а себе оставил пять десятикопеечных монет, на пять посещений клуба.

Теперь я знал, каким потом и каким трудом зарабатываются деньги. От каждого по способности – каждому по труду! Коммунизм ещё не наступил, но к этому светлому дню мы шли семимильными шагами!

МЕСЯЦ МАРТ

По утрам можно смело ходить по снегу. Корка наста, застывшего за ночь, спокойно выдерживает массу тела не только ребёнка, но и взрослого человека. Солнце уже не зимнее, а начинает пригревать, поэтому днём текут струи тающего снега с крыш, а ночью превращаются в сосульки. Появляются первые проталины. Проталины сначала появляются коричневым цветом прошлогодней травы на железнодорожной насыпи. Составы с углём, после своего прохода оставляют угольную пыль на снегу рядом с железнодорожным полотном, и солнце быстрее растапливает снег именно в этих местах. Прилетают первые грачи. Они важно расхаживают по железнодорожным путям, не обращая никакого внимания на своих ближайших родственников ворон, которые с нескрываемой завистью наблюдают на прилетевших из-за границы сородичей.

Почему грачи улетают зимовать в тёплые края, а вороны остаются зимовать вместе с нами? Я пока не знаю! Но одно знаю точно – грачи предвестники весны, первые перелётные птицы, прилетающие в наши края после холодной зимы.

С самого утра в окно светит солнце. Идти в школу совсем не хочется. Но ничего не поделаешь, приходится одеваться и идти получать знания.

– Не будешь учиться, на всю жизнь останешься дурачком и пойдёшь к Вене-пастуху в подпаски! – каждый раз говорила бабушка Сима, когда я начинал искать предлоги, чтобы не идти в школу.

Работать подпаском всю жизнь до пенсии мне никак не хотелось, тем более, быть дурачком. И я каждое утро шёл в одноэтажное здание Судской начальной школы для повышения разносторонних знаний.

– Ты пойдёшь сегодня на рыбалку? – задал мне очень глупый вопрос Ванька Дёшин, когда я только переступил порог своего учебного заведения.

– Конечно, пойду! После обеда будет самый клёв!

Время на уроках, тянется, и уже нет никакой возможности сидеть за партой, когда тебе в глаза ярко светит солнце.

После занятий мы с Ванькой и Сашкой Беловым не идём, а бежим домой.

– Ни на какую рыбалку не пойдёшь, пока не пообедаешь! – строго говорит бабушка Сима.

– Я в школе уже пообедал! – отговариваюсь я. Но это, конечно же, бесполезно.

– Пока всё не съешь, на реку не пойдёшь!

– Да меня же ребята ждут!

– Ничего, подождут! – говорит моя бабушка и наливает огромную тарелку щей.

– Сметаны побольше клади, щи быстрее остынут!

И я кладу сметану. Одну ложку, вторую, третью.

– Чего-то плохо ешь! Не заболел? Может, у тебя температура?

– Нет у меня температуры! Просто есть не хочу! Я же в школе недавно ел!

– Так значит, тебе не нравится, как я тебе сготовила?

И пошло-поехало.

Тарелка жареной картошки с холодцом заполнили в конце все мои внутренности, и я уже тяжело дышал.

– Попей топлёного молока с пирогом с творогом!

Я ни слова не сказал. Просто уже не мог спорить, не было сил. Выпил пол-литра коричневого горячего топлёного молока, только что достанного бабушкой из русской печи, и кусок пирога, размером с тарелку, так же запихал себе в рот. После чего сказал:

– Спасибо!

– Вот теперь можешь собираться на рыбалку!

И я начал собираться.

На что лучше всего клюёт весной рыба? Конечно же, на мотыля! Но его можно купить только в Череповце на вокзале. Мотыль продают по цене 1 рубль за спичечный коробок мужики из Бабаево. Где они его там моят – строжайшая тайна.

В Суде мы ходили мыть мотыля в Колонию. Там есть несколько прудов, где иногда можно намыть мотыля. Мытьё мотыля весьма нелёгкая работа. А чтобы намыть один спичечный коробок, надо промывать ил целый день. Так что мы поступали проще. С осени я накапывал полведра червей, закладывал землёй, сверху накрывал листьями капусты и заматывал мешковиной, чтобы не дать возможности насадке разбежаться за время долгой зимы. Ведро ставил под пол. Там червяки чувствовали себя прекрасно и уже ближе к весне приносили приплод в виде совсем маленьких, похожих по размеру на мотыля, червячков. Вот именно они и были самой лучшей насадкой каждой весной. Не надо потеть при промывке мотыля на пруду. Да ещё можно было нарваться на неприятности от местных колоненских рыбаков, которые очень ревниво относились к посторонним заготовителям личинок комара на своих прудах.

Весной на реке поверх льда выступала вода, поэтому на валенки я уже одевал галоши.

Рыболовный ящик – это особая конструкция. У меня он сделан из толстой фанеры и поэтому, даже совершенно пустой был не совсем лёгкий на вес. В него со всех сторон, для большей прочности, было вкручено не менее килограмма шурупов, различной длины и диаметра. Ящик был с крышкой, которая крепилась при помощи двух полосок прорезиненной ткани. Чтобы удобно было его носить, я приколотил гвоздями старый кожаный ремень.

– Мы думали, ты умер! – сказал Ванька, когда я подошёл к его дому на улице, носящей имя первого в мире космонавта.

– Не умер, обедал долго! Пойдёмте, а то и так уже опаздываем!

Чем делали лунки? Ломиками, пешнями и ледобурами.

Ледобуры – почти все были самодельные, редко у кого можно было увидеть «Ленинградский», изготовленный в заводских условиях. Ледобуры «ложечка» встречались чаще всего. Они были просты в изготовлении, но требовали больших усилий, чтобы просверлить во льду лунку. Чтобы этим устройством проделать отверстие формы круга, нужно было очень сильно попотеть.

У меня была пешня. Не совсем лёгкая, но без неё никак нельзя. Кто тебе будет лунки делать? Поэтому, хоть и нелегко носить на плече пешню, но зато никого не надо просить сделать лунку.

Весной рыба подходит к берегу, ото дна до льда несколько сантиметров. Что её так тянет на мель, сказать трудно, но говорят, что по весне ручьи стекают в реку и несут с собой кислород, по которому рыба истосковалась долгие месяцы под толстой толщей льда.

У железнодорожного моста спускаемся на лёд и идём к «песчаннику». К острову, на входе в залив Дедки Ворона. Рыбаков не слишком много. На реке только пенсионеры и те, у кого выходной, работающие на ЧМК по сменам. А в выходные вся река в рыбаках. В Нелазе, в Межном, под железнодорожным мостом, в Колоненском заливе, у ДСК – везде любители подлёдной ловли.

Белый снег, яркое солнце, ветер где-то потерялся. Лучше погоды для рыбалки не придумаешь, только можно получить «снежную слепоту». Ощущение весьма неприятное.

Я раздолбил четыре лунки у самого берега. Когда их очистил от остатков льда своим «черпаком», то увидел дно. Песчаное дно. Потому, что и место называется «песчанник».

Четыре удочки поставлены. Теперь осталось дожидаться, когда сорога соблазнится на мои червяки. У Ваньки и Сашки расставлены удочки тоже у самого берега.

Клёв начинается внезапно и сразу у всех. Так бывает именно весной. Не успеешь снять с мормышки рыбку, как кивок соседней удочки уже начинает гнуться. А через какое-то время все четыре кивка начинают «играть». Но у меня только две руки. Я бегаю от лунки к лунке. У моих друзей такая же картина. Я снимаю сорожину с мормышки, бросаю

тут же на лёд, насаживая очередного червяка, а в это время уже на соседней удочке кивок загнулся в лунку.

Солнце уже начало скрываться за железнодорожной насыпью, а клёв не прекращался. Рыба просто сошла с ума, хватала даже мормышку, на которой уже не было насадки. У наших лунок пойманная рыба устроила настоящие танцы на льду, соревнуясь между собой, кто выше подпрыгнет. Чешуя сороги, отливаясь в последних лучах солнца, жемчужом блестела и слепила и без того уставшие от яркого солнца глаза.

В марте дни становятся заметно длиннее, но зато сразу после того, как солнце скроется за горизонтом, почти мгновенно становится темно. А до дома от реки идти ни много, ни мало два километра. И не просто идти, а тащить на своих плечах ящик, наполненный по самую крышку рыбой. И не надо забывать про пешню.

Обратная дорога, конечно, показалась намного длинней. У же у самого дома я понял, что моя спина не просто покрылась потом, а через моё зимнее пальто от моего тела поднимается пар.

– Ты что, совсем с ума сошёл? – задала вопрос бабушка Сима, когда приподняла мой ящик с рыбой. – Ведь у тебя грыжа вылезет! Ведь и взрослому мужику тяжело тащить такой ящик!

Я ничего не сказал в ответ, и не потому, что я не хотел вступить с бабушкой в прения, а просто у меня не было сил открыть свой рот и что-нибудь говорить в ответ. Бабушка Сима начала чистить мой улов, а я, попив чая с пирогами, пошёл спать. Ведь завтра опять надо идти в «поход за знаниями».

1 МАЯ – ДЕНЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЛИДАРНОСТИ ТРУДЯЩИХСЯ

83 года тому назад в Америке, в 1886 году в городе Чикаго, рабочие объявили забастовку. Они протестовали против пятнадцатичасового рабочего дня. Их требованием было, чтобы рабочий день был не более восьми часов. Рабочих разогнали, были убитые и раненые, и вот с этого времени 1 мая в память о забастовке американских рабочих мы празднуем – День международной солидарности трудящихся. Но это так, отступление.

С самого утра светит солнце, а значит, совсем скоро наступит лето, а с ним нас распусят на летние каникулы.

В нашем классе светло и без лампочек. Солнечные лучи через двойные рамы нагревают воздух в классе. Мы сидим и внимательно слушаем Людмилу Александровну и щуримся от лучей весеннего солнца.

– Дорогие дети! Через две недели у нас в стране будет отмечаться праздник 1 мая, День Международной солидарности трудящихся всех стран! – начала свою речь наша любимая учительница. – Поэтому нам,

октябрятам, необходимо заранее подготовиться к этому весеннему празднику. В чём будет заключаться наша подготовка? Всё очень просто! Мы должны сделать к этому празднику букеты. Букеты будем делать из берёзовых веточек, а цветы сделаем из цветной бумаги. Вы знаете, дети, что к 1 мая ещё не распустятся почки, поэтому вам необходимо сегодня или завтра нарезать берёзовых веточек и поставить их в воду. За две недели почки распустятся, и мы из них с вами сделаем красивые букеты. Вам понятно, что я вам сказала?

– Понятно! – хором ответил наш дружный класс.

– А сколько нам нужно веток нарубить? – встал из-за парты и задал вопрос Ванька Дёшин.

– Садись, Ваня! Чем больше, тем лучше. Потому, что много букетов не бывает! – объяснила Людмила Александровна.

Но сказав это, наша учительница и подумать не могла, как мы своим детским умом представляем для себя выражение «много не бывает». Но каждый понял так, как понял.

В этот же день, придя из школы, я пообедал, переоделся и, взяв топор, собрался в лес.

– Когда уроки будешь делать? Скоро уж темнеть будет, или опять затемно будешь делать домашнее задание? – заворчала бабушка.

– Не до уроков мне сегодня! Есть дела поважней! Надо нарубить берёзовых веток к 1 мая! Будем букеты делать!

– А уроки кто будет делать? Опять мне за тебя придётся? Ветки успеешь нарубить! Берёзы никуда от тебя не уйдут!

Но эти слова бабушки я уже дослушивал в сенях.

Топор, нож, ножовка, верёвка, дровешки. Снегу этой зимой выпало выше заборов, и поэтому таять ему очень долго. Сразу за нашим домом много берёз – и совсем молодых, и совсем старых.

Я подхожу к первой попавшейся на пути березе и отрубаю сучки. И в это же мгновение в лицо мне бьёт струя берёзового сока. А затем, капля за каплей, на снег начинает капать прозрачная жидкость... Через час я уже стоял во дворе с дровешками, полными берёзовых веток, перевязанных верёвкой.

– Ты что, с ума сошёл? Ты куда столько нарубил веток? Ты что, на всю Суду старался?

Я понимал, что бабушка права, но что сделано, то сделано.

– Надо бутылки из-под водки помыть! Сок пойду собирать! С берёз сок ручьём течет! – сказал я, а бабушка только махнула рукой.

Бутылки я, конечно же, не мыл. Зачем? Ведь с остатками водки сок ещё более вкусный. Не знали? Попробуйте!

Десять бутылок висели, на берёзах, как новогодние игрушки. После того, как я привязал к обрезанной ветке последнюю бутылку, в первую, повешенную мною, уже натекло около стакана. Я отрезал верёвку, и прекраснейший, вкуснейший, прозрачный, холодный берёзовый сок по-

тёк в меня.

С утра пораньше на следующий день я пошёл собирать свой «урожай». Некоторые бутылки были переполнены, и сок стекал по наполненной бутылке, и на снегу образовались проталины. У других, наоборот, натекло не более половины. Трёхлитровая банка была до самых краёв наполнена соком берёз. Остальное я выпил.

– Молодец! – сказала бабушка Сима. – Давай быстрее завтракай, а то в школу опоздаешь. Посмотри в окошко, ребята по панели уже идут в школу, а тебя леший по лесу таскает!

Я и в самом деле задержался в лесу, как-то незаметно время пробежало.

– Я думаю, Людмила Александровна будет рада! Наверняка, никто больше меня не нарубил берёзовых веток.

Братья Докичевы последовали моему примеру. К вечеру все берёзы, росшие невдалеке от наших заборов, были обвешаны бутылками, по ним стало понятно, каким алкогольным напиткам отдаёт предпочтение их отец – дядя Коля.

Придя из школы, я с бабушкой занялся ответственным делом. Мы обрезали берёзовые сучья, выбирая из них прямые, одинаковой длины ветки. Обрезанные ветки поставили в ведро, наполовину наполненное водой.

Уже на следующее утро я внимательно осмотрел ведро с берёзовыми ветками и убедился, что никаких положительных сдвигов с открытием почек не произошло. Но, как говорится, дело сдвинулось с мёртвой точки – берёзовые ветки уже стояли в ведре с водой. Оставалось только ждать! Только на четвёртый день я увидел, что на берёзовых ветках почки начали распускаться. Появились точки зелени. Значит, все мои старания были не напрасны!

За день до праздника Людмила Александровна попросила нас принести наши проросшие ветки. Когда я занёс эмалированное ведро с зелёными берёзовыми ветками в класс, Людмила Александровна сняла очки и с удивлением в голосе спросила:

– Ты, Андрюша, на весь класс прорастил веточек?

– Мне не жалко! Но я старался!

Два урока мы вырезали из цветной бумаги цветы. Кто-то разрисовывал белую бумагу цветными карандашами. На каждую веточку мы при помощи ниток прикрепляли не менее трёх цветков. Все готовые берёзовые ветки уже с цветками мы ставили обратно в воду.

Свой букет я обвязал нитками и поставил обратно в ведро. Поставить свои букеты в моё ведро я разрешил и другим своим одноклассникам. Ведь букету стоять в ведре намного удобнее, чем в пол-литровой банке...

– Ну, а где ведро? В школе забыл? Или по дороге потерял?

Я, конечно же, знал, что бабушка Сима задаст мне вопрос про вед-

ро, в котором я унёс в любимую школу ветки. Но что этих вопросов будет сразу три, честно не ожидал.

– Не потерял я ведро, в школе оставил.

– А зачем ты его в школе оставил?

– В ведро поставили готовые букеты, уже готовые, с цветами! Сразу после праздника принесу домой!

– Обязательно принеси, а то ведь вёдер не напасёшься!

1 Мая – это настоящий праздник. К нему готовятся не только школьники. Все рабочие коллективы к этому празднику выполняют принятые на себя социалистические обязательства. У каждого коллектива свои плакаты и транспаранты.

Всё футбольное поле в красных флагах. На краю поля уже стоят несколько автолавок. Сегодня ожидается очень бойкая торговля, особенно у тех, кто будет торговать бутылочным пивом. Желающих утолить свою жажду пенным напитком очень много. Вернее сказать, всё взрослое население Суды, которым по закону уже разрешено употреблять алкогольные напитки. У настоящих любителей выпить заранее припасена поллитровая бутылка любимого напитка – чистойшей, как слеза ребёнка, сорокоградусной. Выпить стопку водки и запить пивом. Это мечта всего взрослого населения мужского пола.

На трибуне стоит очень много людей. Мужчин и женщин. Это руководители предприятий, партийные, профсоюзные работники, передовики производства.

Первым, как и положено по статусу, выступил представитель районного руководства. Мужчина выступал долго. В его речи было много непонятных для меня слов, много цифр. Говоря свою речь, он размахивал обеими руками, и я думал, что он вот-вот ударит по лицу стоящих рядом с ним мужчин. После того, как мужчина закончил своё выступление все долго ему аплодировали. Аплодировал и я.

Гришкин Юрий Иванович говорил уже более понятным языком. Затем пошло-поехало. Руководители предприятий, партийные работники, представители комсомола, передовики. За время митинга я отбил свои ладошки, так я приветствовал всех выступавших.

Затем началось самое главное – шествие. «Мир, труд, май!», «Да здравствует Первомай!», «Да здравствует международный день солидарности трудящихся!», «Первомаю – наш ударный труд!» – каких только лозунгов и транспарантов не несли рабочие коллективы. Обязательно для такого торжества несли портреты Ленина, Карла Маркса, Фридриха Энгельса и, конечно же, Леонида Ильича Брежнева.

Мы, школьники, шли последними. Проходя мимо трибуны, мы громко орали:

– Ура-а-а!!!

А люди, находящиеся на трибуне, в ответ махали нам руками. А мы махали букетами из веток берёзы им в ответ.

И так как мы шли последними, к автолавам мы попали уже, можно сказать, к шапочному разбору. К каждой автолавке многометровая очередь. К машине, с кузова которой продаётся бутылочное пиво, вообще не пробраться. Здесь могут придавить насмерть.

Я около часа стоял для того, чтобы купить пару бутылок лимонада. Пирожного мне не досталось. Вообще никакого. После чего я сделал вывод, что не надо было идти в колонне, а надо было бежать через всё футбольное поле, чтобы в числе первых быть у автолавки. Но хорошая мысль приходит опосля!

Людмила Александровна сказала, что все наши берёзовые веточки надо унести обратно в класс, потому что через восемь дней будем отмечать День Победы и эти букеты подарим ветеранам. Моё ведро опять пригодилось. Не буду говорить, что мне сказала бабушка Сима.

После того, как мы отнесли наши букеты обратно в школу, я, Санька Белов и Ванька Дёшин вернулись обратно на футбольное поле.

Несколько гармонистов наяривали частушки, женщины пели, а мужики разливали, кто пиво, а большинство водку. В праздник принято пить, конечно же, водку.

На самом футбольном поле идёт матч, команда Судского завода «Красный Пресс», в простонародье «КЭРПЭР» встречается с командой Домостроительного комбината. Болельщиков не так уж и много.

Жители Суды собираются группами, выпивают. Отовсюду звучит смех. Все веселы и жизнерадостны. Из громкоговорителей звучат марши. Жители посёлка в этот день стараются нарядиться по последнему слову моды, чтобы не ударить лицом в грязь. Настоящий праздник. В этот день принято ходить друг к другу в гости.

Все пьяны и веселы, праздник набирает обороты. Про американских рабочих из города Чикаго никто не вспоминает. Сейчас не до них, а то, за что они выходили бастовать, у нас в стране уже давным-давно есть – восьмичасовой рабочий день! Живи, работай и радуйся!

Мы с Ванькой и Сашкой, походив и осмотрев все прилавки, уже собирались идти ближе к дому, как к нам подошли наши одноклассницы – Зойка Бурлова, моя соседка по парте, и Наташка Киселёва. У обеих в руках по бутылке «Буратино» и по коржику.

– Вы сегодня на велосипедах пойдёте кататься? – спросила Наташка.

– Мы с Ванькой сегодня пойдём на танцы в клуб! Сегодня же танцы! – сказал я, не спросив при этом своего одноклассника.

Но Ванька, не сказав ни слова, просто мотнул головой.

– А мы поедем на велосипедах на «Бродвей»! – гордо сказала Зойка, и они с Наташкой, подняв головы вверх, пропали из нашего виду.

А вечером были танцы. Мы с Ванькой опять танцевали до упада.

Но ближе к девяти часам вечера, когда в клубе народу было, как сельдей в бочке, раздался мужской истерический голос:

– ДэСКовские пришли!

И вмиг почти все ребята доармейского возраста и отслужившие в Армии покинули клуб и выбежали на улицу. Мы с Ванькой последовали за ними.

Перед клубом стояли жители посёлка ДСК (Домостроительного комбината). У кого в руках кол, у кого намотанный на руку солдатский ремень. Драки между молодёжью Суды и ДСКа были не редкостью. Не обязательно, чтобы для этого была какая-то причина. Ведь драться можно и без причины. Драка между двумя посёлками практикуется уже не первый год. Это ритуал, сложившийся годами.

Но сегодня драки не получилось. В то время, когда до начала рукопашного боя оставалось несколько секунд, собравшиеся услышали звук приближающегося мотоцикла. На мотоцикле «Урал», в фуражке с красным околышем, к клубу на всех парах подъехал начальник Судской милиции Приходько Василий Лаврентьевич. Остановившись посередине двух конфликтующих сторон, не сходя с мотоцикла, он громко спросил:

– Ну и что? В тюрьму захотели? На лесоповале работы навалом!

И этого было достаточно для того, чтобы конфликт был исчерпан, так и не начавшись.

И только после этого перевёл взгляд в нашу сторону.

– А вы что тут делаете? Быстро на горшок и спать! – приказал начальник милиции, и мы с моим одноклассником испарились.

Василий Лаврентьевич представитель власти. А власть надо уважать! Это во-первых. А во-вторых – старших надо слушаться!!!

ВСТРЕЧА С БОГОМ

Почему ловить леща всем жителям Суды нравилось на гонках, на левом берегу, не известно. Через реку, на территорию Судской лесобиржи, все переправлялись разными способами.

В этот летний, тёплый вечер на левый берег нас троих перевёз незнакомый мне мужик.

– Тебя не Юркой зовут? – спросил он, приблизившись к нам.

– Да, а что? – не понял мой друг.

– Ты сын Николая Докичева?

– Да!

– Ну, если да, то давайте потихоньку залезайте в лодку.

И через несколько минут мы уже были на гонках.

Гонок напротив лесобиржи много, они растянуты примерно на километр, но рыбаки занимают себе места только напротив порталных крапов. Почему? Наверно, потому, что здесь лещ прикормлен уже годами. Ведь все до единого рыбака приходят на рыбалку с прикормкой. При-

кормка проще простого – сетка авоська, в неё укладывают сухари белого и чёрного хлеба, несколько веток укропа и пару камней для груза и всё. И так из года в год и всё в одном месте. Поэтому стаи лещей из поколения в поколение передавали своим потомкам о месте, где местные жители любят прикармливать рыб нехищных пород.

Прикормка опускается на верёвке на дно и возле этой прикормки забрасываются удочки. У нас у всех по пять удочек. Именно по пять, не меньше, не больше. Удочки-лещёвки у нас из можжевельника. Не из берёзы или сосны, а именно из этого хвойного растения. У нас у всех так же свои места. Гонки меняются почти каждый день, но свои места мы запоминаем по противоположному берегу. Гонки меняются, а противоположный берег нет.

До того, как начнёт смеркаться, мы закидываем прикормку, забрасываем удочки. Солнце быстро скрывается за горизонт. Мы с Юркой таскаем дрова для костра, Мишка уже разжигает бересту. Мишка – лучший разжигатель костров. Возле костра делаем лежаки из досок, чтобы не только сидеть, но и лежать у костра. Всё хорошо и прекрасно. Только одно мешает нормальной рыбалке – комары.

Когда костёр начинает прогорать и остаются только угли, мы бросаем туда картошку и палками закапываем её в угли и головешки. Через двадцать минут мы выкапываем картошку из углей и подбрасываем в костёр толстые брёвна, чтобы дольше горели. Картошку чистим, посыпаем солью и едим с чёрным хлебом. После еды, конечно же, перекур. Без него никак нельзя. Так положено, поел – надо покурить!

Костёр горит не только у нас. Не менее ещё пяти костров горит на берегу. Прикормка закинута, удочки с жирными червяками заброшены, желудки наполнены печёной картошкой, лёгкие получили необходимую порцию никотина, можно и поспать.

По железнодорожному мосту в сторону Ленинграда идёт пассажирский поезд, мигая огнями. До нас доносится стук вагонных колёс на стыках рельс, возле моих ушей межновские комары поют однотонную мелодию. У соседнего костра ребята постарше нас и уже отслужившие в рядах Красной Армии поют гитару свои любимые песни, по их непопаданию в ноты и нарушению ритма становится понятным, что они уже приняли на грудь немалую дозу вина. Какая-то птица надрывно кричит в зарослях, в нескольких метрах от нас. Я закрываю глаза, подложив под голову свой вещмешок. Часика два-три можно и поспать. Но желания не всегда совпадают с действительностью.

– У тебя есть закурить? – этим вопросом Мишка разбудил Юрку и, получив ответ о том, что нужно иметь свои, Мишка по фамилии Ентяков переключается с этим же вопросом ко мне. Ответить, как Юрка, я из-за своего прекрасного воспитания не смог и поэтому просто достал из кармана пачку «Плиски» со словами:

– На, травись!

– А можно две? – этот вопрос Мишка задавал всем, когда «стрелял» сигареты или папиросы у знакомых и малознакомых людей.

– Бери! – разрешил я.

И Мишка, без зазрения совести, вытянул из пачки сразу две сигареты. Прикуриив от костра, Мишка выпустил изо рта порцию дыма, который направился в небо вертикально поверхности земли, что говорило о том, что ветра совершенно нет, поэтому комаров становилось всё больше и больше. А возможности уснуть всё меньше и меньше.

В нашу сторону от соседнего костра отделились две тени. Они медленно, но верно приближались к нашему костру. Ребята, подошедшие к нам, были ростом под два метра, не менее, и точно уже отслужившие в рядах Советской Армии.

Первый вопрос, который был задан во множественном числе, но предназначался к выпускающему изо рта табачный дым Мишке:

– А не рано ли вам, ребятки, курить?

– Юрка, просыпайся! – толкнул он ногой своего одноклассника.

– Чего случилось? – спросил спросонья Юрка.

Через пару секунд мы уже втроём стояли у нашего костра. Напротив стояли двое. Мы смотрели на них, задрав головы вверх. Из правого голенища моего кирзового сапога торчала рукоятка ножа. И он привлёк внимание подошедших к нам молодых людей.

– Не рановато ли с такими ножами ходить?

Этот вопрос меня удивил. Но я ничего не сказал, так лучше, когда одни спрашивают, другие вопросы полностью игнорируют.

– Покажи-ка свой хлеборез! – попросил один из подошедших.

Давать кому-то свой нож – у меня не было таких мыслей никогда, даже в такой ситуации, которая возникла сейчас. На всякий случай я сделал пару шагов назад, чтобы было место для дальнейших действий, именно каких, я ещё не знал. Юрка с Мишкой последовали моему примеру.

– Откуда они? – спросил я у Юрки шёпотом.

– Это межновские!

Ребята начали подходить к нам, и у меня как бы невзначай вылетело:

– А вы случайно моего дядю не знаете?

– А кто твой дядя? – поинтересовался один из подошедших, тот, который просил показать ему нож.

– Мой дядя – дядя Серёжа Сергуничев!

Наглая улыбка сползла с лиц обоих.

Встретаться с дядей Серёжей этим молодым людям, сразу стало понятно, не было никакого желания. Потому, что эта встреча могла принести очень много проблем, особенно с состоянием здоровья.

– Понятно всё с вами! – проговорил сквозь зубы жаждающий несколько секунд назад осмотреть состояние моего ножа.

Мне эта фраза показалась не совсем понятной. Видимо, её говорят, когда сказать совершенно нечего и разговор можно считать законченным.

И сплюнув себе под ноги, оба, не сговариваясь, повернулись и направились туда, откуда пришли.

– Д-д-дай, закурить! – опять попросил Мишка.

И я опять протянул ему пачку сигарет. Закурил он, закурил Юрка отцовскую «Приму», ну и я прикурил от горячей доски в костре.

Какой после такого случая сон? Конечно же, никакого!

Мы присели у костра, и Юрка достал из своего вещмешка колоду карт. Игры в «очко», в «дурака» или «три листика», а то и в «пьяницу» – были нашими любимыми играми на ночной рыбалке. Хотя карты и не шахматы, но и в них очень много поучительного и развивающего память и принятие неординарных решений.

За игрой незаметно пролетело время до того, как у железнодорожной насыпи в стороне Нелазского начали появляться первые проблески восходящего солнца. Всё, пора к удочкам. Ловля леща начинается!

Первая поклёвка произошла у Юрки. Он подтащил широко раскрывшего свой рот леща ближе к гонкам, и я подвёл под него свой подсачек.

– Первый есть! – проговорил Юрка, укладывая жителя глубин в мешок.

Затем у Мишки один из поплавок лёг на гладь реки, и я снова стоял за спиной.

Затем лещу понравилась прикормка у моих удочек, и пошло-поехало на протяжении нескольких часов.

Три вещмешка, три связки удочек, всё готово к переправе на правый берег.

Два мужика, которые с утра стояли на лодках, привязанных к гонкам, отказались нас перевезти. Видимо, из-за зависти, ведь мы больше их наловили рыбы. Но мы ждали совсем недолго. Мир не без добрых людей. Через несколько минут в нашу сторону уже направлялся катер-водомёт, за штурвалом которого стоял отец Саньки Никитаева – дядя Толя.

– Здравствуй, дядя Толя! – поздоровались мы, потому что здороваться со старшими необходимо первыми, а с капитанами катеров тем более.

– Как успехи, рыбаки? – первым делом спросил он.

Мы, не сговариваясь, повернулись к нему спинами, и по объёму наших рюкзаков он понял, что мы не даром ходили на рыбалку.

– Прыгайте на нос! – скомандовал Санькин отец, и мы уже оттолкнулись ногами от брёвен.

И уже через минуту наши тела находились на территории Судской сплавной конторы.

– Спасибо! – сказали мы, и дядя Толя направил свой катер для вы-

полнения взятых на себя социалистических обязательств.

Мы уже были не маленькими и знали, что находиться вблизи работающих механизмов посторонним нельзя, тем более несовершеннолетним. Но знать и делать – это совершенно разные вещи! За разговорами мы не заметили, как чуть не врезались в мужика, по которому сразу было видно, что это не свальщик-навальщик второго разряда, не машинист порталного крана и даже не шофёр лесовоза, как Юркин отец, а человек рангом намного выше. От других его отличал весь внешний вид, весьма приличный костюм, а особенно грозный взгляд.

– Вы кто такие? Кто вам разрешил здесь шататься? Что, не знаете, что здесь проход посторонним запрещён?

– Мой отец здесь работает! – тихо сказал Юрка и через мгновение пожалел об этом. Прежде, чем что-то сказать, надо хорошенько об этом подумать, а он, видимо, ляпнул, не подумав.

– Фамилия родителя? – грозно спросил мужик.

– Докичев!

– Ах, Докичев, я с ним сегодня разберусь! И скажу, чтобы обязательно тебя выпорол, как сидорову козу!

– За что? – не понял Юрка.

– А за то, что много вопросов задаёшь старшим! Понял?

– Понял! – ответил мой друг.

Мишка при этом сделал вид, что он не с нами.

– А теперь быстро отсюда! Если ещё раз увижу – задницы крапивой отхлещу!

– До свидания! – прошептали мы с соседом.

– Не до свидания, а прощайте! – сказал мужик и направился в сторону берега.

– Бежим! – сказал Мишка, и мы побежали к проходной, где нас ждали наши велосипеды.

Женщина-контролёр издала видела сцену нашего унижения как членов социалистического общества и, когда мы приблизились к проходной, спросила:

– Вы хоть знаете, ребята, с кем вы сейчас разговаривали?

– А мы и не разговаривали, нас мужик выругал, а мы слушали! – оправдал женщину я.

– Вы сейчас разговаривали с «богом». С человеком, от которого полностью зависит наша зарплата и вся жизнь в целом. Вы только что разговаривали с самим начальником Судской сплавной конторы товарищем Гурко Георгием Робертовичем. Это требовательный начальник и настоящий коммунист. Всем бы такого начальника, давно бы уже в нашей стране коммунизм построили!

Как сравнивать бога и построение полностью бесклассового общества, где от каждого по возможности и каждому по потребности, мы не знали и не понимали. Это было ещё не нашего ума дело!

– А нам в школе говорят, что бога нет! – проговорил я, привязывая к раме своего велосипеда подсачек.

– Может быть, бога и нет, а товарищ Гурко есть, и он для нас живой бог! И слушаться его безропотно должен и стар, и млад. Его приказы и распоряжения не обсуждаются!

Больше мы не вступали в полемику с контролёром сплавной котторы, надо было как можно скорей уносить ноги ближе к дому, от неприятностей подальше.

Вот так я встретился в детстве с богом, который обещал исхлестать наши юные задницы крапивой. Больше мы с товарищем Гурко не встречались! И крапива осталась не сорванной!

ПЛОТ

Зацвела черёмуха. Воздух Суды наполнился прекрасным запахом, ни с чем не сравнимым, которым посёлок заполняется каждую весну. Каждую весну на протяжении нескольких десятков лет. Запах цветков черёмухи мой любимый. Черёмухи в нашем огороде, стояли, словно невесты, в белых нарядах. А ещё они напоминали деревья, покрытые пушистым снегом.

И в это время мы с соседом Толькой решили построить плот.

Все знают, что плот – это плавательное средство, сделанное из брёвен. Это известно всем и каждому. Но не каждый своими руками строил его. Это с первого взгляда очень просто, но когда начнёшь его строить, то возникает масса вопросов.

Брёвна – это не проблема. Их у бабушки за сараем не на один плот хватит. Они предназначались для столбов на новый огород, но мне онигодились раньше и не для того, для чего были припасены бабушкой.

Для его строительства я пригласил Тольку. Кого ещё приглашать?

Брёвна есть, доски имеются, помощник рядом, нет только гвоздей. Но уже через час поисков внутри амбара мною были обнаружены скобы, в количестве двадцати штук. С любовью и по-хозяйски замотанные верёвкой по 10 штук. Я почему-то решил, что бабушке они ни к чему, поэтому спрашивать не стал. Но, как впоследствии оказалось, я сделал огромную ошибку. А пока я показал Тольке свою неожиданную находку, чем вызвал у него бурю самых положительных эмоций.

Работа закипела!

Вначале мы положили на самом берегу пруда два параллельных друг другу бревна, на которые по порядку закатали ещё семь бревен. Эти два бревна положены нами специально для того, чтобы готовый плот было легче спустить на воду.

Бревно с бревном мы соединяли при помощи мною найденных

скоб. Сначала я легонько приколачивал скобу с обоих концов небольшим молотком, а уже затем мы оба колотили, что есть сил, по обоим краям скобы до тех пор, пока она полностью не проникала вглубь брёвна. И скрепляла намертво брёвна.

Сделав перерыв на обед, мы продолжили свою работу.

И через пару часов на берегу пруда стоял плот – дело наших с Толькой рук. Не плот, а просто загляденье! Никогда бы не подумал, что мы вдвоём сможем сделать такую красоту.

Первыми нашу красоту оценили местные стрекозы и бабочки, которые в большом разноцветном количестве уселись на плод наших творений. Но оказалось, что итог нашего творческого подхода понравится не всем. Бабушка Сима, выйдя за огород и увидав из чего мы с соседом изготовили плавательное средство, молча присела на берег пруда и схватилась обеими руками за левую часть груди.

Мы стояли у только, что сделанного плота и молчали. В ожидании, что же будет дальше? Хотя сценарий действий моей бабушки оба знали заранее. Через пару минут, справившись с обхватившей её беспомощностью, бабушка начала свою речь:

– Ах вы, дьяволы! Что вы тут наделали? Чем мы будем огород городить? Самые лучшие брёвна выбрали!

И пошло-поехало...

В таких случаях лучший выход, конечно же, сбежать с места преступления. И мы быстро с Толькой скрылись за песчаной горкой на другой стороне пруда. Дальше в лес мы не побежали, так как знали, что погони за нами не будет.

Бабушка ещё несколько минут ругала нас, но затем, успокоившись, пошла жаловаться Толькиной бабушке Анне.

Толька в то же время начал раскапывать песок, чем очень меня удивил. Но когда он из песка извлёк свою металлическую маленькую машинку, в которой в бумажном свёртке лежало четыре сигареты «Примы», я всё понял.

– Спички есть? – спросил Толька, приклеивая к нижней губе сигарету.

Я постучал себе по карманам брюк и понял, что самое главное я и не взял.

– Пойду, схожу в баню, возьму спички! – сказал Толька.

И скрылся в зарослях крапивы.

Курить «Приму» – это сделать затяжку, выдохнуть из лёгких дым и обязательно сплюнуть высыпавшийся на язык табак. Это целая церемония. Покурив и убедившись, что нас никто пока не ищет, мы снова направились к плоту. Ведь надо же покататься на плоту по пруду, не зря же мы его строили!

– Я первый! – коротко сказал я, и Толька не стал спорить.

И я встал на край плота, который ближе к воде. Это было первый

раз, и мы, конечно, и понятия не имели, как спускать плот на воду. Но все учатся на ошибках, одни на чужих, а мы учились на своих. Толя взял кол, воткнул его в землю и начал сталкивать плот в пруд. И это почти всё, что я помню. Что было потом, я помню не очень.

Сначала в воду упал я. Коснулся спиной илистого дна. Открыл глаза. И в это время на поверхности воды появился плот, который Тольке удалось столкнуть в воду. Моя голова оказалась легче других частей моего тела и начала процесс всплытия на поверхность пруда. Но так как плот ещё находился надо мной, то я очень сильно ударился об плот со стороны дна.

После удара головой о плот у меня автоматически открылся рот. Я тогда понял, что если в подводном положении удариться обо что-либо головой, то рот сам по себе открывается, независимо от того, хочешь этого или нет.

У кого-то, возможно, всё происходит иначе, но у меня произошло именно так, как и произошло. И в этот же миг мутная, вонючая вода пруда заполнила мой рот и дыхательные пути. А так как лёгкие человека приспособлены для того, чтобы вдыхать воздух, а выдыхать углекислый газ, но никак не перерабатывать воду, я осознал, что заглываюсь. Состояние очень неприятное!

Второй раз я уже не ударился головой о плот, если бы это произошло, то я, естественно, не писал бы эти строки. Я попытался встать на ноги, что мне удалось не с первого раза, но ноги завязли в вязком иле дна пруда. Вода с кашлем начала покидать мой рот.

– Помогите, тону! – закашлявшись, прохрипел я.

На берегу, где должен был стоять Толька – никого! Краем глаза я увидел, как он уже бежал возле его бани.

– Вот те раз! – подумал я и продолжал издавать непонятные звуки.

Утонуть, тем более в пруду, у меня не было никакого желания.

А в это время ноги мои стало засасывать илом, и я начал погружаться в пучину пруда. Хотя и медленно, но в коленях появилась дрожь. Кто хоть раз тонул, поверит мне на слово. Я опять закричал. Но мой крик был каким-то совсем глухим, только потом я понял почему. Просто мои уши заложило грязью и водой, и казалось, что я кричу внутрь себя самого. И в итоге я не удержал равновесие и упал в зад себя.

Я опять ушёл под воду с головой. И опять с открытым ртом. Работая только руками, потому что ноги были затянуты илом, я каким-то чудом снова оказался на поверхности и в это время мой папочка прыгнул в пруд, рывком вытащил мои ноги из сапог, которые остались завязшие в илистом дне. Он положил меня животом вниз на своё колено и начал толчками давить на спину.

Я кашлял, и из моего рта вместе с водой выпал лист кувшинки. Потом я долго пил колодезную воду. А затем пошёл в баню, ведь от меня воняло илом и ещё чем-то более неприятным. Если бы не мой папочка,

неизвестно что бы произошло со мной.

С Толькой после этого случая я не разговаривал ровно два дня. На третий день, с самого утра, мы снова с ним помирились и больше не ругались никогда.

ДОМ ПРИЕЗЖИХ. ЛЁШКА ПЕТРОВ

В Суде, как я уже говорил, есть Детская воспитательно-трудова́я колония, сокращённо ВТК. В ней содержатся малолетки, нарушившие закон. У них, естественно, почти у всех есть родители, братья, сёстры и бабушки с дедушками. Большинство осуждённых не из Вологодской области, а из других областей и республик нашей необъятной страны.

Родственники приезжали на свидание в ВТК, а остановиться, переночевать негде. Некоторые останавливались на постой у знакомых или просто у незнакомых жителей Суды. Но так как количество осуждённых увеличивалось, то было принято решение о строительстве гостиницы в Суде, на улице вождя мирового пролетариата.

Место было выбрано между домами семьи Угловых и домом, в котором жила бабка Павла Панькина. Это был пустырь, на котором кроме пожарного пруда, ограждённого брёвнами, напоминающего колодец, только большего размера, ничего не было. Пустырь зарос иван-чаем и крапивой.

Строили не менее полугодом. Строили, не спешили. А куда спешить? Получился дом с несколькими комнатами и кухней. Назвать этот дом гостиницей ни у кого не хватило храбрости, поэтому данное заведение назвали просто и понятно для любого, даже не очень образованного члена нашего социалистического общества – Дом приезжих.

Небольшую вывеску с этим названием и приколотили к стене этого строения, предназначение которого – на несколько ночей приютить приехавших по каким-либо делам командировочных, ну и, как уже сказал ранее, для приезжающих на свидание в воспитательно-трудова́ую колонию.

Есть Дом приезжих, значит, и должен быть человек, который будет брать плату у приезжих и следить за порядком. Таким человеком стала Солдатенко Анна Петровна, бабушка моего друга Лёшки Петрова. Лёшка жил в Ярославле, а на зимние и тем более летние каникулы приезжал к бабушке в Суду. Мы с ним дружили с самого раннего детства.

У всех нормальных детей бывает две бабушки, но у Лёшки их было больше. Со стороны матери у него была бабушка Анна, прабабушка Серафима, а так же молодая и очень красивая тётка, которая старше его была на восемь лет, Надежда. Анна Петровна звала его Лёша, тетя Надежда – Лёшка, прабабушка Серафима – Лексей.

И вот из двора, где находился дом Лёшкиной бабушки, целый день доносилось: «Лешка! Лёша! Лексей!» С утра и до позднего вечера. За Лёшкой круглые сутки следили три пары глаз. Ему не позавидуешь, целый день под присмотром. Каждый Лёшкин шаг контролируется. Контроль и пристальное наблюдение.

С самого раннего детства мы ходили с Лёшкой и на рыбалку, и в лес за грибами, играли в футбол, ножички и стреляли из рогаток.

Будить Лёшку утром на рыбалку была целая проблема. Перезвон будильника на него никак не действовал. Поэтому будить его приходилось мне. Я подъезжал к его дому на велосипеде с привязанными к раме удочками. Пролезал через двор к окну кладовой комнаты, где стояла Лёшкина кровать. Через щёлку в окне я дёргал за верёвку, выброшенную моим другом. Над его кроватью висела книжная полка. На этой полке, кроме книг, лежали плоскозубцы, к которым и была привязана верёвка. И вот я дёргал за веревку, плоскозубцы падали на голову Лёшки, и он потихоньку после этого начинал просыпаться и всегда спрашивал одно и то же:

– Время сколько?

– Уже Гимн проиграл, начало седьмого!!!

И мы ехали на велосипедах к мосту, где и ловили рыбу.

Лёшка, как и положено воспитанному и любящему свою бабушку внуку, помогал ей по хозяйству. Носил дрова в Дом приезжих, носил воду. Короче говоря, старался быть нужным и незаменимым во всех делах.

Однажды летом мы с Лёшкой возвращались с лесного пруда, где взрывали бутылки с карбидом. Это было одно из любимых наших занятий. Дядя Вася Углов коптил за своим домом рыбу. На днях он ездил на рыбалку в Стёпаново и ловил, конечно же, не поплавочной удочкой. Удочкой рыбачить он не любил. И за несколько метров до него в лесу мы нашли ещё одну бутылку из-под вина, и не взорвать её мы считали недопустимым.

Я быстренько вырезал из берёзы пробку, а Лёшка налил из лужи воды, перед этим засунул в горлышко пучок травы и несколько кусочков карбида бросил внутрь. После этого надёжно заколотил поданную мною пробку. Бутылку поставили между двумя кочками горлышком вниз. И пошли в сторону нашего соседа, занимающегося копчением.

– Здравсте, дядя Вася! – поздоровались мы.

– Здорово, зимогоры! Это вы в лесу взрывали?

– Нет! Это кто-то другой! Мы не знаем кто!

– Вкусно рыбой пахнет! – сказал я, просто так. Можно сказать, ни к кому не обращаясь, просто свои мысли высказал вслух. Так иногда бывает, когда не знаешь, как продолжить разговор.

Воцарилась тишина. Дядя Вася встал с земли, зашёл в баню, вынес двух копчёных налимов и подал нам.

Нашей радости не было предела. И мы побежали по домам.

Реакция в бутылке шла медленно. Мы с Лёшкой хотя ещё и не изучали химию, но уже знали, что чем выше температура воды, тем быстрее идёт реакция взаимодействия воды с карбидом. Кипятка под рукой не было, а жаль!

Взрыва не произошло. Причина могла быть только одной – плохо заколоченная пробка. И только я хотел открыть дверь в дом, как раздался взрыв. Затем мат нашего соседа.

И опять тишина. Прошёл испуг у дяди Васи. Он понимал, что ругать нас не имеет никакого смысла. А если нет смысла, то и не стоит на это тратить время, и продолжал наблюдать за процессом копчения, куря свои любимые папиросы «Север».

Лёшка лучше всех делал рогатки, хотя стрелял из неё чуть хуже, чем Серёжка Устинов, Но в их изготовление он вкладывал всю душу. Кто-то скажет, что сложного, чтобы привязать медицинский жгут к рогатине? А на деле всё не так. Просто только на словах!

Но этим летом у нас появилось новое увлечение. Даже, можно сказать, мода. Кто первый показал нам арбалет? Конечно же, человек из города Полярный – Валера Любимов.

Арбалеты мы изготавливали двух видов. К луку, загнутому из прямого ствола вереска, крепилась ложка, в виде ружейной. На ложе делалось углубление для стрел. Стрелы для данного вида арбалета я делал с гвоздём.

Второй вид арбалета – это к ружейной ложе, так же с углублением, крепился жгут. Стрелы для этого арбалета делались короткие и с «флажком» на конце. При помощи его стрела крепилась к основанию арбалета.

У меня были оба вида этого стрелкового оружия.

Лёшка Петров делал очень красивые арбалеты.

В один прекрасный летний день мы стояли с арбалетами во дворе Домика приезжих.

– Попадёшь в центр дверей? – спросил мой друг.

– Конечно, попаду! – ответил я.

– Давай вместе? – предложил Лёшка.

– Не бойся, в доме никого нет!

Мы прицелились – и две стрелы из наших арбалетов начали свой полёт в сторону входной двери Дома приезжих Судского поселкового Совета. Почти одновременно наши стрелы своими наконечниками из гвоздей вошли в дверь. Моя стрела воткнулась в самый верх, а Лёшкина точно посередине.

И только они вошли в древесину двери, как она распахнулась настежь. На пороге стоял мужчина, одетый в брюки и майку. По его росту я сразу определил, что моя стрела угодила бы ему прямо между глаз, ну а Алёшкина – в центр его майки. Мужичку несказанно повезло, он, можно

сказать, только что второй раз родился. Но мужик об этом ещё не знал.

– Ребята, а пиво в вашей Суда можно купить?

– Можно, но только 1 мая и на Октябрьскую! – со знанием дела ответил я.

– А водки?

– Водки просто завались в сельпо! Там и вино есть разное! – теперь уже Лёшка отвечал на вопрос только что появившегося на свет божий второй раз постояльца Дома приезжих.

– Скучно вы живёте! Не интересно у вас! Одним словом, деревня! – сделал вывод мужик.

– Суда не деревня! Суда – станция! – с обидой в голосе сказал я. – Большое Ново, Малое Ново, Большой и Малый Исток – это деревни, а наша Суда – станция. У нас билеты в клубе по десять копеек, а в Больших Новых пять. Вот так вот! А на Истоке вообще клуба нет!

Но эти мои слова мало интересовали мужика. Он страдал похмельем, и ему было необходимо срочно вылечиться – опохмелиться.

В это время на своём мотовелосипеде приехал домой на обед дядя Вася Углов, и мужик решил его попросить сгонять до сельпо.

Постоялец Дома приезжих закрыл дверь и направился к дому Угловых и, уже спускаясь с крыльца, оглянулся. На мгновение замер. Затем посмотрел на нас с Лёшкой и спросил:

– Когда?

– Только что! – ответил Лёшка.

Мужик почесал рукой затылок, поправил майку и произнёс фразу:

– Ворошиловские стрелки! Мать вашу!

Когда мужик вышел за забор, мы быстро, правда, не без труда, вытащили наши стрелы и скрылись в лесу.

Ну а вечером этого же дня этот постоялец, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, наклеузначал Лёшкиной бабушке Анне Петровне. Анна Петровна ничего не ответила и никак не прореагировала на эти слова.

А на следующее утро этот мужчина был выдворен из Дома приезжих за неподобающее поведение. Употреблять алкогольные напитки в Судском Доме приезжих категорически запрещено. Доносчику – первый кнут!

КОЛУН

Когда я чуть приоткрыл веки, в мои глаза тоже смотрели глаза. Эти глаза были на очень небольшом расстоянии от моих. Чьи именно я понял, но не сразу. Из всего моего тела я чувствовал только свою голову. Я на данный момент состоял только из одной головы. Ни рук, ни ног, ни туловища. Голова, которая очень сильно болит. Это даже не боль. Это просто внутри головы произошёл взрыв, но голову не разорвало на части, но разорвало всё внутри на куски.

Я ничего не слышал. Хотя понимал, что рядом находятся люди. Возможно, из-за того, что никто в это время не издал ни звука. Голова расколота от боли на части, но она ещё имеет способность думать и чуть-чуть соображать. В мозгах одна мысль – есть ли ещё что-то кроме головы? Или уже нет? На данный момент – это для меня самый главный и основной вопрос.

И в этот самый момент количество глаз напротив моего лица увеличилось вдвое. А через мгновение, всё расплылось, и перед глазами возник густой туман. И я закрыл глаза. Какой смысл держать их открытыми, если всё равно ничего не видишь?

Живой я или уже не совсем – непонятно!!!

Вы знаете, чему равна сила натяжения веревки? Не знаете? Она равна силе противодействия! Не знали? И я не знал! Но испытал этот закон на своём молодом организме. Так сказать, с этим законом я познакомился на практике.

В Суде в 1969 году, что и при Царе Горохе, зимой избы обогревали при помощи печей, а значит, дровами. Но чтобы эти дрова оказались у вас в дровянике – это долгая история. Сначала дерево спилят, обрубят сучья, затем распилят, потом привезут к вашему дому. И вот, когда у ворот вашего дома свалят пару, а то и более самосвалов с напиленными дровами, теперь их нужно расколоть, затем сложить в поленницу, в которой они высохнут и только тогда будут готовы на отопление дома.

Бабушке Симе привезли пару самосвалов с дровами, и её любимый зять, мой папочка, на тачке за свой выходной перевозил их во двор. Меня никто не просил, я сам решил внести свою лепту в дело по расколке дров.

Дрова рубят топором, а колют колун. Колун от топора отличается весом и углом заточки. Лучше всего колоть полено установленное на чурбаке, который по диаметру больше других поленьев. Или же установить полено возле чурбака. Кому как нравится. На вкус и цвет – сами знаете. Колка дров – не самая интересная работа, тем более, если они колются плохо и состоят из сплоских сучков. Хороший колун – это тоже не у каждого. Колун колуну – рознь!

Желание помочь, внести свой вклад в общепольное дело – это, конечно же, хорошо! Но вот о соблюдении техники безопасности необхо-

димо помнить перед началом какой-либо работы, а не после неё.

Я взял в сарае колун, поставил на чурбак первую попавшуюся чурку. Размахнулся и что есть сил хотел ударить колуном по чурке, но не всегда получается всё, как хочется. У нас во дворе от летней кухни до сарая была натянута бабушкой бельевая верёвка. Белья на ней не было, а я вверх голову не задираю. Про неё я совсем забыл. А жаль!

Колун после соприкосновения с бельевой верёвкой ещё долю секунды с силой направлялся в сторону мною поставленной чурки, а затем на него начала действовать та самая сила противодействия, и колун с той же скоростью полетел в обратную сторону – и на этом пути обуху колуна встретился мой лоб! А так как в свой размах я вложил всю свою силу, то и удар в мой лоб был, видимо, не самый слабый.

Я выпустил колун из рук, и он полетел взад меня, вычерчивая радугу, я, в свою очередь, грохнулся на землю. Из пробитого лба хлестанула кровь, и я на какое-то мгновение ушёл от всех земных забот. Потом всё, что со мной происходило, помню отрывочно и не точно. И только глаза Марии Дмитриевны Яшонковой, склонившейся надо мной, я помню. Хотя и их я видел сквозь туман.

– Долго он был без сознания? – задала вопрос фельдшер.

И я в это время услышал голос моего папочки:

– Точно не знаю, Мария Дмитриевна, но думаю, недолго!

– Но крови точно много потерял, у меня вся коляска в крови!

Это был голос дяди Толи Докичева, который жил против нас и был братом отца Юрки, Тольки и Борьки Докичевых. Откуда взялся он рядом со мной, я пока понять не мог.

– Значит, много крови потерял? – задала следующий вопрос Мария Дмитриевна.

– Да, во дворе кровь, весь заулочек в крови! – это уже говорил мой папочка.

– Литров пять, не меньше! – сквозь закрытый и запёкшийся кровью рот еле слышно пробормотал я.

– Да у тебя всего-то литра два крови! – проговорила Мария Дмитриевна.

– Что будем делать? – задал вопрос мой папочка.

Этот вопрос сейчас больше всего интересовал меня самого.

– Будем шить! – был короткий ответ медицинского работника.

Кого шить? Зачем шить? Почему шить?

– Я умру? – сдерживая слёзы, спросил я.

– Сегодня, думаю, нет! А уж дальше, время покажет! И запомни, колка дров – это не для тебя!

Этот ответ Марии Дмитриевны мне не очень понравился.

На электроплитку фельдшер поставила ванночку из нержавейки, наполненную водой, и положила туда разобранный на части шприц.

Я сжал зубы.

– Ну что, товарищи, начнём! – и по этим словам я понял, что мама Лёньки Яшонкова приступает к процессу шитья моего покалеченного лба.

Дядя Толя сел на кушетку и прижал к кушетке мои ноги, а папочка держал мои руки. И не зря.

Сразу после того, как Мария Дмитриевна предупредила, что сейчас меня укусит комарик, я сжался в комок.

– Не бойся, это не больно, это новокаин – обезболивающее.

Я, конечно, насчёт какого комара намекала фельдшер, так и не понял, но два здоровенных мужика еле справились со мной.

Иголка толщиной с гвоздь сотку вошла мне под кожу, и в это мгновение меня прорвало....

– Убивают, помогите!!! Спасите!!! Кто-нибудь!!!

Но трое человек, находящиеся рядом со мной, старались не обращать на эти крики внимание.

– Держите крепко, начинаю шить!

После этих слов я издал вопль:

– Я хочу жить!!!

И после первого шва ушёл в себя.

Я вернулся с небес обратно на кушетку в Судском фельдшерском пункте только после того, как Мария Дмитриевна засунула мне в нос ватку с аммиаком.

– Теперь, товарищи, приступим к накладыванию повязки на голову Андрюши.

В итоге на моей голове появилась белая тубетейка из бинта.

– Вставай и посмотри в зеркало, как ты выглядишь! – скомандовала фельдшер.

Я посмотрел и заплакал. Потому что без слёз мне на себя смотреть было просто невозможно. И тут произошло невероятное. Повязка начала сползать к макушке моей головы.

– Не расстраивайся, сейчас исправим допущенную ошибку.

И после этих слов Мария Дмитриевна примотала мою повязку к подбородку круговыми движениями бинта.

– Мне рта не открыть! – пробормотал я.

– Ну и хорошо, меньше будешь орать! А то орёшь, будто тебя режут, а не оказывают первую медицинскую помощь! – сказала Мария Дмитриевна и начала заполнять какую-то бумажку.

Я опять подошёл к зеркалу и ужаснулся. Я стал выглядеть ещё смешнее.

– Как Щорс! – подытожил дядя Толя.

Когда я опять оказался в мотоциклетной люльке, только тогда понял, что голова у меня болит ещё сильнее, чем до наложения швов. Хотя до дома метров пятьсот, не больше, но дорога такая, что если бы не ручка коляски, я бы уже давно вылетел и не раз в дорожную грязь.

У калитки меня встречали братья Докичевы в полном составе. Сквозь бинты проступила кровь, и братья смотрели на меня с открытыми ртами.

Через три дня я с бабушкой пошёл на перевязку. Я опять орал, особенно, когда Мария Дмитриевна резко оторвала бинт от раны.

Все эти дни я ходил в папиной шляпе, потому что моя кепка не лезала на мою голову, обмотанную бинтами. Я обошёл всех, кого знал, рассказывая, как я чуть не погиб от колуна. Все меня жалели. Но больше всех жалел себя я сам.

Через две недели мне сняли швы. Но я ещё несколько дней ходил с перевязанной головой. Мне казалось, что с перевязанной головой я выгляжу солидней.

Удар колуна по моей юной голове был последней каплей терпения для моих родителей, особенно для мамочки. И поэтому в середине августа 1969 года я услышал от неё ужасную вещь:

– Во второй класс ты пойдёшь в 4-ю школу Череповца!

И это был конец моей весёлой, беззаботной жизни.

В последних числах августа, когда берёзы на заливе Дедки Ворона начали покрываться осенней позолотой, я опять стоял под быком Судского железнодорожного моста и, что есть сил, крикнул:

– Суда-а-а-а!

И эхо, живущее под железнодорожным мостом многие десятилетия, ответило так же звонко и громко:

– Да-да-да!!!!!!!

Продолжение следует...

kabanov.av1961@mail.ru

ДЖЕРЕМИ ТОМАС КЕЙН

ЧЕРНЫЙ ЯЩИК ДЕТСТВА

I. Мальчик-барс

Я родилась в бродячем цирке и с детства привыкла раз в две недели просыпаться в новом месте. Одни города сменялись другими, но леса всегда выглядели одинаково красиво. За все те годы, что я провела в столь разных, чужих местах, мне так и не удалось найти свое собственное место. Как будто в этом мире для меня его вообще не существовало.

Моя мама была дрессировщицей, но она дрессировала не львов или тигров, как многие думали, а простых домашних животных: кошек, собак, корову и свинью. И пусть никто не воспринимал её работу всерьёз, я своей мамой восхищалась, потому что не видела, чтобы кто-то еще так же хорошо ладил с животными. Она их любила, и они в ответ любили её и слушались во всём. Пожалуй, зачастую мама уделяла им внимания много больше, чем собственной дочери.

Тем временем, в двенадцать лет у меня всё ещё не обнаружилось никаких талантов, и мама уже было совсем отчаялась, думала, что мне не найдётся работы получше, чем уборщица клеток и манежа. Но однажды я поскользнулась и, когда начала падать назад, сделала «колесо» и даже не потеряла равновесия. Всё произошло так быстро. Я не успела ничего понять, тело само всё сделало за меня. По какой-то случайности директор цирка, проходивший мимо, увидел это и наказал гимнастам учить меня.

С того самого осеннего дня, когда на небе темнели тучи, а моя гибкость и хороший вестибулярный аппарат стали известны всем взрослым, детство утратило все свои прекрасные свойства. Хотя сначала я даже была рада этому.

Мне нравилось заниматься гимнастикой, но каждый божий день терпеть тренировки и слушать недовольство тренера становилось всё сложнее. И весь этот ужас: наставления, грубые слова, боль в мышцах и адская усталость – всё сливалось в одну липкую зловонную вечность, которая цеплялась за мои руки и ноги, тащила в тёмную пустоту непонятной взрослой жизни, где вечно царило терпение ради ничего. И спустя два года мне начало казаться, что это никогда не закончится. Я уже перестала верить в свет в конце тоннеля. В моём мире наступила бесконечная ночь, и ни звёзд, ни луны там не было. Пока однажды в одном из

городов, где мы выступали, в нашем цирке не появился новый аттракцион – «посмотри и посмейся».

Кто-то продал хозяину ребенка, из которого тот сделал что-то вроде диковинного экспоната. Люди, может быть, стали бы возмущаться таким ужасным поступком, только то был не простой ребенок. Он родился с маленькими серыми кошачьими ушками, длинным пушистым хвостом и звериными острыми клыками. Все считали его уродом, ни для кого он не был человеком. Ни для кого, кроме меня. Люди презирали его, он был им противен и одновременно смешон. А для меня он был красивее всех звёзд на безоблачном небе.

Имени у мальчика не было. Бог знает, как звали его раньше, но у нас в цирке ему дали имя мальчик-барс, так и на табличке перед его клеткой было написано. «Заходите, не пожалеете! Единственный в мире человек-животное! Всего пять монет, и вы своими глазами увидите ошибку матушки-природы!» – кричал зазывала, стоя перед небольшим шатром, где в клетке с тремя стеклянными стенами сидел мальчик-барс, а на шее у него был кожаный ошейник с металлической цепью. Человеческое любопытство раз за разом заставляло посетителей выкладывать пять монет, чтобы посмотреть на ошибку природы, чтобы посмеяться над уродцем. Я видела их лица, искаженные надрывистым смехом, видела, как их пальцы указывают на мальчика-барса. А ещё я видела, насколько он превосходит красотой всех тех людей. Даже сейчас, спустя столько лет, я считаю его самым прекрасным божьим созданием.

К сожалению, и в самом коллективе циркачей мальчика тоже никто не любил, к нему относились, как к животному. Он жил в клетке, ел там же, только по вечерам его выпускали гулять, а на ночь запирали. И так как он был для всех зверем, а не человеком, ухаживать за ним поручили моей маме. Она относилась к нему по-доброму, баловала вкусностями, выпускала чаще, чем следовало, но каждый раз, когда я хотела поговорить или поиграть с мальчиком-барсом, говорила мне: «Не подходи к нему, он всё-таки зверь, мало ли что сделает тебе», и за руку уводила меня.

Несмотря на мамины запреты, я постоянно смотрела в его сторону, наблюдала за ним. Мальчик-барс был самым обычным ребенком, ещё не утратившим волшебство детства. Я смотрела, как он играет с чьи-то старыми игрушками, как удивляется фокусам клоунов и разным упражнениям гимнастов. Я видела его невероятно живые эмоции и завидовала, потому что сама почти перестала удивляться и радоваться, но всё же меня переполняли чувства счастья и горечи за него. За его судьбу, которую я словно предчувствовала.

Во время каждой тренировки и репетиции мальчик-барс наблюдал за мной, ни на секунду не отводя взгляд. А я смотрела на него, когда все люди стояли напротив клетки с тремя прозрачными стенами и смеялись.

Смотрела и плакала, только и спрашивая себя: «Да как же так можно?». Но сам мальчик-барс никогда не плакал, он только прижимал серые ушки к чёрным кудрявым волосам. А вечером, когда представления заканчивались, он сбегал куда-то и всегда возвращался.

И вот как-то раз я ускользнула от мамы и решила пойти за мальчиком-барсом, так хотелось узнать, куда же он уходит все время. Мы тогда обосновались у подножия большой горы, оттуда всё время дул холодный ветер. Мальчик-барс ушёл по заросшей тёмной травой тропинке в лес, следуя за ним, я всё сильнее начинала волноваться, вдруг он специально заводит меня в глубь леса? Но вскоре высокие деревья расступились, и мне открылся невероятный вид: широкая холмистая равнина, синее безоблачное небо. И ветер там не дул.

Мальчик-барс сидел на траве, смотрел на горизонт, где вот-вот должно было сесть солнце, его пушистый хвост медленно двигался, а ушки наострились, прислушиваясь. Я стояла шагах в десяти у него за спиной, но не решалась окликнуть или подойти ближе.

Вдруг его правое ушко дернулось, и он сказал:

– Ты меня боишься, или я тебе противен?

Его голос оказался очень мягким и тихим, отдалённо напоминавшим кошачье урчание. До сих пор я не слышала ни одного слова, произнесённого им.

– Нет-нет, что ты. Я... я просто хотела узнать, куда ты уходишь каждый вечер. – Сказала я несмело, боясь ненароком обидеть его.

Мальчик-барс промолчал и только похлопал хвостом рядом с собой. Я восприняла это как приглашение и села на траву справа от него.

Солнце начало садиться, уже касалось горизонта. Мы оба молчали и смотрели на багровое небо. А, когда огненная звезда уже на четверть скрылась за холмом, мальчик-барс сказал:

– Я смотрю на закат. Иногда вижу птиц. Мне нравится провожать их взглядом. Они могут улететь, куда им вздумается, они свободны.

Он опустил глаза и тяжело вздохнул. Я поняла, что ему хотелось улететь вместе с этими перелётными птицами, но он просто... не мог.

– Как же, мы ведь тоже свободны, – сказала тогда я. – Разве нет? Мама мне говорила, что все люди от рождения свободны.

– Но они говорят, я – животное, поэтому запирают на ночь в клетке и надевают ошейник с цепью. – ответил мне мальчик-барс, прижимая ушки к кудрявой голове.

– Взрослые ничего не понимают, не слушай их. Я тебя почти не знаю, но могу сказать, ты – отличный человек, на сто процентов!

– Ты, правда, так думаешь? – он неуверенно посмотрел на меня, и я сразу поняла – моё мнение для него важно, необходимо, как земля под ногами и кислород в лёгких. Кто-то должен был сказать ему, что он хороший. Сказать что-то доброе.

– Да, так и думаю. Просто не слушай, что они говорят о тебе. И вот что: живи так, как тебе нравится, играй, веселись, радуйся. Ты ещё можешь жить в детстве, быть ребенком. Это время в нашей жизни, детство, оно очень яркое, красивое, и никогда не стоит на месте, как вода в горной речке. Но только ты позволишь взрослым вытащить тебя из этой реки – никогда больше не увидишь его. Детство имеет свойство исчезать, упустишь, и не поймаешь, как ни старайся. Меня вот давно вытащили оттуда. И знаешь, что сделали? – мальчик-барс с немим вопросом смотрел на меня во все глаза. – Бросили меня в озеро! Ты только представь, вода там та же, чтобы не задумывался никто особо о своём положении, и тоже движется, только по кругу. Рек из этого озера не вытекает, только впадает одна-единственная, по которой своим ходом, незаметно так, перебираются из детства во взрослую жизнь те, кого насильно не перебрасывали из горной речки в озеро.

Знай, они, взрослые, уже тянут к тебе свои противные кривые ручищи, а ты отбивайся, кусайся, но не давай им забрать тебя в озеро. Обещай мне!

– Даю слово! – С улыбкой воскликнул мальчик-барс, его хвост поднялся и замахал в воздухе.

– Нет, не так! Повторяй за мной, положив руку на сердце: «Торжественно клянусь своей жизнью и душой, что никому не дам вытащить меня из горной реки детства, а если это когда-нибудь случится, пусть заберёт мою жизнь и душу Дьявол».

– Торжественно клянусь жизнью и душой, что никому не дам вытащить меня из горной реки детства, а если это когда-нибудь случится, пусть заберёт мою жизнь и душу Дьявол. – повторил мальчик-барс слово в слово, положив руку на грудь, которая содрогалась от сильных и быстрых ударов молодого сердца.

Мы громко засмеялись и легли на мягкую траву, которая сразу зашекотала шею и плечи. Мальчик-барс поднял указательный палец к небу и сказал:

– Смотри, скоро там появятся ещё одни птицы. Они очень красивые, и я люблю говорить с ними.

Я сначала не поняла, что он имел ввиду, напряжённо всматривалась в небо в ожидании птиц. Стало совсем темно, небосвод превратился в бесконечное тёмное полотно с россыпью алмазных звёзд. А птиц всё не было.

– Ну, и где же они? – спросила тогда я, а мальчик-барс, улыбаясь, ответил мне:

– Вот же, смотри – прямо у тебя над головой!

И, наконец, я всё поняла: звёзды – это и есть те птицы, с которыми он любит говорить. Но от этого мне стало грустно, ведь на самом деле это всего лишь... звёзды. Мальчику-барсу я ничего не сказала, только

спросила:

– И что, отвечают они тебе, когда ты разговариваешь с ними?

– Не знаю, – ответил он, будто бы и не ждал никогда ответа.

– Как это, не знаю?

– Ну, я точно знаю, что они слышат меня, но их ответы не слышны моим ушам, потому что эти птицы очень далеко, может, у них и голоса тихие. Я верю, что они слышат меня, значит, так и есть.

Сказав это, мальчик-барс начал рассказывать что-то звёздам, а что именно, я уже и не помню, потому что всё смотрела на него и думала, как же это хорошо – быть ребенком. И никаких доказательств не нужно, достаточно просто верить.

На холодной земле под ночным небом мы лежали долго. Я бы осталась там на всю жизнь, если бы не мамин надрывный крик. Они искала меня и волновалась, так что нужно было возвращаться, но по отдельности, иначе нам с мальчиком-барсом вряд ли удалось бы встретиться ещё раз.

В ту ночь я не могла заснуть, всё размышляла о звёздах и о том, что бедный мальчик-барс спит в запертой клетке на куче соломы и с ошейником на шее. Эта мысль долго не давала мне покоя, потому что поступать так с ребенком нельзя, это неправильно. Но что я тогда могла сделать?

С тех пор мы с мальчиком-барсом каждый вечер исчезали, чтобы поговорить с птицами. Но чем больше мы это делали, тем отчетливее выдвигалась взрослым наша крепкая связь. Осознанно или нет, нам начали всячески мешать: то меня заваливали делами, то мою маму, чтобы у неё не было времени выпускать мальчика-барса. Вот только для наших с ним сердец никаких преград не существовало, мы находили способы сбежать, мы уходили поговорить с птицами несмотря ни на что. Но каждую ночь я боялась, что взрослые разрушат наш священный мир. Вот только судьба знает обо всех наших страхах...

В тот день наш цирк давал первое представление в одном большом городе. Мой номер прошёл вполне хорошо, хоть я и волновалась очень, потому что в тот раз зрителей пришло гораздо больше, чем обычно. Остальные выступили не хуже, а неизбежные ошибки, особенно в номерах с животными, превращали в шутку, как будто, так и надо.

Сразу после своего выступления я ушла в гримёрную, смыла с лица всю краску, сняла костюм и надела любимую, но уже изношенную одежду – штаны и вязаную кофту с длинными, растянувшимися рукавами. Потом вышла на улицу, уже смеркалось, и, воспользовавшись случаем, пошла к небольшому отдельному шатру, где в клетке с тремя стеклянными стенами сидел на цепи мальчик-барс. Вокруг никого не было, все находились под главным огромным шатром, зрители смотрели представление, артисты готовились или отдыхали после своих номеров, прочий

персонал разошёлся кто куда за отсутствием работы.

Я тихо подкралась к задней, решетчатой, стенке клетки и, просунув между прутьями руку, легонько дёрнула мальчика-барса за хвост. Он, видимо, о чём-то задумался, поэтому неуклюже развернулся на маленькой табуретке и рассеяно посмотрел на меня. Я улыbnулась ему, а он мне.

Мальчик-барс подполз к краю клетки и взял меня за руку.

– Главное, не думай о времени и о том, что они говорят, тогда всё быстро закончится, и мы пойдём смотреть на птиц. – говорю я, в ответ сжимая его тёплую ладонь.

– Обещаешь?

– Торжественно клянусь! – я чуть слышно засмеялась.

Вдруг с улицы послышались тяжёлые шаги и весёлое насвистывание – это шёл зазывала. Я тихонько выбралась наружу, чтобы он не заметил. На прощание мальчик-барс помахал мне пушистым хвостом.

Люди начали медленно выходить из-под большого шатра, а у входа в маленький, который я только что покинула, уже кричал зазывала: «Заходите, не пожалеете! Единственный в мире человек-животное! Всего пять монет, и вы своими глазами увидите ошибку матушки-природы!». И, кидая в стеклянную банку пять монет, люди стали заходить в маленький шатёр, где в клетке с тремя стеклянными стенами сидел мальчик-барс, гордо выпрямив спину и расправив плечи. Он перестал прижимать ушки к кудрявой голове и перестал бояться тех ужасных существ, что над ним смеялись

Я стояла неподалеку и ждала, когда, наконец, всё закончится. Конечно, больше я не плакала, наблюдая за посетителями, смеющимися над моим другом, но, если бы у меня были ушки, как у мальчика-барса, они были бы прижаты.

Луна уже высоко висела в чистом небе, освещая своим холодным одиноким светом шатры нашего цирка. Посетители по одному, парами или компаниями медленным шагом расходились по домам. Несколько мальчишек, чуть старше меня, стояли у клетки с тремя прозрачными стенами и ждали, когда начнут выводить из неё мальчика-барса. Только взглянув на них, я сразу поняла: не любопытства ради они стояли там.

Только мама открыла клетку и стала выводить мальчика-барса, как тут же эти проклятые мальчишки достали из карманов камни, маленькие и острые. И они начали кидать их в него, кидать и кричать всякие мерзости, оскорбления. Я отчётливо помню, как один камень попал в голову мальчику-барсу, и как он, зарывав по-звериному, бросился на того мальчишку, который смеялся громче всех, потому что попал «в яблочко». Своими острыми клыками мальчик-барс вцепился ему в шею.

Мама закричала, потянув за цепь, а я стояла и не могла пошевелиться. С подбородка у мальчика-барса стекала на кофту чужая кровь. Он скалился, как настоящий барс, злобно рычал и двигался в сторону

моей мамы. Он собирался прыгнуть на неё, но я закричала что есть сил: «Нет!», и он остановился.

Вокруг кричали люди, а в моей голове его тихий голос шептал: «Прости». Он смотрел на меня, не отрывая взгляда, пока его не увели. Я стояла, не двигаясь, там, где страх застал меня, смотрела туда, где только что его глаза просили прощения. Я замерла, превратилась в восковую фигуру, и только слёзы, жгучие и холодные, выдавали во мне жизнь.

Часы давно уже пробили полночь, когда мне удалось незаметно подобраться к его клетке. Мальчик-барс лежал на холодном полу, свернувшись клубком, как это делают кошки. Всё его тело содрогалось от сильного животного страха, кольцом сомкнувшегося вокруг него. Я медленно подошла и опустилась на колени перед железными прутьями чёртовой клетки. Мальчик-барс услышал шорохи и нервно дёрнулся, оглядывая всё вокруг испуганными глазами, но как только он увидел меня – вмиг оказался рядом, вцепился руками в прутья клетки и заплакал.

– Я не хотел, я, правда, не хотел... – зашептал мальчик-барс. – Я не понимал, что делаю, это был не я, не я...

Он замолчал, задыхаясь от рыданий. А я не могла сказать хоть что-нибудь, потому что не знала, верить ли ему или, как все остальные, бояться его. Но ведь на того мальчика напал действительно не он, не тот мальчик-барс, которого я знала, не тот, кто стал мне лучшим другом. Это всё они – взрослые! Они сотворили зверя, которого мальчик-барс пытался спрятать внутри, запереть и уничтожить. Я знала, что у него это почти получилось, но те мальчишки, чёрт их дернул кидаться камнями! Один из них уж точно получил по заслугам.

Мальчик-барс посмотрел мне в глаза и, всхлипнув, тихо спросил:

– Прошу, скажи – ты веришь мне?

Я накрыла его руки своими и медленно кивнула, не отводя взгляд:

– Я верю тебе.

Он улыбнулся, но печаль и страх из его глаз не исчезли.

– Что они сделают со мной? – спросил он еле слышно. – Ведь я, наверное, убил того мальчика?

От этих слов мне стало страшно, сам вопрос пугал до полусмерти, а об ответе на него даже думать не хотелось.

– Я не знаю.

– Запрут в клетке навсегда или совсем выгонят?

– Нет, не говори глупостей! Ты никого не убил, и ничего они не сделают тебе! – я попыталась успокоить его, хотя сама еле сдерживалась. – Моя мама защитит тебя, она добрая!

Вдруг с улицы послышались шаги, раздражённые голоса. Между горящими явно назревал спор.

– Нужно идти, – сказала я, вставая. – Не бойся, утром я обязательно

но приду!

Но мальчик-барс не отпустил меня, сжав крепко моё запястье, он со слезами на глазах сказал:

– Я не хочу умирать!

Сдерживая слёзы, я освободила руку и ушла, но опоздала – мне навстречу вышла встревоженная мама.

– Ты что здесь делаешь?! – закричала она. – А ну быстро к себе!

Я не успела ничего ответить, как она схватила меня и повела к нашему трейлеру. Я упиралась, пыталась вырваться, объяснить всё, но без толку. Мама заперла меня и приказала ложиться спать, а сама ушла.

Я была так взволнована и напугана, что, конечно, заснуть никак не смогла бы, к тому же самой мне этого не хотелось. На ощупь в полутьме я добралась до кровати и залезла под одеяло. Ни о чём, кроме судьбы мальчика-барса, думать не могла. Меня била крупная дрожь, сердце билось быстро и очень громко, так, что мне казалось будто весь мир слышит его гулкие удары. Дыхание то и дело сбивалось, воздуха то не хватало, то было слишком много, от чего я, казалось, словно тонула в море. И все до того забытые детские страхи приобретали новую силу, подчиняя себе мой разум. Темнота казалась непроглядной, а тишина оглушающей.

Понятия не имею, сколько времени прошло. Я просто лежала под одеялом, широко открытыми глазами смотрела в пустоту и молила небеса спасти мальчика-барса. Но они остались глухи к моим молитвам, моим отчаянным крикам. И до конца своих дней я буду помнить.

Выстрел.

Я никогда не забуду боль, не забуду, сколько слёз пролила. В то самое утро, когда солнце ещё не выглянуло из-за горизонта, когда они лишили двух детей самого прекрасного времени в жизни человека – детства. Они выгнали мальчика-барса из этого мира, а меня обрекли на вечные страдания.

Прошло много лет, но меня до сих пор мучают ночные кошмары, и я до сих пор помню того прекрасного маленького мальчика, которого никто не любил, но который любил всех.

ПЕПЕЛ / ТРИ ДНЯ ДО ЛЮБВИ

I

Когда Тоши вышел на улицу, шёл дождь, первый за последние четыре месяца, которые город изнывал от жары. Тоши был совсем не рад такой погоде, прохлада избавила от ощущения, будто все внутренности стухли и отвратительно воняют, но дождь обещали завтра, и сегодня у него нет зонта. Не замечая луж и ветра, дувшего в спину, он пошёл вниз по улице – к своей однокомнатной квартире, заваленной мусором и пустыми воспоминаниями. Маленькая коробка под мышкой, с которой он вышел из серого здания с двумя запылёнными окнами на фасаде, сковала его мысли колючей проволокой, и кухонным ножом торчала между лопаток.

В коробочке лежал прах его младшего брата, умершего три дня назад. Больше всего на свете Тоши хотел нести домой не пепел, а живого брата, сидящего у него на плечах и радующегося дождю. Но он знает, что это невозможно, поэтому блокирует всю боль и всё желание исправить неисправимое прошлое мыслью «купить бобы».

«Купить бобы, – думает он, – кончились бобы. Надо купить бобы».

Так он дошёл до магазина – метки, означающей для него, что полпути до убежища пройдено. Хотя его квартиру нельзя назвать убежищем, для самого Тоши это скорее газовая камера, в которую он спешит по собственному желанию. С грохотом, который раньше был лёгким шелестом, двери раздвигаются перед посетителем. Мимо касс, мимо стеллажей Тоши идёт, уверенно и не оглядываясь. Бобы. Почему бобы? Когда он был ещё мальчишкой, в доме часто не было никакой еды, кроме хлеба и консервных банок с бобами. Мать всё безуспешно пыталась накормить его ими, но он не ел. Он ненавидел их. Предпочитал голодать, нежели соглашаться на уговоры. Так почему же сейчас Тоши видит спасение от горя в одной только мысли «купить бобы»? Может потому, что его братец их любил?

Вот и два последних стеллажа, в самом углу помещения: хлеб и консервы. Вокруг ни души, люди как будто исчезли. Тоши скользит потухшим взглядом по полкам и банкам. Наконец, нашёл их – бобы в томатном соусе, та самая марка, прямоком из детских воспоминаний. Взяв три банки, он направился к кассе. Сегодня работала только одна. Женщина с усталым морщинистым лицом пробила ему бобы, её действия были, как у машины. Тоши этого не заметил и сам, словно робот, вышел из магазина и направился к дому, отключив функцию осознания мира. Капли дождя тщетно пытались достучаться до его мёртвого сердца, но старшего брата больше нигде не было.

Потеря дорогого тебе человека – это, безусловно, ужасно трагично, но хуже всего, когда ты теряешь не только человека, но и всякую надежду

ду. Только представьте жизнь без самого желания жить, когда не хочется ничего, кроме смерти, избавления от боли и от мыслей, которые разрывают душу на части, но при этом не дают покончить со всем раз и навсегда. Такая участь ждала Тоши. Уже сейчас, идя домой, он ощущал приближающуюся безмолвную бурю, его сердце стало биться медленнее.

Наконец, он вернулся домой. В его пустую, тёмную нору, он спешил в неё по привычке, чтобы спрятаться от мира, в котором не было больше ничего хорошего. А ведь раньше эта холодная однокомнатная квартира со старыми ободранными обоями была для него раем, полным света яркого солнца, всегда бившего в окна. Раньше здесь был Хиро. Живой, улыбающийся и счастливый. А теперь у Тоши остался лишь пепел.

Он зашёл в дом, закрыл дверь ровно на два оборота замка и прошёл в кухню. Эта комната очень маленькая, в ней едва можно развернуться двум людям, но это именно то место, где братья любили сидеть вечерами и пить чай из больших треснутых кружек.

Тоши поставил банки с бобами в кухонный шкаф и опустился на табурет, держа в руках коробку. Он не знал, что ему теперь делать. Он забыл, чем занимался до того, как умер его брат, да и не хотел вспоминать, ведь это больно кололо его сердце. Жизнь как будто остановилась, Тоши даже казалось, что он тоже умер, но почему-то не покинул этот мир.

Он сидел неподвижно несколько минут, а дождь мерно стучал по стеклу окна.

«Что же мне теперь делать, Хиро?», – спросил Тоши себя. Его руки задрожали. Совсем не замечая собственных движений, он поставил коробку на табурет напротив, где всегда сидел его брат, и пошёл на балкон. Ветер с мелкими каплями дождя ударил в лицо, когда дверь открылась. Тоши достал пачку сигарет из кармана и закурил.

«Мне не нравится эта твоя вредная привычка!» – пробурчал Хиро, навалившись на перила и смотря вниз с балкона.

– Вредная привычка, – прошептал он.

Сигаретный дым пронизывал насквозь его лёгкие и окутывал сердце серой дымкой, а воспоминания горчили на языке. Тоши казалось, что время замерло. Но лишь на мгновение.

Звонок в дверь.

II

Два щелчка. Скрип.

Сестра бросилась обнимать брата, её встревоженные заплаканные глаза с беспокойством смотрели на него. Она, казалось, ждала ответа на немой вопрос, но Тоши молча отстранился и пропустил её в квартиру.

– Почему ты ушёл без нас? – тихо спросила сестра. – Исчез, ничего не сказав.

Ничего не ответив, Тоши пошёл на кухню, взял пепельницу и снова закурил. Сестра со вздохом опустилась на табурет и, положив сумочку на колени, с грустью посмотрела на брата.

– Родители очень расстроились из-за твоего ухода, – сказала она. – Мы им очень нужны сейчас, Тоши.

– Чай? – предложил Тоши, стоя спиной к сестре.

– Нет, спасибо, я обещала родителям, что сразу приду к ним, как только... – девушка замолчала, не решаясь продолжить, – как только заберу прах Хиро.

Вдруг Тоши ударил кулаком по столешнице. Сестра вздрогнула, а на глаза у неё навернулись слёзы.

– Нет! – грубо отказал он.

– Но Тоши, так ведь нельзя, – дрожащим голосом произнесла она. – Он должен быть у родителей. Пожалуйста, брат. Не делай им больно, тем более сейчас.

– Я сказал: нет.

– Да как ты можешь? – сестра встала и собралась уходить, по щекам её уже текли слёзы. – Не надо быть таким эгоистом! Он не принадлежал тебе!

– Я любил его!

– Мы все любили его, Тоши! – закричала она, закрывая лицо руками.

Сестра покинула его квартиру в слезах, а он стоял на кухне с истлевшей сигаретой в руке и смотрел в пустоту.

– Но не так сильно, как я. – едва слышно произнес он.

Холодный ветер дул в открытую форточку и развеивал занавески, а его ледяные руки нежно гладили плечи Тоши. На улице дождь шёл всё сильнее. Близился вечер.

Тоши вдруг понял, что не может находиться в этой маленькой квартирке один. Какое-то странное чувство нарастало у него в груди, оно не предвещало ничего хорошего, и Тоши боялся его.

Не помня себя, он выбежал из дома под ровную стену дождя. Холод окутал его с головы до ног. Капли быстро, словно горные ручейки, стекали по лицу и одежде и падали под ноги. Он вдохнул свежий воздух и закрыл глаза. Всё вокруг растворилось, и только дождь остался с ним, вокруг него, внутри. Дождевая вода наполнила его, проникла в самые тайные уголки души, текла по венам, наполнила лёгкие.

Тоши ушёл. В никуда. Ноги шли сами, и он лишь видел сменяющиеся дома и улицы через полуприкрытые веки. Казалось, будто это сам мир куда-то движется, а Тоши застыл внутри, рядом с комом воспоминаний и никому теперь не нужных чувств. Среди капель дождя на лице медленно скатилась и упала слеза, оставшись никем не замеченной. И была ли это слеза? Это мог быть только дождь. Или это всё могли быть

слёзы. Ему, может, стало бы чуточку легче, если бы он знал, что небо плачет вместе с ним и, как он, оплакивает того прекрасного солнечного мальчика, что когда-то смеялся под ним.

Наступила ночь. Дождь всё не кончался. Тоши совершенно потерялся в беспросветной тьме и не хотел искать выхода. Ему было тепло. Но и больно тоже. То, что он любил и что так отчаянно пытался удержать, причиняло нестерпимую боль, словно рассекая плоть изнутри.

Он шёл по улицам, а улицы шли мимо него. Ветер свистел в ушах, и ливень нещадно колотил по сутулым плечам. Тоши метался в урагане собственных мыслей, не зная, где выход, и как ему выйти. Но в один момент всё закончилось. Настала тишина, спокойствие, и Тоши оставил мир и своё тело, чтобы найти что-то очень важное...

Тоши разбудила громкая сигнализация машины, стоявшей неподалеку. Он открыл глаза и осмотрелся: вокруг росло много деревьев и кустов, под ногами еле видная через траву тротуарная плитка. Моросил дождь. Тоши оказался в старом парке на окраине города, не помня почти ничего, особенно того, как и зачем пришёл именно туда.

Подул сильный ветер, и только тогда Тоши стало холодно. Очень холодно, всё его тело дрожало. Одежда промокла насквозь за эту тёмную дождливую ночь.

Кое-как сообразив, в какую сторону идти, он отправился домой, желая лишь снять мокрую одежду и уснуть под большим тёплым одеялом. У него не осталось сил, и внутри как будто что-то погасло.

III

В комнате было темно, когда Тоши разбудил телефонный звонок. За окном по-прежнему шумел дождь, небо закрывали серые тучи, и невозможно было сказать, день сейчас или вечер.

Голова болела так сильно, как будто мозг становился всё больше и больше и давил на стенки черепной коробки. Тоши хотел выругаться вслух, но вместо этого только сильно закашлял.

Телефон лежал где-то под диваном и не переставал звонить. Тоши достал его и посмотрел на экран – звонит коллега по работе.

– Алло, – с усталым вздохом он взял трубку.

– Привет, Тоши, – раздался высокий неуверенный голос, – слушай, меня попросили позвонить тебе. Тут такое дело, я понимаю, что тебе не до того особо, но что поделаешь...

– Да что тебе нужно, говори уже! – грубо оборвал его Тоши.

– Ну, в общем, босс рвёт и мечет, сроки горят, ты должен был ему несколько дней назад уже всё сдать. Я ему сказал, что у тебя случилось, но он ведь тоже не может отодвинуть сроки сдачи, хотя сказал, что ты можешь взять пару недель отпуска, как только перешлешь ему все файлы. – Он говорил быстро и не всегда понятно, как будто его кто-то

погонял палкой с острым концом.

Тоши ужасно хотелось бросить трубку и забыть обо всём, что есть за пределами его маленькой квартирки. Но он взял себя в руки и сказал коллеге, что всё сделает.

Он медленно выбрался из складок огромного одеяла и, встав с дивана, прошёл мимо письменного стола, послав его к черту, на кухню. Он точно понял, что хочет сейчас только одного – напиться. Напиться вусмерть, так, чтобы не помнить себя, чтобы забыть абсолютно всё.

Зайдя на кухню, Тоши сразу достал бутылку, налил себе в стакан виски и выпил его залпом. Потом ещё и ещё, и совсем не так, как стоит пить виски, им нужно наслаждаться, а не спешно, будто времени оставалось мало. Мысли гудели в большой голове, сводя его с ума, как стая голодных волков, нападали и растаскивали на куски его разум.

Чем больше он напивался, тем громче становились мысли. Через полчаса они уже кричали так громко, что Тоши просто не мог больше терпеть. И он сам уже готов был закричать, как вдруг...

Сильно хлопнула входная дверь. Тоши вышел в коридор и увидел Хиро, он был чем-то разозлён.

– Что случилось? – спросил Тоши.

– Отец опять напился. – недовольно ответил брат. – Я переночую у тебя?

– Конечно. Мама знает?

– Нет, у неё ночная смена. Я оставил записку.

– Нельзя всегда сбегать вот так из дома, Хиро, – Тоши со вздохом приобнял брата, но тот, вздрогнув, тут же отстранился и пошёл на кухню.

– У тебя есть тот жасминовый чай? – спросил он.

– Хиро, он опять сделал это? – Тоши догнал брата, задрал его футболку и увидел большие яркие синяки на его теле. – Не позволяй ему бить тебя.

– Он намного сильнее меня, Тоши, – Хиро смущенно опустил футболку и сел за стол, сгорбившись и поджав колени к груди.

Тоши налил им обоим жасминового чая, и они молча сидели и пили его.

– Тоши, – тихо позвал его Хиро, – пообещай мне, что я никогда не увижу тебя пьяным. Пожалуйста... я не хочу, чтобы ты был, как отец.

– Обещаю! – Тоши улыбнулся и потрепал его по волосам.

Две слезы скатились и упали на стол. Руки дрожали. Воспоминание того вечера пронеслось, как ураган, сметая хмель и крики. Тоши встал и вылил остатки виски в раковину. Он шептал еле слышно извинения, просил прощения у брата за нарушенное обещание.

– То, что тебя нет, ничего не значит, – вдруг громко сказал он вслух.

Где-то вдали загрохотало, и дождь с новой силой заколотил в окна. Тоши взял в руки коробочку с табуретки в углу и отнес её в комнату. Не зная, куда её деть, и вообще, зачем он взял её, он поставил её между диваном и большим растением, чтобы не видеть.

Сухой кашель вырвался из груди. Тоши вышел на балкон и закурил, а холодные капли, бившие по лицу, как будто прогоняли его.

Он выкурил две сигареты к ряду, ему казалось, что они слишком быстро тлеют. Дымка от алкоголя медленно сползала с его разума, и тогда проснулся голод.

Под громкое урчание живота, Тоши поплёлся на кухню, шаркая по полу, но у холодильника это шарканье вдруг прекратилось. Он почувствовал холод и сырость под ногами и, посмотрев вниз, увидел огромную лужу. Оказалось, холодильник сломался, а судя по луже, растёкшейся во все стороны по полу кухни, достаточно давно, удивительно, как Тоши не заметил этого раньше.

Те немногочисленные продукты, которые были в холодильнике, он решил выкинуть, потому что они уже начинали портиться, да и приготовить из них что-нибудь съедобное не представлялось возможным.

Желудок умолк и как будто забыл о своей потребности в пище, а мысли и ощущения тоски нещадно били, как камни, по голове, от чего она разболелась так, что, казалось, вот-вот взорвётся к чертям собачьим.

Только Тоши открыл входную дверь, держа в левой руке мусорный мешок, как на старый коврик упало несколько конвертов. Он нехотя поднял их и просмотрел. Как и думал, это счета и одна рекламная листовка – счёт за электричество, задолженность по квартире, взнос за обслуживание лифта, который не работает, и реклама компании по установке сантехники.

Сунув бумажки в задний карман джинсов, Тоши выкинул мешок и листовку в мусоропровод и вернулся в квартиру, заперев дверь на все обороты и цепочку. Чтобы не мешали, кинул счета на подоконник на кухне и, прошептав в пустоту «прости», налил в бокал виски и выпил. Ему казалось, будто что-то тяжелое давит на него и превращает в такую же лужицу на полу, как растаявший лёд. От этого не было спасения, и паника остро колола его разум, подбираясь всё ближе.

Силы медленно покидали его тело, и Тоши решил, что лучше попробовать уснуть, ведь во сне всегда хорошо, во сне нет проблем, в нём всё не настоящее. Сейчас даже любой кошмар был бы лучше, нежели реальность, от которой только тошнило. Тоши с головой укрылся одеялом и закрыл глаза, пытаясь унять вселенную, которая крутилась вокруг него, как волчок.

Скоро он перестал ощущать мир вокруг, как будто всё исчезло. Не

было больше ни неба, затянутого серыми тучами, ни деревьев, ни дождя, смывающего грязь с этого пыльного, отвратительного города, и стены вокруг него тоже перестали существовать. Стало так тепло и тихо, а нежная пелена сна ласково окутывала его сознание. В океане мыслей настал штиль. И было настолько прекрасно, что Тоши даже улыбнулся, а Хиро крепко обнял его.

Если бы время могло остановиться, они были бы счастливы, здесь, сейчас и навсегда...

Но зазвонил телефон.

– Тоши, – тихо позвал неуверенный женский голос в трубке, – это я, твоя мама. Пожалуйста, выслушай меня. Мы все очень волнуемся за тебя, я звонила несколько раз, но ты не брал трубку. Не надо пропадать. Я понимаю, как тебе сейчас плохо, но пойми, не только ведь ты потерял его.

– Нет, ты ничего не понимаешь! – грубо ответил он, совсем не замечая всхлипы на том конце. – Не смей сравнивать себя со мной! Вы все принимали его как должное! И только я любил его по-настоящему!

– Что ты говоришь, Тоши... Я... я любила его так, как любая мать любит своего сына. Ты думаешь, он не был мне дорог? – мама заплакала, и слышно было, как муж рядом утешает её.

– Ты даже не обращала на него внимания, как и на меня! Ты ничего о нас не знала. Работа, дела и деньги – это всё, что тебя волновало!

– Тоши, прошу тебя... – она замолчала, раздумывая, – ты что, пьян?

– Какая, к чёрту, разница – трезвый я или пьяный?

– Теперь всё понятно...

– Что тебе понятно? Что?! – перебил он её.

– Ты бы не говорил так, если бы был трезв. Это всё алкоголь, сколько раз я тебе говорила: не уподобляйся своему отцу!

– Это не имеет значения. Я не поменяю своего мнения!

– Прекрати, Тоши! Не занимайся ерундой! Я кладу трубку, позвони, когда протрезвеешь, и мы приедем забрать прах Хиро.

– Замолчи! Вы не посмеете забрать его! Я не позволю!

Раздались гудки. Тоши был так зол на свою мать, в груди бушевало пламя, но постепенно оно стало гаснуть, забирая у него все силы.

Он швырнул телефон подальше и повернулся на бок, закрыв глаза и крепко стиснув зубы.

Ему нужен Хиро. Только он, и Тоши готов отдать всё, абсолютно всё, лишь бы быть рядом с ним.

И только сон мог хоть на мгновение сделать его счастливым.

Они возвращались домой из кинотеатра. Погода стояла душная, но с приближением вечера похолодало, и иссиня-чёрные тучи быстро накрывали город.

Дождь начался, когда до дома оставалось пройти всего пару дво-

ров, сначала слегка моросил, переходя в ливень.

– Как здорово! – засмеялся Хиро, пробегая по лужам, прыгая в них и обрызгивая и себя и брата. – Обожаю дождь!

– Чёрт, жаль не взял зонт, – возмущался Тоши. – Пойдём быстрее, Хиро, а то совсем промокнем.

– Ну и пусть! Я хочу вымокнуть до нитки, – и широко улыбаясь, он вскочил на ограду, разведя руки в стороны.

С закрытыми глазами, глубоко вдыхая запах дождя, Хиро медленно пошёл по ограде. Он еле удерживал равновесие, но шагал всё быстрее, радуясь погоде, как маленький ребёнок. Вдруг нога соскользнула с перил, и Тоши чудом успел поймать его. Оба сперва испугались, но тут же зашлись смехом.

– Аккуратнее надо, Хиро! – сказал Тоши, нахмутив брови в попытке быть серьёзным. – И вообще, нечего по оградкам ходить. Пошли, давай, домой, заболеешь ещё.

– Кайфолом ты, мой братец, – Хиро наигранно обиделся и отвернулся, делая вид, будто идёт один.

<...>

За окном шумел дождь. В комнате было темно, и сквозь эту пелену Тоши смотрел на Хиро. Младший брат тихо посапывал на разобранном диване, а старший сидел рядом, любуясь этой невинной, чистой красотой.

Тоши коснулся его влажных после дождя волос и ласково улыбнулся. Он ни о чём не думал и был просто счастлив. Ему было так хорошо, так тепло, ведь он любил его.

Он проснулся от сильного сухого кашля и острой боли, разрывающей грудь изнутри. Голова гудела, а внутри как будто что-то чесалось, и это раздражало его больше всего.

Вскоре комок всех этих ощущений настолько туго скрутился, что Тоши больше не мог просто лежать. Он повернулся на другой бок, и на глаза попался отклеенный уголок обоев на противоположной стене. И тогда ему захотелось непременно что-нибудь с этим сделать.

Тоши попробовал встать с дивана, но ноги почему-то не слушались, и поэтому он просто подполз к стене. Комок внутри сжимался всё сильнее, заставляя руки судорожно отдирать обои, как будто за ними кроются ответы на все вопросы. Тоши не понимал, что делает.

Но вдруг, он резко остановился, застыл, как статуя. За обоями не стена – за ними стекло. Тоши не мог поверить своим глазам. Перед ним самое настоящее, такое реальное матовое стекло, а за ним чёрная пустота. Он хотел было ущипнуть себя, потому что это всё казалось чертовски глупым сном, как тут же за стеклом что-то шевельнулось. Тоши перестал дышать, ощутив странное тепло, разливающееся по телу. Сквозь

тму показалась чья-то бледная рука и коснулась стекла. Тоши сразу узнал её. Руку Хиро.

На глаза навернулись слезы. Он слышал, чувствовал биение его сердца, касаясь холодного стекла. Если бы только оно исчезло. Если бы только Тоши мог взять Хиро за руку, он никогда больше не отпустил бы его. Если бы...

В дверь позвонили.

Тоши обернулся на звук, а когда снова посмотрел на стекло, оно уже исчезло, а за содранными обоями была самая обычная серая бетонная стена. Сжав кулаки, он с трудом поднялся с пола и пошёл к двери. Отперев её, он увидел молодого незнакомого парня в кепке, тот безучастно смотрел на него.

– Доставка на дом, – сказал незнакомец заученную фразу. – Распишитесь в получении.

Совершенно не понимая, что происходит, Тоши расписался на предложенном листе. Парень-курьер сунул ему в руки коробку и ушёл. Посылка была не очень тяжёлая, но большая. «Разве я что-то заказывал?» – спросил себя Тоши.

Пытаясь вспомнить что-нибудь об этом, он машинально пошёл на балкон покурить. Голова немного кружилась, но он этого как будто и не заметил, как того, что не закрыл дверь даже на цепочку.

Закурив, Тоши начал распаковывать посылку. Ему стало даже любопытно, что же это. Коробка оказалась обычной, из коричневого картона. Он открыл её и среди упаковочной плёнки, наконец, смог разглядеть содержимое. Это был вертолёт на радиоуправлении.

Его сердце сжалось, и он склонился, опираясь на перила и роняя сигарету. Тоши хотелось закричать и выбросить с балкона эту чёртову игрушку, но он не смог сделать этого, потому что вспомнил: это подарок для Хиро.

Однажды, когда они проводили вечер вместе, Хиро увидел рекламу радиоуправляемого вертолета в интернете и сразу захотел его. Тоши спросил тогда, зачем он ему? А Хиро ответил, что это забавно, и у них никогда не было ничего подобного в детстве. Тоши не говорил ему потом, что заказал вертолет уже на следующий день, хотел сделать сюрприз. А через три недели сюрприз делать было уже некому.

Холодные капли дождя падали ему на голову, словно утешая. Слезы катились по щекам. Что теперь ему делать с этим? Выбросить он его не мог, но и оставить тоже. В руках как будто все умершие надежды, которые ты из последних сил надеешься вернуть к жизни, но всё без толку. «Мёртвые – мертвы навсегда».

Внизу кто-то кричал. Тоши прислушался: женщина с первого этажа ругала сына за то, что он не слушается её и не идёт домой. А мальчик стоял посреди лужи, под дождём, отвернувшись от матери и упрямо не

двигаясь с места. Тоши узнал его, этот ребенок каждый день проводил на улице и почти никогда не улыбался.

И решение само пришло в его голову.

Пересиливая слабость и желание сжиматься в комок до тех пор, пока вовсе не исчезнет, он покинул свою пещеру, спустился вниз и вышел под дождь. Мальчик всё так же стоял посреди большой лужи и тихо хныкал, утирая слёзы рукавом мокрой курточки, несмотря на то, что дождь всё равно скрывал их все. Тоши подошёл к нему и, положив руку на маленькое, хрупкое плечо, протянул ему коробку с вертолетом. Мальчишка сначала с испугом смотрел на Тоши, но когда всё-таки осмелился открыть и посмотреть, что в коробке, глаза его заискрились, и детская радостная улыбка озарила мокрое от слёз и дождя лицо.

– Это мне? – спросил он.

– Да, я дарю его тебе, – ответил Тоши. – Не расстраивайся, если случается что-то плохое, ведь всё проходит. Иди домой и дождись, когда кончится дождь, чтобы запустить его.

– Спасибо большое! – только и воскликнул мальчик.

Немного покраснев, он прижал подарок к груди и убежал домой, не сказав больше ни слова и перестав плакать. Тоши смотрел ему вслед, и воспоминания его собственного детства проплыли перед глазами, словно те самодельные кораблики, которые они запускали с братом после дождя в лужи или весной в ручейки на дроге во дворе. «Всё проходит... – подумал он. – Да, всё проходит. И хорошее, и плохое. Так какая разница, как быстро и как долго? Ведь у всего один конец».

Ну а раз так, то он решил пройтись по улице, чтобы, наконец, уже прийти к той мысли, которая давно ждала его, но которую он никак не хотел пускать к себе в голову. Дождь нещадно бил по плечам, и, казалось, сама душа его промокла насквозь, но Тоши шёл, не смотря, куда и зачем, не замечая кашля, режущего грудную клетку на тонкие полосы. И проходил бы так, наверное, целый день, если бы нестерпимое желание покурить не вынудило его вернуться домой.

Ту мысль он таки пустил, хоть и сам того не заметил, а она примостилась в углу и стала тихо ждать своего часа. Тоши покурил на балконе, кашляя всё так же сильно, и, почувствовав слабость, сел на диван, откинув одеяло в сторону. Сон снова, цепляясь, потащил Тоши в тёмные грезы и воспоминания, как будто ещё не все ему показал. Протрезвевший разум сначала протестовал, но усталость и боль в груди взяли своё, и он уснул тревожным сном.

Вокруг находились какие-то люди. Стены комнаты были серыми и только с двумя узкими окнами под потолком. А внутри у него будто тикала часовая бомба. Тоши стоял, а на стульях перед ним, он узнал, сидели его родители и сестра. Слышались слабые всхлипы. Незнако-

мый серый человек в неприметном костюме подкатил к ним столик с телевизором и включил его.

На экране появилось какое-то окно с уходящей в него дорожкой. Но потом по ней стала двигаться большая коробка. Это был гроб, а окно – открытая дверца в кремационную печь, где в глубине уже теплилось пламя. И оно с жадностью стало хватать гроб, пожирать его целиком без остатка. Вскоре никто не мог смотреть более на это, никто, кроме Тоши. Его взгляд был прикован к экрану, где медленно исчезала последняя частичка Хиро.

Глазам стало больно, их резали слёзы, которые он пытался сдерживать. И вот пламя уже схватило его самого сначала за руки, потом за плечи, прожигая дыру в груди. Тоши закричал. Было горячо и холодно в одно и то же время. Тело его застыло, охваченное огнём, а крик так и не смог вырваться из горла. Ему стало так страшно, что, кажется, он сошёл бы с ума, если бы не...

Проснулся.

Сон как будто не сразу развеялся, и боль на мгновение стала реальной. Тоши почувствовал, как слёзы и пламя жгут всё тело изнутри, и, не в силах терпеть всё это, закричал так громко, что этот звук заполнил всю вселенную. Это был крик, полный боли и отчаяния, как будто его на самом деле разрывало на части, и кровь хлестала из ран. Стены разбились на куски, как стёкла, дом рухнул, и мир поглотила тьма. И в этой тьме мелькнуло перед Тоши нечто, способное усмирить его боль, залечить раны, заживить душу.

Но звонок телефона, словно плетью, ударил его и вернул в комнату, где тишина звенела от сотрясшего её крика. Он еле отыскал сотовый, злясь на себя за то, что не отключил его. Звонил отец, и как бы Тоши не хотел выбросить телефон с балкона, всё-таки ответил на звонок, потому что чувствовал, что должен.

– Алло, Тоши? – голос отца казался далёким и глухим, Тоши ничего не сказал. – Сын, что происходит с тобой? Объясни, чего ты хочешь?

– Оставьте нас... – прошептал он.

– Что значит «оставьте»? Прекрати валять дурака, мы с твоей мамой волнуемся, чтобы ты знал!

– Чего тебе от меня надо? – Тоши не хотел снова вести разговор об этом и пытался подавить желание закричать и бросить трубку.

– Ты знаешь, что, и прекрасно всё понимаешь, сын. Ты должен вернуться к нам, не веди себя, как ребёнок! Его не вернуть, Хиро...

– Не смей произносить его имя! – закричал он, перебив отца. – Ты не имеешь права! Ты ведь даже не любил его! Я-то знаю, какой обузой он был для вас! И я знаю, что ты делал с ним!

Тоши уже не мог остановиться, он кричал на отца, ругая его самым

крепким матом, вымещая всю скопившуюся внутри ненависть. И когда запас ругательств иссяк, он всё-таки сделал то, что хотел сделать с самого начала – вышвырнул телефон через открытую дверь балкона. И тут на смену глухому страху пришла паника.

Он почувствовал, как на него смотрят тысячи пар глаз, и только они не осуждают. Его глаза, Хиро. Такие по-детски наивные, понимающие, любящие.

– Тоши, – прошептал голос, раздавшийся везде и нигде.

– Тоши, – снова сказал он, – где ты?

Тоши оглянулся и никого не увидел. Но он слышал этот родной голос! Хиро был здесь, рядом.

– Где ты, брат? Где ты? – вновь спрашивал младший брат. – Где ты?

Последние слова были еле слышны, и голос ушёл. А внутри у Тоши шумел всё сильнее ливень. Он хотел ответить, позвать, закричать, но не смог даже прошептать его имя.

Голова закружилась и заболела, кашель с новой силой начал раздирать грудь изнутри. Тоши захотелось утопить боль в алкоголе, но, зайдя на кухню, он не нашёл ничего, кроме банок с бобами.

– Ненавижу эти бобы! – закричал он и выкинул их в окно.

Стёкла, зазвенев, посыпались на подоконник и вниз на улицу. Раздался раскат грома. Гроза, казалось, гремела над самым его домом. Тоши ударил со всей силы кулаком в стену, и вдруг вновь услышал голос за спиной, совсем рядом.

– Тоши, перестань, пожалуйста.

Лёгкая рука легла на его плечо. Тоши не оборачивался, потому что чувствовал тепло, дыхание брата и знал, что если обернётся, не увидит никого. Ему так хотелось, чтобы этот момент стал вечным, последним, но в дверь снова позвонили.

Не успел Тоши отпереть, как в квартиру ворвалась, словно буря, сестра и закричала с порога:

– Да что ты творишь, чёрт возьми?! Это уже слишком! Совсем с ума сошёл от горя, что ли?

Тоши не отвечал и только смотрел на неё волком.

– А ну отвечай! Какого лешего с тобой происходит? Ты не маленький уже, должен решать проблемы по-взрослому, а не запираешься в комнате и психовать! – она злилась, била его и почти плакала, ведь её сердце разрывалось между жалостью и ненавистью к брату. – Я забираю прах Хиро, хочешь ты того или нет!

Она собралась идти искать ту маленькую коробочку, хранящую в себе всё, что осталось от Хиро, но Тоши грубо схватил её за руку и прижал к двери.

– Не смей! – почти прорывал он, как зверь, и ударил сестру по лицу.

Испуганная девушка затихла, вся её злость остыла под пеленой

страха, и, заплавав, она убежала прочь из квартиры.

Только спустя несколько минут Тоши понял, что натворил. В один миг перед глазами промелькнуло всё, что он сделал, сказал, и ему вдруг стало стыдно. Он медленно сполз по стене, схватился руками за голову и застыл. А за окном гремели раскаты грома.

Прошло много времени, пока взгляд не споткнулся о коробку, тихо прячущуюся за диваном. Тоши подполз к ней, прижал к груди, будто кто-то отбирал её у него, и заплакал.

– Что я натворил, брат... – Шептал он. – Что я наделал! Прости меня, прости, прости...

– Все ломаются, Тоши. – сказал Хиро, касаясь его плеча. – В этом нет ничего плохого, это лишь значит, что у тебя любящее сердце.

Тоши бросило в дрожь, он ощущал брата ещё сильнее, чем раньше. И в этот раз, оглянувшись, он увидел его.

– Хиро...

– Да, брат. Я здесь, рядом с тобой, и всегда был. – Он улыбнулся своей застенчивой и нежной улыбкой.

Слёзы счастья скатились по щекам Тоши. Он крепко обнял брата и впервые за последние несколько дней улыбнулся.

– Я скучал по тебе. – сказал Хиро, обнимая брата в ответ.

IV

Тоши не мог поверить, как бы ни старался, в то, что брат был рядом. Ведь он своими собственными глазами видел, как его тело исчезало в огне. Но Хиро был, по-настоящему был здесь, в этом мире, в этой комнате, в его объятиях, и Тоши стало без разницы, что это – чудо или сумасшествие. Только он не знал, как принять это, и что делать дальше.

– Хиро, ты... – дрожащим голосом спросил он брата, но не смог договорить.

– Да, Тоши, я умер. – ответил Хиро, посмотрев ему в глаза. – Но я не мог оставить тебя здесь одного, мне не хотелось уходить без тебя.

– Но... как?

– Не знаю. – Хиро опустил взгляд и прижался к брату. – Было так холодно и страшно, я не знал, что случилось, ничего не видел. А потом ты позвал меня, и я оказался в твоей квартире.

Тоши согревал продрогшего брата в объятиях и думал только о том, что они вместе теперь, но навсегда ли? Этот вопрос резал без ножа, ставил три точки там, где должна была быть запятая, точки, за которыми не следовало ничего, и эта незаконченность и неизвестность причиняла боль им обоим.

– Кажется, дождь закончился, – после долгого молчания сказал Хиро.

– Да, точно.

И Тоши понял всё, нашёл один единственный ответ на все вопросы. Теперь он знал, что нужно было сделать.

– Пойдём? – позвал он брата.

Тот кивнул в ответ, и Тоши посадил его себе на спину, как раньше. Они покинули старую однокомнатную квартиру и поднялись на крышу. Тучи расступились и на ночном небе засияли звёзды.

– Помнишь... – начал Тоши.

– Мы часто смотрели на ночное небо вместе, и ты говорил, когда мы умираем, наши души взлетают выше небес и плывут между звёзд, сияя для тех, кто нас любил. – закончил Хиро, с улыбкой на лице. – Да, я хотел бы взлететь и уйти отсюда навсегда, но только с тобой, одному мне там нечего делать.

– А мне нечего здесь делать одному.

Тоши опустил брата на землю и подошёл к краю, посмотрев на спящий ночной город.

– Этот мир мне всегда казался красивым, что-то в нём всё-таки есть, но мне он больше не нужен. Я... – кашель не дал Тоши договорить, в груди снова заняла тупая боль.

Хиро подошёл к брату и коснулся рукой его спины.

– Тебе больно, я чувствую, что-то не так, ты...

– Да, кажется, я болен.

– Я бы так хотел остановить твою боль, твои страдания.

Тоши взял его за руку и сказал:

– Есть только один способ сделать это.

Хиро ничего не ответил, но согласно кивнул. Теперь они были готовы.

– Я люблю тебя, Хиро.

– И я люблю тебя, Тоши.

V

Сестра пришла спустя три дня. Чудом она нашла в себе силы зайти в эту квартиру. Там всё ещё пахло сигаретами и отчаянием, а стены были сплошь исписаны один именем. Сквозь разбитое окно кухни тёплый ветер задувал утреннюю свежесть.

В руках у нее была маленькая деревянная коробочка, и она пришла забрать вторую, ту, которую брат так не хотел отдавать. Девушка нашла её за диваном.

С двумя коробочками она поднялась на крышу. Солнце нежно грело промокший и замёрзший город. Со слезами на глазах и улыбкой на лице сестра смешала прах младшего с прахом старшего брата, прошептала короткую молитву и развеяла последние частички любимых ею людей. Ветер подхватил их и поднял выше неба.

С этого дня каждую ночь для нее на небе горело на две звезды больше.

* * *

Ночь, холод, метель
Обжигает кожу.
Я хотел вернуться, но
Expand text...
Не успел.
Ты, наверное,
Уже и не ждешь
Теперь.
Я, застряв в сугробах,
Падал и падал в снег,
А на глазах – слезы.
Мне было больно, но
Я уже почти исчез
Из мира, из памяти,
От жизни остались
Лишь капли
Твоих надежд
В моей голове
Разливаются океанами.
Мы хотели
Быть счастливы,
Но не смогли
Поверить,
Что счастья на самом деле
Нет.
А метель уже не стихнет,
Меня занесло
Двухметровым слоем.
И в последних вдохах
Шептал, посвященные тебе
Стихи,
Которых больше не будет.
Последние звуки
Голоса
Замерли
В крике вьюги.
Я хотел вернуться,
Сказать только
...тебя,
Но не успел.

Твое сердце уснуло
Навек.

* * *

В эту ночь ты снился мне дважды
И дважды я просыпался и не мог уснуть
Сны с привкусом темной грусти
Но с послевкусием нежности
На губах, которой я все никак не дождусь завтра
А пока в темноте ночи пасмурной не увижу тень твою рядом
И буду пытаться закрыть глаза
Провально и неудачно
Руки саднят эти глубокие раны не заживают
Я снова медленно падаю в пропасть сна
Но
Не встречаю тебя там, как ни ищу отчаянно
Только ветер и пустота
Мне так
Не хватало
Тебя
Тебя
А тем временем скоро зима
И может быть я замерзну и ты никогда уже не найдешь меня
А я буду ведь ждать
Покорно и преданно тебя в своих снах
Искать искать
Не находить
Рыдать
Резать снова руки в полосы зная
Что тебе от того будет больно тоже
В снегах, в сугробах по самую шею
Напуганный смертью что воздуха нет
Я может никак не смогу
Найти выход и путь к тебе
И погибну
В снегу
Пропаду в темноте
Последнего сна
В котором вечность
Буду видеть
Твои
Глаза

* * *

Ее волосы пахли дымом
Ментоловых сигарет,
В ее глазах горели
Огоньки не потухших мечт.

Ее губы шептали тихо:
«Милый, любви нет»,
И глаза поднимались к небу
Посмотреть на холодный свет.

Ее тело пахло жасмином
И тонким оттенком роз,
Смешавшимся с горьким дымом.
Я с упоеньем вдыхал это все.

Мы сидели на крыше мира.
Мы смотрели в ночную даль.
О любви мне она говорила,
Но я так и не смог понять.

Ветер теплый касался ее неслышно,
Мертвые звезды смотрели украдкой с небес
Я хотел целовать ее долго и нежно,
А она мне: «в людях любви нет»

Ее волосы пахли дымом
Ментоловых сигарет.
Она никогда никого не любила.
Я любил ее больше всех.

Приходи

Ты приходи ко мне в ночь на пятое
Любого месяца, это не важно.
Мы будем падать с тобой вместе вниз,
В темную пропасть пустых надежд.
И в сети забытых мечт, мы будем плакать
И смеяться вместе.

Да разве это жизнь, которой мы живем?
В холодных окнах день со днем
Не сыщешь настоящих слов, и песен
Не льется из форточек. Нам почему-то вдруг
Стало все равно.

Идет снег ли, дождь ли, да хоть бы солнце в стекла, в лицо
Бьет усталость, и больно, и холодно.
Мы не грустим больше, мы независимы. мы не помним,
Куда все ушло, когда мы все бросили.
Только ветер за окном тоскует по нашей осени.

И чай на столе заменил кофе молотый в растворимом.
И в сердце пламя огарком свечи тает невидимо, и
Часы давно уже пробили полночь – вот, посмотри, снова солнце
Глядит в мои пыльные окна, смеется.
А мне не больно больше от горького дыма в легких.
Ты не пришла, ты уснула в поезде
Киев-Москва, он ушел в бездонное озеро и пропал
в глубине.

А я выстрелил в спину собственной тени
И нырнул в свое море –
Конец.

День твоей смерти

Когда настанет день твоей смерти,
Когда сердце твое перестанет биться,
Небо моими слезами прольется,
Солнце погаснет и мир застынет.

Кто-то где-то пронзительно крикнет,
Голос сорвет и оглушит людей.
Ослепительной молнии свет обогнет
Землю, и все наконец-то узнают о ней.

О той, что была, и которой не стало.
О той, что ветром весны развеяна.
О белокурой красавице милой,
Об умершей в мечтах и без веры.

И никто не запомнит, на миг и на час,
Что желала она и что делала.
И никто не узнает: в ее глазах
Я видел смерть ее ангелов.

Пусть все эти тайны останутся там, вдали,
В темных днях, что теперь уже некому помнить,
В тихих днях ее жизни, где были лишь мы,
Потому что, прости, без тебя я не могу быть.

* * *

Под свирель и флейту смотрел в окно и хотел упасть.
Мама сказала, мне жену надо,
А я ходил в магазин и купил вина.
Кто сказал, что я тот, кто кому-то нужен
Не на день, а навсегда.
Может, я есть, может, не существую.
Может, весь – одна большая иллюзия,
И кто-то меня придумал?

Мне в бюро находок сказали, меня никто не терял,
Значит – ничей, значит – не нужен,
Как капля дождя, повисшая в воздухе.
Скоро не станет, скоро подует западный ветер и унесет меня прочь.
Может, я стану воздухом,
И ты однажды меня вдохнешь...

* * *

Ты, луна, надо мной не смейся,
Я ведь только отдал любви все,
А взамен получил лишь колотое ножевое
Как раз между ребер, как предвещало солнце.

Кровавое месиво вместо сердца,
Протухшая гниль в голове.
Кто-то спросил меня: почему не весел?
Я ответил: ничего, просто...

Просто больно смотреть на небо,
Больно видеть родных.
Я хотел бы уснуть на вечность,
Упасть и не встать вовек.

Как будто это так просто,
Я ведь обычный, но мне не в первой.
Мне ведь всего дороже на этом свете
Твое не разбитое сердце.

Ты забыла

Друг мой, на самом деле
Спустия так мало дней
После всего, что было,
Ты забыла?
Неужели
Те годы, что мы были вместе
Так незаметно для тебя прошли,
Что ты смогла так просто,
Без усилий все забыть?
Я слышал, ты нашла другое,
Наверное, роднее и дороже,
Что стало лучше, чем мое
Холодное большое море,
Похоже, ты нашла своё солнце.
Но ты – мое,
Единственное теплое,
Любимое, родное.
И что мне делать,
Я не знаю,
Куда идти, зачем,
Когда вокруг лишь тьма и тишина.
Я брошен и покинут моим солнцем,
Я пал, не смог подняться, я устал.
Бороться, верить и мечтать,
Я разучился,
Я забыл, как правильно дышать.
Куда идти мне, покажи,
Есть выход, но куда и где мне выйти?
Отпустите, мои демоны,
Мне все ещё хочется жить.
Я утонул в воспоминаниях, я задохнулся.
Милая, где ты? Где ты?
Мне без тебя весь мир не нужен.
И остановятся часы,
И я пойму,
Что ты была, но не любила.
Ты есть и далеко с другими.
Я тоже был, теперь – не более, чем дым,
Но как любил...
И все ради тебя,
А ты – забыла.

Ранен и убит

Ранен
Сквозным в шею
Убит
Контрольным в спину
Больше никому не верю
Больше никто не слышит

Небо горит тихо
Реки в безмолвии стынют
Птицы исчезли бесследно
Все рыбы погибли в мире

Чай на столе стынёт
Форточка не закрыта
Стены теперь не сдержат
Чьи-то громкие крики

Начертите кто-нибудь линию
Под моей жизнью
Красной горячей кровью
Вытекшей из ран больно

Мои силы уже на исходе
Сердце не бьётся больше
Тело оставьте где бросили
Тепло заберите только

И скажите людям на входе
Чтоб никогда не любили больше

О человеке без имени

Как капля в море,
Он живет в толпе.
Он не видит света,
Он живет в темноте.

Пропадает в безумии
Однообразных дней,
На широких улицах,
Без фонарей.

Он не родился,
Не умирал.
Он не сражался,
Он ничего не желал.

В его форточку
Снег залетал.
Он не любил.
Он никогда не пылал.

Только лишь сердце
Дрожало в груди.
Он темноте шептал:
«Помоги».

О прощаниях

каждый раз когда прощаемся
мелькает мысль
а что если
я ее больше
не увижу ...
никогда
становится так страшно
и горько и холодно
больно
что если она уйдет
исчезнет
не доедет до дома
что если она пропадет
по дороге
во тьме посторонних улиц
что если может быть я
больше не буду совсем
не смогу проснуться
очнуться открыть глаза
и следующим утром
не станет нас
что если что если
я не хочу думать
мечтать о хорошем надо
но так страшно
так странно
ведь я же знаю
никто не останется нигде никогда навечно
все исчезнут и все изменятся
изменят уйдут
покинут и бросят
оставят совсем одного ночью на улице
и сигареты закончатся
и лезвие в кармане найдется
нет
нет
ни за что
не позволю
как больно ни было
тьму за собою спугну
поцелую воздух

и все будет точно
спокойно и тихо
тепло
хорошо
мои ангелы будут
всегда
навсегда
с тобой

Когда небо горело

Небо горело
Словно огненными крыльями
Ангел обнял горизонт
Мы сидели на крыше
И ветер говорил
Нам о странах далёких
Ты была словно солнце
Грела меня своим теплом
Ты шептала
Бессчетное множество раз
«Я люблю тебя. Я люблю тебя»
Мы были влюблены когда-то
Когда-то мы были счастливы
Но сейчас я один
Почему ты меня оставила
Без солнца я как холодная и мертвая луна
Ты давно умерла
Но я все еще помню
Как горело небо
И как ты шептала
«Я люблю тебя»

ЛЮДМИЛА КОПЫЛОВА

ЗВУКИ РОМАНСА

Тонкой струны вдохновенные звуки,
Сердца касаясь, волнуют они.
О, эти звуки – вы нежные муки,
Как же теперь вы мне снова нужны!

Помнишь ли вечер ты тех откровений,
Что прозвучали невольно из уст.
Искренне верили мы, без сомнений,
Что друг без друга наш мир будет пуст.

Ты говорил что готов петь мне вечность,
Я для волнений не знала причин.
Только Луна, как сама бесконечность,
Нас вдохновляла сияньем своим.

Годы прошли, как водой унесённые,
Нет уже тех соловьиных ночей.
Струны гитары терзают влюблённые,
Их вдохновляет другой соловей.

ВИДЕНИЕ

Вижу, лодка по речке, качаясь, плывёт,
А за вёслами дева с косичкой...
Впереди её много прекрасного ждёт.
Оно в сердце давно уж стучится.

Жизнь покажет себя, испытает тебя,
Уведёт от волшебных сказок.
Не поможет и лодка, и те два весла,
У беды много разных повадок.

* * *

Я родилась в златом сентябре,
Паутинки в те дни летают.
И туман над рекой на заре
Меня с давних времён опьяняет.

Старость, словно подкралась, пришла,
И морщинок узоры сплетает.
Я, конечно, её не ждала,
Но она мне и впрямь не мешает.

Даже стало свободней теперь,
Все проблемы успела исполнить.
А в конце ждёт заветная дверь,
Всем живым о ней надо помнить.

Ты о ней иногда вспоминай,
Смерть – такая же часть твоей жизни.
Может, есть там и ад, и рай,
Всё узнаем, но после тризны.

ВОЛОГОДЧИНА

Вологодчина – край беспредельный,
Край озёр и болот, и лесов.
Клин утиный летит днём весенним,
Здесь их дом, здесь рождение птенцов.

Не сюда ли ретивых ссылали
В те далёкие уж времена.
А потом молодёжь приезжала
Строить домны и города.

И дороги построены были,
С электричеством жизнь расцвела.
И каналы на реках прорыли,
Мчатся скорые поезда.

Не окраина теперь России,
Жизнь не хуже, чем в центрах других.
Может, даже иных красивей,
И уклад старины не забыт.

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ*

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Ночью зимнею сказки так хочется!
Сплю и вижу я часто: ко мне
Говорливые ласточки просятся,
Щебеча на морозном окне.
Легкокрылые, белые, белые,
Все в пушистом, искристом снегу...
Расколдую от сна своё тело я
И к окну босиком подбегу.
Отпечатки их маленьких лапок
На стекле буду тонком искать...
А к утру сон и крепок, и сладок,
Чтобы вещи сны забывать...
Ночью зимнею сказок так хочется!
Потому, видно, верится мне,
Что они где-то рядышком носятся,
Превращаясь в цветы на окне.

* * *

Родина моя мала –
Во поле избушки
Разбрелись по сторонам,
Словно три старушки.
Скособочившись, глядят
Молча на дорогу,
Ждут-пождут своих ребят,
Затая тревогу.
Но дороженька пуста,
Не пылит знакомо...
И дряхлеют неспроста
Три последних дома.

* *Кузнецов Николай Алексеевич*

УХОЖУ

Ухожу, но разве мне уйти
От такого в сердце ликованья?
Пляшут камни на моём пути,
Огороды, изгороди, зданья,
Косогоры, ямы и кусты,
Горы и широкие равнины,
Потому что улыбнулась ты
И надежду в сердце заронила.
Завтра с милой встретимся опять...
И с душой, восторженной от встречи,
Буду до утра теперь плясать
Вместе с домом, городом и речкой.

* * *

Я хочу небес коснуться
Непутёвой головой.
Может, звёзды улыбнутся,
Забеседуют со мной.
И приятная беседа
Будет таинства полна
И взволнованного бреда,
Как застольного вина.
И одна, что всех грустнее,
Вся в мерцающем огне,
От сиянья голубея,
О тебе напомнит мне.

* * *

Как песня лихого порыва
В уже не цветущей поре,
Взметнулась над речкою ива,
Вся в инее и серебре.
И кажется, что не стоится
Никак ей на месте одном,
И хочется в небо ей взвиться,
Ветвями взмахнуть, как крылом.

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

* * *

Дождь и окно говорили друг с другом.
Как и положено, всё о погоде.
«Здесь – ерунда, то ли дело на юге,
Там где жирафы и страусы бродят.

Время дождливое мерят сезонами,
Есть где развлечься небесному страннику!
Здесь же ругают, прикрывшись резонами,
Что, мол, не ждали прихода заранее».

Вести от неба, дождём принесённые,
На запотевшем стекле простучали,
После упав к переплёту оконному.
Тихо окно отвечало в печали:

«Так у людей, к сожалению, водится
И не зависит от времени года:
Очень легко оправданье находится –
Вечно во всём виновата погода».

* * *

Пыль на дороге, и на окне –
Это совсем не одно и то же.
Первой вначале почти что нет –
Пыль на дороге движенье множит.

Ну а вторая – наоборот,
Признак безделья и лени счастьяце.
Там только муха одна пройдёт,
Если, конечно, захочет пачкаться.

* *Кузнецов Николай Витальевич*

* * *

Темнота осенних вечеров
Скрашена дождя и ветра пеньем.
Но не принимая их даров,
В прошлое глядим без сожаленья.

И уже ушедшего не жаль,
И вернуть мы ничего не просим...
Через зиму, в будущую даль,
Листьев табуны погнала осень.

* * *

Варваре Усиковой

Осеннее небо и серый асфальт,
Ведущий вперёд, удивительно схожи!
Пусть павшими листьями выстлана даль,
А небо чуть-чуть посветлее, быть может,
Но схожесть, присущая серым тонам
Земного, небесного, – есть, это точно.
Как будто бы где-то, невидимый нам,
Их всех порождает единый источник.

* * *

Варваре Усиковой

Между листьев и травой,
По земле, ещё не голой,
С горделивой головой
В даль свою шагает голубь.
Не зовёт в полёт душа
(Два крыла, а пальцев – восемь)...

... Точно так же, не спеша,
В сентябре шагает осень.

ЛИНА ЛОНГМАН

* * *

Звони, когда нужна я буду,
А не нужна – так не звони.
Тебя, я, видно, не забуду,
Меня за всё, прошу, прости!
Лечь на душу тебе не смела,
А может, просто не смогла.
При виде глаз твоих робела,
Сейчас лишь памятью твоей жива!

А ты всё так же меня помнишь,
Зачем-то ты ещё звонишь...
Счастливым обещал, что будешь!
А сам душою всё кривишь.
Когда предал меня, отверг,
Ты, думал, выкинешь из сердца?
Забуть не смог. Не вспоминать?
Ты чистый, как душа младенца,
Но меня ты приучил страдать!

Нужна тебе, себе признайся –
Ты жить не можешь без меня.
В душе моей лишь шрам остался,
А ты – без мысли обо мне ни дня.
Ты сделал так, чтоб о любви молчала,
Меня сумел ты растоптать.
Держа меня и отторгая,
Ты продолжаешь убивать.

Ветер толкает,
Память на нервах громко играет.
Тишины хочу!
Так не бывает,
Мука нам радость определяет.
Сердце взывает –
Привычное чувство. Не задевает.
Со скорбью о прошлом
Спать невозможно.
Сколько так можно?
Никто ответа не знает.

Словно белый комочек по кочкам,
В жизни стремишься вперёд.
Об преграды всё бьёшься,
Да ветер поднимет в полёт...
И тут только очнёшься,
Как ударит гроза свысока!
И дождём тебя мочит,
И на сердце тоска.
В холод по грязи кубарем мчишься,
Туда где молчат облака...
Тишина, ты мне снишься.
Стремлюсь к тебе на века.

Уже не комочек, будто колючка,
Стремишься, всё так же, вперёд.
Обстоятельством бита,
Впереди разве кто-нибудь ждёт?
Пройдя через грязь, боль и лужи,
Побившись о кочки на этом пути,
Ты не вздумай остановиться!!!
Пей яд, но не падай, живи!

И достигнув поставленной цели,
Придя в облака, к тишине,
У зеркала вспомни былые потери,
И не пугайся, ты прямо смотри.
Грязь земную сотри.
Грядёт тишина.
Кто в этом зеркале?
Господи, ведь это же я.

Опустошена!
До пропасти в сердце ранена.
Изгнанна и забита, до чёрствости,
До безкрайности.
С ума сведена до чёртиков в неизбежности.

В аду лютом, спать научилась.
С чернотой морозящей смирилась.
Не забыть забытое не получилось.
Извилась уже в яме чёртовой,
Всё жива, всё ещё дышит.
Умом тронувшись, любит по-прежнему.
Призрачно-нежному принадлежит,
А по факту не нужная,
Как принадлежность бездушная.

Верит всё сумасшедшая в праведность небывалую.
Со своєю правдою да справедливостью
Возится, извивается, спотыкается,
И каждый раз до полусмерти разбивается.
Да всё никак не скончается.

Лишена была места жительства,
И из страны выезда.
Заперта, сидела годами одна.
Ни кем не любима. Змея!
Кого любила, тем была выгнана.
Всеми покинута, в бездну одиночества кинута.

Опустошена.
До пропасти в сердце ранена.
Извилась в сумасшествии,
В ярости не шипит, молча падает.
С души её кровь капает.
Изгнана и забита, в чёртовой яме зарыта.
Всё жива, всё ещё дышит.

* * *

Много прожито зим суровых,
Были пустые, с убытками дни.
Столько сделано дел бестолковых,
А ты первый, кто увидел слёзы мои.

Я пыталась выучить жизни основы,
Но с учёбой совершенно расходились пути.
Мне так не хватало опоры,
А ты один, кто коснулся души.

Вот и пройдена жизни школа,
Предательства, крови и лжи.
Пусть теперь утомляет работа,
А ты единственный мой повод любви.

Снова вечер, темно и суббота.
Ты придёшь меня навестить.
Тебе я признаюсь сегодня,
Ты один, кому осознанно хочу жизнь посвятить!

* * *

Что изменится после смерти моей?
Для тебя это трагедией станет?
Только ты потом не жалея,
Ведь любовь моя не растает.

Цвет улиц останется прежним,
И фонарь всё так же мерцает.
Только ты ни о чём не жалея,
Сожаление в жизни мешает.

Помни, секунды назад не идут,
Цени то, что тебя вдохновляет.
Люди деньги лишь берегут,
Судьба таких истребляет.

Я умру когда, ты улыбайся,
У гроба не слушай сопливых речей,
Не сдавайся, живи и влюбляйся,
И никогда ни о чём не жалея!

ЛИДИЯ ЛЮБОМИРСКАЯ

КОГДА ОТЦВЕТЁТ БАГУЛЬНИК

Когда отцветут вновь багульник
И вереск – болотной дымкой...
А иволги жёлтой свистулька
Замолкнет над паутиной,

Повисшей меж тоненьких веток
Плакучей в лесу берёзки...
Ещё напоследок по лету
Уронит кукушки слёзки

Росой отягчённый ятрышник
И лепестки осыпая...
Увижу я, глядя на вишни –
Их снова дрозды склевали.

Нет певчих дроздов у нас... только
Рябинники и трещотки.
Пируют они ещё долго,
Стрекочут – щёлкают в чётки.

В то время последние птицы
На юг в спешке улетают,
И лишь воробьи да синицы
Клюют просо у сарая.

Теперь вспоминать стану лето,
Стрекозок и бабок-липок,
Закаты да зорь рассветы
И счастье твоих улыбок...

И думать, проснувшись ночами,
Что журавли и кукушки
Живут ни о чём не печалась –
Друзья мои да подружки...

ПРЕКРАСЕН АВГУСТ, КАК ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

Прекрасен август, как последний поцелуй,
Глоток любви, судьбы подарок на прощанье.
В сердца пускает он калёную стрелу,
А сам разлукой душу больно-больно ранит.

Прекрасен август... на малиновой заре
Цветком кипрея рдеет на лесной поляне.
Пылает в жаркий день на солнечном костре,
А вечером закат горит – его румянец.

Прекрасен август с полною его луной –
Сам полон обещаний и сплошных обманов,
Он, выпив из бутылки тёмное вино,
На землю звёзды сыплет прямо из кармана.

Прекрасен август... боже, как прекрасен он
С луной, зарёю и закатом алым-алым!
Земля его – постель, а синий небосклон...
...Под ним тепло, как под пушистым одеялом...

ПЕЧАЛЕН ЖУРАВЛИНЫЙ КРИК

Печален журавлиный крик. Пустеют дачи.
По вечерам почти затих здесь лай собачий.
Стучат осенние дожди по кромке крыши,
И ветер – странник шелестит соломой, слышишь?
Кувшинки не цветут в пруду – плывут лишь листья,
Коврами в яблочном саду дорожки выстлав.
Горит калиновый костёр – костёр бездымный.
И полон горечи простор, в нём вкус полынный.
Ах, эта осень, что пришла такой неожиданной,
Рубинами кусты зажгла калины алой.
Ты в темень выйди на крыльцо, закутав плечи.
Пусть спит усталое сельцо в осенний вечер.
Пёс старый в будке заскулит и брякнет цепью.
Вдали без звона и молитв белеет церковь.
А ветер простенький мотив к ушам доносит.
Свет окон клёны золотит. Ах, эта осень...

ЕЛЕНА МАКСИМОВА

БЫТЬ ПОЭТОМ

Эта история произошла несколько лет назад. В то время я работала заместителем председателя Череповецкого литературного объединения. У нас закончились членские билеты для выдачи новичкам, пополнявшим наши ряды. Председатель поручил мне заказать в издательстве два десятка удостоверений, а также новую подушечку для печати. Получив у кассира необходимую сумму, я отправилась в издательство.

На улице бушевала весна. Майское солнышко вовсю блистало, лаская открытые участки тела. До издательства оставалось каких-то сто метров. Вот и перекрёсток. На светофоре горит красный свет, запрещающий проход пешеходам. А солнышко слепит глаза так, что пешеходам не то, что красного или зелёного, так и чёрного, если бы был таков, не увидеть. Я, не мешкая ни секунды, продолжаю свой торжественный ход. Машины уважительно тормозят, пропуская уверенную даму. И вдруг в конце перехода, как из-под земли, возник передо мной милиционер:

– Женщина, пройдите со мной в машину. Вы нарушили правила дорожного движения.

– Как нарушила? Вон даже и машины пропускали меня.... Посмотрите сами на светофор....

И тут я поняла, что мне уже ничего не поможет – ни оправдания, что была ослеплена солнцем, не моя обезоруживающая улыбка.

– А может, простите, – надеясь на снисходительность сотрудника, лепетала я. – Ведь действительно ничего не видать, да и не случилось ничего страшного.

Наверное, я растопила его сердце, но закон есть закон, и переступить его молодой сотрудник не имел права:

– Вы не расстраивайтесь, мы просто составим протокол, что вы нарушили правила движения, вы распишитесь и пойдёте с миром куда спешили.

Он галантно раскрыл передо мной двери патрульной машины, и я устроилась на заднее сидение, где сидел ещё один милиционер. В голове мелькали мысли одна за другой. Денег у меня было в обрез, откупиться нельзя. Будь что будет!

– Паспорт у вас с собой? Или назовите свои данные, а мы проверим.

А так как я врать не умею, полезла в свою сумочку за паспортом. А тут возьми и вместе с паспортом выпадает, чуть не в руки сотруднику, моё удостоверение члена литературного объединения. Не успела я ойкнуть, что, мол, это не то, как он уже его раскрыл и прочитал. Поднимаю

на него виноватые глаза и неожиданно встречаюсь с удивлённым взглядом сотрудника. Ну, думаю, всё, пропала Лена. Пристыдят, да ещё в ЛИТО сообщат. А он так по-доброму спрашивает:

– Вы член литературного объединения?

Вопрос открыл меня. Я даже внутренне раскрепостилась.

– Да. Я – заместитель председателя череповецкого литературного объединения. А торопилась в издательство, чтобы заказать такие же бланки удостоверений для новичков.

Внутренне я почувствовала оттепель со стороны сотрудника ДПС.

– А вы знаете Кузнецова Николая?

От этого вопроса напряжение с меня полностью слетело. И вот тут я проявила своё красноречие и женское обаяние:

– А которого Кузнецова Николая? У нас их четверо.

Далее разговор перешёл в другое русло – мы говорили о поэзии, о череповецких поэтах, о выпущенных изданиях.

Распрощались, как хорошие знакомые. Правда, на прощание молодые сотрудники посоветовали мне быть более осторожной и бдительной на переходах.

На очередном литературном заседании, я рассказала эту историю своим коллегам по перу, посоветовав постоянно, как паспорт, носить с собой удостоверение члена лит.объединения: а вдруг непредвиденная ситуация? И оно выручит, как случилось со мной. Все дружно посмеялись... Но тут встал один наш коллега и поведал свою историю, тоже связанную с удостоверением.

– Давно это было, – начал он. – Я был тогда ещё молодым и зелёным. Возвращаюсь домой пешком, хорошо поддатым. На улице уже смеркалось...

Короче, проезжающая мимо патрульная машина, заметив качающегося на проезжей части мужчину, забрала его и отвезла в медвытрезвитель.

– Возмущённый наглостью милиционеров (ведь я шёл спокойно, никого не задевал даже плечом), я вместо паспорта, которого у меня с собой не было, подал – уже в медвытрезвителе – удостоверение члена литературного объединения г. Череповца, – продолжил коллега свой рассказ. – Изучив внимательно мои корочки, один сотрудник вдруг говорит: «А ну, почитай свои стихи, а мы послушаем, что ты за поэт!». Читал я им минут двадцать, с чувством, с молодым запалом, где с юмором, а где и похулиганил... Ожидал я чего угодно, но не аплодисментов, которыми наградили меня милиционеры после такого «творческого вечера» в медвытрезвителе. И даже домой этим вечером меня доставили на машине. «Хорошие стихи пишет Ваш муж», – сказали на прощание сотрудники милиции, передав меня в руки перепуганной не на шутку жене.

Вот такое весёлое заседание (всем в назидание) прошло у нас несколько лет назад. Но запомнилось надолго.

ВЕНИАМИН МАЛЬЦЕВ

*Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж.
Королева играла – в башне замка – Шопена.
И, внимая Шопену, полюбил её паж.
И. Северянин*

«ЭТО БЫЛО У МОРЯ...»

Это было у моря, где от зноя томился,
В солнцепёке купаясь, одурманенный пляж.
В мираже наваждения «Алый парус» явился,
Полонила надежду несусветная блажь.

Проплыла королева шоколадной расцветки,
В бархатистом песочке оставляя следы.
Страсти вольная воля на свободу из клетки,
Разметав все преграды, мчалась в дебри мечты.

И ажурная пена под свирели Орфея
Бирюзовой волною перед нею легла.
И морская сирена, лучезарная фея
Пред туманом гипноза устоять не смогла.

Это было у моря, где закат огнеликий
В полумрак наслаждения спрятал ложе любви.
И в пурпурной зарнице, растворив солнца блики,
На интимной эстраде пели песнь соловьи.

И под звёздной вуалью парус плыл над волною,
Капитан шхуну счастья в бухту Радости вёл.
Это было у моря, где под страстью шальнойю
Водопад поцелуев в омут чувства увёл.

*Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо, остро!
Весь я в чём-то норвежском, весь я в чём-то испанском
Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо.
Игорь Северянин, январь 1915 г.*

*– Мороженое из сирени! Мороженое из сирени!
Полпорции десять копеек, четыре копейки буше.
Игорь Северянин, сентябрь 1912 г.*

«КОКТЕЙЛЬ СЛАДОСТРАСТНОЙ ЛЮБВИ»

Ананасы в шампанском –
И дурман, и наркоз,
Словно в танце шаманском,
Наваждения гипноз.

Ананасы в шампанском
Полонили мечты,
Хабанера в испанском,
Полонез красоты.

В том кафе пуританском,
Где изыскан уют,
Ананасы в шампанском
На десерт подают.

И в мороженом тает
Из сирени нектар,
Дух блаженства витает,
Божьей милости дар.

В полюбовном коктейле
Я с тобой растворюсь
И, вкусив чудо-зелье,
Я безумно влюблюсь.

Ананасы в шампанском,
Сладострастья сирень,
В жгучем обществе дамском
Я провёл дивный день.

АНТОН МАНЕВИЧ

*Чтобы стать легендой, надо умереть героем!
Чтобы стать богом, нужно ещё и воскреснуть.*

ИИСУС

(Человек. Легенда. Бог.)

Две тысячи лет мы помним тебя,
Огонь тех страстей до сих пор не угас!
Стала священной теперь та земля,
Где кровь ты пролил и отдал жизнь за нас!
Кто знает правду, кем же ты был?
Истина канула в Лету навек!
Но когда свет звезды Вифлеем озарил,
Миру явился Иисус – человек!

Ты, проповедник, дорогу искал
К душам людским и сердцам!
Простыми словами ты их убеждал,
Но люди не верят словам!
Яви же им чудо, заставь трепетать!
Толпе нужен новый герой!
Истину им всё равно не познать,
Пусть слепо идут за тобой!

Ты!
Решил стать героем!
Решил стать легендой!
Решил стать богом для них!

Ты!
Играешь с судьбою!
Отныне ты пленник
Страстей и страхов земных!

Ты чувствуешь страх, чувствуешь боль,
Губы предателя жалят змеёй,
Ты выбрал себе незавидную роль
И скоро закончишь путь свой земной!

Легендой героя делает смерть,
А слава бывает горькой на вкус!
Безумной толпе есть на что посмотреть,
Распят на кресте человек, легенда – Иисус!

Ты!
Хотел стать героем!
Хотел стать легендой!
Хотел стать богом для них!

Ты!
Стал лишь изгоем!
Стал только жертвой
Жестоких нравов людских!

Умер герой, легенда жива,
Не нов для истории этот финал...
Но странные слухи разносит молва:
Подобно богам, ты из мёртвых восстал!
Святым или авантюристом ты был?
Истина сгнула в толще веков!
Но люди, в которых ты веру вселил,
Помнят тебя, человек, легенда и Бог!

АЛЕКСАНДР МАХОЛИН

ВНЕЗАПНАЯ ОПАСНОСТЬ

На мгновение – остановись,
Как пружина – соберись,
Мысль – стрелкою пронесись,
Всё в мозгах – соединишь,
Результатом – возгордись.

ЮБИЛЕЙ 50 ЛЕТ

Пятьдесят – водораздел.
Всё, что было, то задел.
Другой полтинник начинай,
И дерзай себе, дерзай.

ПЕТРОСЯН

Петросян – Кривое зеркало.
Сколько же у них пошлости!
Даже зеркала изогнулись
От увиденного.

НА 4 НОЯБРЯ

Соха и лошадь, конь, доспехи,
Кольчуга – меч не для потехи.
С молитвой шли на врага
От стен родного города.
Силу духа и плеча
Давала русская земля.
За битвы, ратные дела,
Чтоб Русь свободною была,
Им пели гимн колокола.

ПРОФЕССИЯ – РАБОЧИЙ

Моё сословие – рабочий класс,
Его величество звали нас.
И прав был Ленин, сказав слова:
«Теория без практики мертва».
Мы сила Родины, её запас,
Её опора в трудный час.
Нельзя нам мускул расслаблять,
Свободу можем потерять.
Всё ближе НАТО подступает,
Границ России достигает,
Свою враждебность не скрывает,
К войне плацдарм готовит.
Нам нужно помнить и понять,
Угрозы сразу пресекать,
Не дать им Гитлерами стать.

ДОЖДИК

Дождик льётся с высоты,
Не пришла сегодня ты,
В час назначенный самой.
Что случилось с тобой?
Чувств стесняешься своих,
Или вовсе нету их.
Дождик встречу отменил,
Значит, я тебе не мил.
Незачем встречаться,
Чтоб не притворяться.

ГРАЖДАНСКИЙ БРАК – ЭТО ГРАЖДАНСКИЙ ГРЕХ

Гражданский брак – это взаимное согласие к сожительству, чтобы иметь постоянного полового партнёра, а не находиться в поисках его. Гражданский брак для женщины – это когда женщина сдаёт себя в аренду без срока на использование и бесплатно. Гражданский брак для мужчины – это замаскированные годы жизни, когда жена моя – не моя, дети мои – не мои, завтра наше – не наше. Это жизнь лишённая достоинства для обоих.

АЛЕКСАНДР МЕРКУЛОВ

ВСЕ, ЧТО БЫЛО НЕ СО МНОЙ ПОМНЮ..

*Все, что было, все, что мило,
Все давным-давно уплыло,
Истомились лаской губы,
И натешилась душа.
Все, что тлепо, что горело,
Все давным-давно истлело,
Только ты, моя гитара,
Прежним звоном хороша.*

Не бывает бывших офицеров, офицер – это раз и навсегда выбранный другой образ жизни, который диктует ему устоявшийся военный менталитет. Он сам и его жена, чьи жизни прошли по военным гарнизонам, это знают точно. Даже тогда, когда он уже давно на пенсии, и о его прежней военной жизни уже большинство из окружающих их людей не знают.

Александр Михайловичу уже 70 лет, из них 30 лет они с женой отслужили в Советской Армии (СА), по гарнизонам бескрайнего Советского Союза. Сейчас он ходит по гражданке (в гражданской одежде). Изредка к нему заходит его приятель, тоже бывший полковник – замполит, и они, сидя на кухне за столом, попивая коньячок, вспоминают (каждый свои) годы службы в СА, подтрунивая друг над другом.

– Ну да, – говорит Александр, – что у тебя была за служба, когда мы, командиры подразделений, на службе читали газету, то это для нас было отдыхом. А когда ты, замполит, на службе читал газету... то это считалось – ты работаешь.

Приятель иронически молчал, улыбался, потягивая из рюмки. Неожиданно он спросил Александра:

– А знаешь, чем зампотех отличаются от замполита?

– Нет, не знаю, – понимая подвох, сказал Александр.

Ещё больше растянув рот в улыбке, бывший замполит наставительно сказал:

– Зампотех перед отправлением малой нужды обязательно моет руки, а замполит моет руки после отправления малой нужды! – ткнул он пальцем в верх... и заразительно расхохотался.

Раздался телефонный звонок, приятель поднёс телефон к уху.

– Буду-буду через 5 минут дома! Ты ещё в магазине? – спросил он. – А, уже пришла? Ну мы с Александром Михайловичем тут..., как уже два раза обещал... Обещал, значит, скоро буду.

Последнее время Александр Михайлович иногда по вечерам долго не может заснуть, и тогда он, лёжа, вспоминает свою молодость, этапы службы в армии и переездов из одного гарнизона в другой. Учебу, точнее, проказы некоторых курсантов, в военном училище, особенно при увольнении в город. А также поездки летом в отпуск из военного училища на малую Родину...

...В июле 1968 года курсант Тюменского военно-инженерного училища А. Нидзиев приехал в месячный отпуск на родину в посёлок Октябрьский. Как обычно бывало, на следующий день пришли в гости родственники с х. Антоново – Чипликовы: дядя Дмитрий, тётка Федора и др. Дед был сухощавый, небольшого роста, меньше, чем его жена Федора. И поэтому всегда шёл впереди, она, старчески переваливаясь, шла сзади. Накрывался стол в доме, но чаще в беседке и после нескольких рюмок водки дядя Дмитрий затягивал казачьи песни. Эти старинные песни и их протяжный особый мотив запомнились навсегда и, слушая современные казачьи ансамбли, понимаешь – они лишь слабая тень тех, настоящих... Дед Дмитрий на войне с немцами был ранен в плечо в первом же бою. К следующему утру лазарет с ранеными, расположенный в балке (медперсонал сбежал) был захвачен немцами. Всю войну провёл за колючей проволокой в немецком лагере в Италии, иногда он рассказывал о страшной жизни в немецком плену.

Поселок Октябрьский, где до поступления в военное училище проживал Александр, находится в климатическом поясе полупустыни, лето здесь длится пять месяцев. За всё лето здесь зачастую не выпадает ни одного дождя. Летняя погода здесь изнуряющая, жара свыше 30 градусов в тени деревьев. Так что Александру в облегающем суконном курсантском, подбитом ватой на груди, мундире и хромовых сапогах пройтись по поселку было не реально. И он на следующий день, переодевшись по гражданке налегке, с утра пошёл к своему другу и дальнему родственнику Владимиру Зинченко. Тот жил в середине поселка, на углу улицы у водонапорной башни.

Солнце стояло уже в зените и палила жара. В домах ставни окон были закрыты от лучей солнца, а двери домов были открыты нараспашку для освежающего сквозняка. Владимир вышел из пристройки-кухни, обрадовавшись его приходу, и после короткого разговора предложил по этому случаю выпить. Александр возразил:

– Да ты что, в такую-то духоту!

– Ну, ты не хочешь – не пей, а я бы выпил. – сказал Владимир. – надо бы попросить у матери самогонки. Пойдём к ней, – потащил он упи-

рающегося друга.

Его мать болела, высокая и дородная, она лежала в доме на кровати у открытой нараспашку двери. Владимир прошёл в дом, и Александр, стоя в коридоре, слышал, как он попросил её разрешения угостить Сашку Нидзиева, который приехал в отпуск из военного училища.

– Не бряши! – послышался голос матери.

– Сань, иди сюда! – позвал его Вовка.

Тот нехотя подошёл к открытой двери. Лежащая в полумраке комнаты мать молча посмотрела долгим оценивающим взглядом на его стоящую фигуру. Потом, приподняв голову, сняла с шеи засаленный от пота шнурок с ключом и подала сыну. Тот, обрадовавшись, быстрым шагом скрылся из виду в погребе, спустя несколько минут появился в кухне (отдельное строение в южных районах, где семьи летом готовили и принимали пищу) с бутылкой и банкой солёных помидор. Александр отказался от выпивки, и Владимир, несмотря на удушающую жару, с лёгким удовольствием опрокинул в рот две рюмки.

В это время из дома послышался слабый голос его матери:

– Вовкя... Вовкя!

– Чё, мам? – ответил он.

– Как помру, гляди – на маленькой не жанись!...

– А чё мам? – хитро подмигивая мне, давая понять, сейчас она выдаст, спросил он.

– А чё с ней... маленькой толку то... только пятки обси..ать, – ответила мать. В кухне, склонившись вперед, Владимир дробью рассыпался в смехе...

...В первую субботу курсантского отпуска Александр по старой традиции пошёл в поселковую баню. Он прошёл пол улицы, когда его догнал друг детства Виктор Документов и сообщил:

– Слышь, кино хорошее привезли, «Великолепная семерка» называется, сходим? – предложил он.

– Да мне в баню надо, – ответил Александр, – да и денег у меня только на баню.

Виктор предложил:

– У меня в бане работает кассиром знакомая моей матери, она нас так пропустит. А деньги на кино потратим, идёт?

И они скорым шагом направились к краю посёлка в сторону бани. Чем ближе они подходили, тем неуверенней становился вид дружка Виктора. Александр понял: Виктор не уверен, что знакомая их пропустит даром в баню. Поэтому, когда они увидели, что в фойе у кассы бани никого нет, не сговариваясь, пригнувшись, прошмыгнули под окошко кассы в дверь раздевалки. В раздевалке бани тоже никого не оказалось, это немного удивило Александра, но он решил, что люди после работы под-

тянутся попозже.

В раздевалке тянуло сыростью и прохладой, и они, быстро раздевшись, схватив тазы, пошли в помывочную. Александр шёл первым и, открыв дверь, он вдруг увидел в помывочной молодых женщин в комбинизонах, красящих трубы и рамы. Ничего не понимая, он вдруг остановился и замер с тазиком в дверном проёме, сзади его протолкнул вперёд спешащий следом Виктор и тоже удивлённо замер. Несколько мгновений женщины и друзья с изумлением смотрели друг на друга. Потом одна из женщин с издевкой сказала:

– А баня на ремонте и не работает.

– А почему нет объявления? – уже понимая нелепость своего вопроса, спросил Александр.

– А над кассой бумажка с объявлением, вы её что, не видели? – спросили женщины-ремонтники.

Быстро ретировавшись, друзья стали спешно натягивать свою одежду, вышедшие следом женщины, наблюдая их бестолковую суетню и застрявшую в штанине ногу, с иронией в голосе советовали не слишком торопиться...

...При воспоминаниях о подобных эпизодах своей жизни в темноте ночи на лице Александра угадывалась улыбка или, когда они были негативными, он, разволновавшись, вставал с постели и шёл к своей аптеке накапать в рюмку пустырника и корвалола. Затем, включив телевизор, долго смотрел новости, ложился спать, когда часы показывали уже около двух ночи...

...В 1984 году его откомандировали из Вооруженных Сил СССР в распоряжение партийных и Советских органов Таджикистана. Работая и живя в Душанбе, уже в 1989 году он договорился об обучении жены Нины на Республиканских курсах ГО.

В завершение обучения на курсах ГО по профессии преподавателя городских курсов ГО был экзамен, проходивший на базе республиканских курсов ГО. На курсах обучались 11 человек, в основном офицеры МО или МВД, вышедшие в запас на пенсию, среди них четыре женщины, одна из них – его жена. В перерывах занятий велись оживлённые дискуссии об ухудшении внутри республиканской политической ситуации.

Один из них, таджик, бывший полковник милиции, возмущался:

– Куда смотрят руководители, ведь скоро в Таджикистане может начаться резня!

В воздухе ощущалось тревога и напряжение, ходили слухи о подпольных мусульманских организациях «Ростахез», название другой, связанной с Афганским Талибаном, забылось, их члены не бреются и носят

длинные бороды. Они уже потребовали места в правительстве республики. Простые люди таджики вслух говорили: если русские из республики уедут, у нас снова будут баи.

В один из вечеров по городу пронесся слух о массовой резне армян в Душанбе, которых под усиленной охраной милиции с трудом удалось, отбивая от толпы, сопроводить на железнодорожный вокзал для эвакуации за пределы республики. Понимая серьёзность опасности, видя, что нападение на армян – это репетиция, и следующими могут быть русские семьи, Нидзиев решил вылететь самолетом в Москву в Штаб Сухопутных войск Министерства Обороны.

Жена Нина провожала его до аэропорта, троллейбус оказался почему-то пустым, Александр обратил внимание, что на улицах стало много милиции и практически не стало прохожих. На душе появилось чувство тревожности, и он предложил жене выйти из троллейбуса и возвращаться домой. Дома в квартире осталась одна дочь семи лет. Возвращаясь, жена доехала на троллейбусе до центра Душанбе. Дальше троллейбус не шёл, здесь уже стояла цепь милиционеров и дальше никого не пропускали. Попытка объяснить с милицией не помогла.

Здесь же стоял мальчик лет одиннадцати, ученик музыкальной школы. Он сказал, что знает район и предложил ей идти в обход центра города. И они, повернув вправо, пошли по улице частного сектора. Шли в вечерней темноте под начавшим моросить дождём, в сторону моста, ведущему к месту их проживания – району Заравшон. Вскоре, при подходе к улице, ведущей к мосту, они снова упёрлись в милицейскую цепь, на попытку договориться и пройти милиция угрожала стрелять.

– Стреляйте, дома остался один ребенок! – ответила она.

– Что у Вас в чемодане? – спросил милиционер.

Шедший с ней мальчик открыл футляр и показал скрипку. Посоветовавшись, один из милиционеров провёл их и сопроводил её и мальчика до следующей цепи милиции, пропустив к мосту. Нина обратила внимание, что вдоль улиц возле многих домов подростки-таджики аккуратно складывали кучи из булыжников и камней (потом эти камни полетят в проходящие автобусы).

Над городом незаметно сгустились вечерние сумерки, и на улицы стала быстро опускаться ночная мгла. Непрерывно моросил дождь со снегом, освещение пустынных улиц было отключено, и они вдвоём шли в полной темноте. Неожиданно где-то в городе прозвучали частые выстрелы, заставив их ускорить шаг. Вскоре они услышали женский голос, и мальчик, узнав его, прокричал:

– Бабушка, я здесь!

К ним с фонариком подбежала женщина и увела мальчика.

Спешащая домой с работы на заводе холодильников «Памир» их знакомая женщина увидела в полутёмном окне дома одинокую фигурку

маленькой девочки и узнала в ней Лену, одноклассницу своей дочери, и, поднявшись к ней, предложила, оставив записку, пойти с ней и подождать маму у них...

...Прилетев самолётом в Москву, Нидзиев затратил около трёх часов, чтобы найти нужный адрес штаба Сухопутных войск, поднявшись в приёмную, увидел старшего прапорщика, который поинтересовался о цели визита. В это время открылась дверь, и вышедший из неё полковник, взволнованно, быстро одевая шинель, сказал Нидзиеву:

– Не ходи к нему, он не в духе, меня выгнал... орёт...

Постояв, Нидзиев вышел из здания и пошёл по улице, затем решил вернуться, а что ему терять в его положении...

Открыв дверь в кабинет, прапорщик громко доложил:

– Полковник Нидзиев из Таджикистана! – пропустив его в кабинет.

Нидзиев увидел огромный кабинет и в нём большой стол для заседаний и слева отдельно стол, за которым сидел в расстёгнутой рубашке без галстука (галстук висел на спинке кресла) генерал-полковник, читающий газету. Перед генералом на столе лежали кучей много газет различных изданий.

– Ты из Таджикистана? – оторвав от газеты глаза, спросил генерал. – что там у вас происходит? Сегодня все газеты только о вас пестрят страшными новостями...

Представившись, Нидзиев коротко доложил о мусульманском подполье и бездействии Республиканского руководства и служб безопасности. Затем доложил о своём послужном списке, попросил перевести его для прохождения службы в Советской Армии на территории России. Нажав кнопку, на пульте генерал вызвал кадровика... Так, хотя и с понижением в должности, Нидзиев получил назначение нового места службы в Российском городе Череповец.

ПОХОДНАЯ ЖИЗНЬ

Октябрь 1921 года. В темноте раннего прохладного утра виднелась лёгкая дымка предрассветного тумана. К пригорку крутого спуска к хутору со стороны железнодорожного разъезда тихо подъехала группа всадников и остановилась. На востоке начинали брезжить первые лучи, слегка подсвечивая небо. Впереди метрах в пятидесяти угадывалась спускающаяся вниз длинная (до двух км.) чёрная сплошная стена садов, за ними в доносившемся раннем петушином крике угадывался хутор Жутово.

Вооруженная группа всадников собралась вокруг, о чём-то совеща-

ясь, это были казаки хутора, служившие в Белой армии.

– Надо возвращаться домой... будь, что будет... Красные обещали амнистию, – тихо, с сипом, говорил один из них. Мы тоже решили: в саду закопаем оружие и...

– Ну, я только увижу своих и попрощаюсь. – сказал Нидзиев и попросил молчавшего офицера Кудинова: – Не уезжайте, я скоро вернусь.

Все стали обниматься, слышалось:

– Спаси Христос, братцы...

Группа разделилась, и четверо всадников осторожно тронулись в сторону садов, среди них был один пеший. Передав поводья лошади оставшимся двум, он пешком направился в левую сторону сада. Спавший на сундуке девятилетний Миша, проснувшись ночью, вдруг увидел своего давно отсутствовавшего отца Михаила при оружии. Отец разговаривал с заплаканной матерью и держал на руках его младшую сестру – четырёхлетнюю кучерявую Полюшку.

Гражданская война заканчивалась поражением Белой Армии, и рядовые казаки возвращались тайно ночами домой, надеясь на милость победителей. Офицерам, казакам и подхорунжему Нидзиеву на снисхождение надеяться не приходилось, т.к. он служил в военно-полевом суде у белых. Потом, в течение нескольких лет, их всех будут арестовывать дома по одному. Когда в хуторе Жутово появлялся запряжённый лошадью тарантас с уполномоченным НКВД из района, в хуторе прекращали работу и с замиранием следили, к какому двору он подъедет, все знали: арестованные уже не возвращаются назад.

С тех пор утекло много времени, в 1961 году вернулся из Турции эмигрант, бывший офицер с хутора, Кудинов. Слышно было о возвращении в других местах и селениях бывших белых казаков, но о деде Михаиле не было вестей. Годом раньше одна хуторянка, вернувшись с курорта на Кавказе, по секрету сообщила, что якобы видела и опознала его в городе Батуми. Но тот, выслушав её монолог о его бедствующих жене и детях, помолчал и затем якобы отказался признаваться...

Его потомок – внук Александр в 1970 году закончил военное училище и уже 3 года служил на Дальнем Востоке.

Высшей формой обучения и приобретения опыта каждого кадрового офицера является войсковые учения. Только там он может опробовать свои знания на практике и приобрести ценный организационный военный опыт. Без полевых батальонных и полковых учений он не сможет приобрести опыт командира-организатора. У меня, да и других отслуживших офицеров, вызывает усмешку, когда военкоматовские или другие воинские чиновники по телевидению дают объяснения причин проблем в армии. Они их просто не знают, поскольку в их кабинетах воинских проблем никогда не бывает. По таким вопросам телевизионщикам (депутатам и т.д.) надо советоваться с армейскими офицерами, служа-

щими непосредственно в войсках, а не с теми, кто протирает штаны в городских кабинетах.

Начало 70-х годов отмечается резким ухудшением Советско-Китайских отношений, концентрация войск на границах с обеих сторон была значительной. Нидзиев служил в одной из воинских частей прикрытия гос.границы, неподалеку от города Благовещенск.

В этот период времени положение на границе характеризуется наибольшей угрозой военного столкновения сторон. В воинских частях это понимали и готовили подразделения, казалось, к неизбежному...

В каждом батальоне полка был определен свой район сбора после объявления сигнала «ВОЕННАЯ ОПАСНОСТЬ», куда каждая рота выдвигалась самостоятельно, спешно покидая воинскую часть по тревоге. На КТП (контрольно-технический пункт) автопарка посредник-офицер штаба округа отмечал время покидания техники подразделений полка территории воинской части. Учитывая близость гос.границы Китая, это время было установлено минимальным. Здесь рассредоточивали технику вблизи деревьев, натянув над машинами маскировочные сети, и проверяли всё ли необходимое погрузили.

Все офицеры батальона собирались в КШМ (командно-штабная радийная машина на Газ-66) командира батальона, где их знакомили с оперативной обстановкой и сведениями о «противнике», получали учебно-боевую задачу и частоты связи. Каждый боевой взвод имел подвижную стационарную радиостанцию на базе Газ-69. В КШМ ком.батальона, перед убытием для выполнения поставленной задачи все офицеры вместе обедали (за исключением одного дежурного офицера, контролирующего организацию старшинами приёма пищи солдатами из полевой кухни). До этого дня этим дежурным всегда был Нидзиев, поскольку не употреблял спиртного.

И сейчас, сложив в планшеты карты с нанесённой оперативной обстановкой и учебной задачей, все наклонились к тревожным чемоданам за своими продуктами, в предвкушении выпить и закусить. Наклонился и Нидзиев, что ломало традицию, кому-то надо быть и с солдатами.

– Нет, конечно, мы понимаем, что ты и раньше был... но ты же всё равно не будешь пить, – тихо проговорил ему рядом стоящий Григорик.

Нидзиев молчал и доставал банку консервов, галеты и бутылку водки поставил вместе со всеми на стол. Где ещё недавно была расстелена карта комбата, с которой все, в том числе и Нидзиев, переносили на свою карту значки и линии переднего рубежа обороны, исходные рубежи, места установки фугасов и т.п.

Растерянно постояв с минуту, лейтенант Григорик недовольно полез из машины. Вскрыли консервы, в это время солдат принёс пять котелков, полных кашей, и чайник, всё для офицеров. Открыли бутылки водки, с непривычки обожгло желудок, и спустя 5-7 минут в голове появи-

лось нарастающие лёгкое головокружение и тошнота. Голоса стали доноситься уже со стороны, резкость видимости ухудшилась, в глазах стало рябить.

У комбата майора Бурова к «крестьянским» усам прилипла крошка, натягивая глубже полевую фуражку, он сдвинул кокарду ближе к уху. Перебивая всех, он сказал:

– А сейчас подведём итоги первого этапа учений. Выход техники из парка. Так, начнем со взвода Нидзиева, – и добавил, – все видели?

Офицеры согласно закивали головой: да, плохо заводилась техника... последними покидали парк...

– Ничего вы не видели! – сказал Буров. – Я подхожу к боксам, а мимо меня одна, другая машина его взвода, друг за другом вылетают к воротам – молодец!

Наряду с ощущениями усиливающегося дискомфорта в организме от выпитого, по душе Нидзиева ощутимо разлилась приятная волна от первой похвалы командира. Было заметно, что она не всем понравилась. В этот момент он для себя решил: в тревожном чемодане бутылка водки должна быть всегда.

Большие войсковые учения. На марше впереди автомобильной колонны полка движется взвод разведки лейтенанта Сазонова, от которого выставляются регулировщики в белых касках и ремнях. Регулировщиков ставят в местах отвороток по маршруту движения и перекрытия движения гражданских машин при прохождении воинской колонны. Лейтенант Сазонов по ранее согласованному времени должен уже снимать часть регулировщиков, поскольку колонна должна была уже пройти ту часть маршрута, и выставить их дальше по ходу, у отворотки с шоссе. В это время он увидел в конце просеки мужчину и женщину, заготавливающих дрова на зиму. Подъехал к ним, те пилили двуручной пилой брёвна, и видно было, что устали.

– Можем помочь? – предложил Сазонов.

Мужик приподнялся:

– Да надо бы, не успеваем, скоро подойдёт машина грузить, а работы ещё...

– Сколько? – спросил Сазонов.

– Да два пузыря.

– Идёт! – согласился Сазонов.

Подошёл к машине с солдатами:

– Надо помочь людям...

– Товарищ лейтенант, – безнадёжно сказал старший сержант-помощник, – итак опаздываем... Колонна, наверно, уже на подходе, а нам снять и переставить регулировщиков на отворотке надо.

– Успеем... если поторопимся, давай, все быстро катите сюда в одно место распилованные чурки от бревен...

Приблизительно в 13.40 двигающаяся по шоссе колонна радиальных и боевых машин под брезентом замедлила ход и остановилась.

– Где-то здесь должна быть отворотка с дороги вправо в лес, – задумчиво сказал майор в первой машине лейтенанту с развёрнутой на коленях картой, заглядывая в его топографическую карту. – Мы точно прошли 42 километра? – спросил майор водителя.

– Так точно, по спидометру ровно 42 километра ответил тот.

– Где-то здесь должен быть регулировщик. – сказал майор. – Ну-ка выскочи, пробеги метров двести и посмотри.

Из кунга Газ-66 с тремя длинными штыревыми антеннами выскочил и, придерживая руками сумки противогаза и подсумка, побежал вперёд солдат.

– Никого нет! – сообщил он.

– Этот Сазонов... – сквозь зубы процедил майор.

Колонна, нерешительно повернув направо, потянулась по лесной дороге в сторону чащи леса. Здесь уже стояла служба тыла полка, минут через 30-40 её руководитель подполковник Караблин доложил командиру и генералу-представителю Москвы, что с прибытием батальонов, в принципе, можно кормить солдат.

– Всё готово, и пища сварена, – добавил он.

Подшли два батальона, в район сосредоточения втягивался уже третий батальон. Подразделения поротно двинулись с котелками к полевым кухням, и здесь все застопорилось. Повара в белых куртках залезли на облучки полевых кухонь, открыли крышки и приготовились выдавать пищу в бачки. Но в ротах этих бачков не было, Караблин метнулся к своим автомашинам, но и там в кузовах их не обнаружено. Истеричного крика Караблина было много – кто виноват служба тыла или батальоны, как кормить солдат?

В воинскую часть за 200 километров рванул «Урал» из службы тыла, а через час подразделения стали выдвигаться для выполнения учебно-боевых задач, специфика её была в том, что взвода действовали автономно в разных направлениях. Накормить их всех уже там удалось только к концу вторых суток, когда каша уже промёрзла в котлах и её рубили топором и разогревали на моторах автомашин.

Примерно через два года Сазонов в воинской части уже не служил, были слухи об его увольнении из армии уже из другой воинской части за слабость к спиртному.

У казармы, где располагались батальонные канцелярии и строевой отдел воинской части, стояла небольшая группа солдат с рюкзаками и свернутыми в скатку шинелями. Это было молодое пополнение из учебного подразделения Подмосковья. Проходящий мимо Нидзиев подошёл к ним и спросил, есть здесь кто из его местности – земляков. Вообще-то в воинской части за три года ему не приходилось встречать земляков,

но в этой группе один солдат поднял руку, выяснилось что он из под Роста.

– Земляк – казак? Как зовут? – обрадовался Нидзиев.

Тот смущённо кивнув головой, ответил:

– Рядовой Кошелев.

– Просись во второй батальон, я тебя к себе возьму, сержантом дам поедешь, – пообещал Нидзиев.

Спустя недели две-три он увидел его в повозке, запряженной лошадей. В повозке стояли бидоны с остатками пищи.

– Ты что же, в хоззведе? – спросил его Нидзиев. – Как ты туда попал? Там же надо кормить и чистить навоз у этих... свиней.

– Да я сам попросился, спросили, кто может обращаться с конём и животными, а я из станицы. Да мне и не хочется в батальон, там наряды, караулы постоянно. Здесь спокойнее, задал корм и спи.

– Там бы я помог тебе сержантом стать, – сказал Нидзиев, тот только махнул рукой.

В это время к ним подошёл Бугаев, коренастый с развитой сильной мускулатурой лейтенант, выпустившийся на два года позже Нидзиева. Подойдя к лошади, он похлопал её по крупу и спросил Нидзиева, ездил ли он верхом на лошади.

– Да ездил, только давно в детстве, когда пас скот в посёлке, – ответил тот.

– А вот я не ездил... – и предложил: – Давай прокатимся верхом.

Солдат забеспокоился.

– Не бойся, мы быстро! – сказал Бугаев, распрягая лошадь.

– Может, не надо? – сказал Нидзиев, видя обеспокоенность солдата-земляка.

– Да я только дам один круг и всё.

Подведя лошадь к повозке, он с трудом неловко влез с неё на спину лошади, та стояла и не двигалась. Нидзиев хлопнул её по крупу и лошадь побежала трусцой. Схватившийся за гриву Бугаев лёг ей на шею, обхватив её ногами и руками, и стал сползать на бок, потом упал на землю. Ему помогли подняться, но тот с гримасой сказал, что в ноге ощущает сильную боль.

Через два дня, в большом классе сидели все офицеры полка. После ознакомления всех с приказами по округу и планами текущих дел, командир полка Солодовников, шевельнув крыльями ноздрей, сказал:

– Не знаю, что делать с бездельниками. То с Сазоновым проблемы... Теперь с лейтенантом Бугаевым... хромает с палкой, ногу повредил. Покататься на лошади, видите ли, захотел. У него такая прехорошенькая жена, а он по дурости на кобылу полез. Теперь бездельничает, не может службой заниматься.

Забайкальский военный округ, сокращенно Заб.В.О. – офицеры шу-

тя переводили как Забудь Вернуться Обратно. Срок службы здесь для офицеров составлял 5 лет, потом замена. Забайкалье представляет собой одинаковые, как под копирку, сопки возвышенностей с тощей травяной растительностью. Погода здесь суровая, летом дуют сильнейшие ветра с пылью. Зимой трескучие морозы. Для офицерского состава в 30-х годах здесь были построены бревенчатые двухэтажные дома и в них двух-трёхкомнатные квартиры. В таком доме и получил Нидзиев квартиру. Осмотрев её, он увидел в каждой комнате большие круглые печи отопления. Печи отапливались углём или дровами. В каждую печь свободно входило 4-5 вёдер угля. Проблема была в малом – достать уголь, но ему сказали, что уголь продают по заявкам в августе-сентябре, и время уже ушло. Посоветовали брать уголь в отвалах гарнизонной котельной.

Найдя старое ведро и корыто, он зацепил проволокой её за ручку и вечером потащил к высокому отвалу угля. Здесь он неожиданно увидел часового солдата в тулупе и с автоматом, охраняющего котельную и уголь. Нидзиев объяснил ему, что приехал служить сюда, надо отапливать квартиру, дома жена и ребёнок, а угля у него нет.

– Хорошо, – сказал часовой, – я сейчас уйду в тот конец отвала, тогда набирайте уголь.

Накидав куски угля, Нидзиев потащил корыто и ведро домой. Всю зиму они жили в одной самой маленькой комнате, топили только одну печь. В неё входило немереное количество угля. По вторникам в жилом военном городке раздавался длинный протяжный автомобильный гудок, из деревянных подъездов домов выходили жёны офицеров и прапорщиков с вёдрами и шли к автоцистерне за водой, делая по нескольку ходок, наполняя ею свои бочки, для запаса воды на неделю (для стирки, уборки и приготовления пищи).

Станция Мирная, на плацу перед штабом полка идёт строевой смотр. Перед строем подразделений ходят старшие офицеры штаба в портупеях, с карандашами и записными книжками. Они осматривают внешний вид сперва офицеров батальонов, которые выкладывают содержимое тревожного чемодана по описи, осматривают и меряют линейкой длину их шинелей от земли..., потом у солдат внешний вид, а также выложенные солдатами батальонов из вещмешков фляги, котелки, плащ-палатки, фурнитуру, шинели в скатку и т.п.

Роту Нидзиева проверяет замначштаба по режиму майор Рассолько, который, не торопясь, переходит от шеренги к шеренге и просит солдата показать бирку на подсумке или брюках. Вообще у солдата на его личных вещах и закреплённом имуществе должны быть везде именные бирки: на брюках, кителе, шапке, пилотке, шинели, сапогах и т.д. и т.д. Солдат много, и майору уже это стало надоедать.

– А на кителе номер военного билета есть? – спросил он солдата.

– Конечно! – бойко ответил старослужащий солдат и добавил: – сол-

дат без бирки, что женский орган без дырки.

Усмехнувшись, майор перешёл и стал осматривать укладку вещмешка следующего. Всем строевым смотром руководит начштаба подполковник Пшеничный, строго поддерживающий дисциплину на смотре, переходящий от подразделения к подразделению.

В это время слева по тротуару от КПП пошли служащие Советской Армии, работающие по найму в медсанчасти, связистками и машинистками. Среди них внимание привлекала одна высокая фигуристая молодая женщина, непонятно почему, но в её фигуре было что то особое и взоры (и мысли) всех офицеров невольно сопровождали её до узла связи.

– Кто это? – шёпотом спросил Нидзиев.

Сзади ему в шею зашептал Харитонов:

– Это жена капитана Кузьмина с артполка, сейчас её «опекает» капитан Шерстобитов с пехотного полка.

Нидзиев спросил:

– А что муж её не переведёт к себе в полк?

– Они развелись, и он перевёлся... да ты сам посмотри на неё... разве наши оставят такую бабу в покое?

Стоящий лицом к строю начштаба полка вдруг недоуменно посмотрел на всех и, обернувшись, посмотрел влево и, повернувшись назад, понимающе ощерил зубы в улыбке.

Заступивший дежурным по полку Нидзиев поздно вечером пришёл в караул с целью проверки службы. В комнате начкараула в х/б обмундировании сидел лейтенант Коровин, он один в воинской части носил такие длинные, уходящие в низ скул усы. Коровину шёл уже 27 год, а он всё ещё был лейтенантом. Ему патологически не везло, как только подготовят представление на присвоение ему очередного звания, у него случалось ЧП.

Перед Коровиным на столе стояла кружка с чаем, миска с кашей, и он приготовился к ужину, в это время открылась дверь и в комнату зашли четыре караульных солдата в валенках, ватниках, поверх которых были шинели. Нидзиев им удивился, в это время солдаты, выстроившись перед столом в шеренгу, пожелали лейтенанту спокойного отдыха и приятного аппетита и, повернувшись вышли из комнаты. Наблюдавший эту картину Нидзиев расхохотался.

– А как же, иначе я их всю ночь гонять буду! – сказал Коровин и мечтательно добавил: – Комбат подготовил представление мне на звание, завтра отправят в округ, и максимум через пару месяцев я – старлей. Скоро, скоро старлея получу! – говорил он.

На следующие сутки, сдав дежурство, Нидзиев собрался идти домой, в это время позвонили, и новый дежурный офицер, выслушав по телефону донесение, сказал, что у Коровина при сдаче оружия в казар-

ме застрелился солдат.

В течение всей продолжительности жизни практически с каждым человеком случаются заболевания, приходится лечиться и в больницах. Так, уже на пенсии и работая на заводе, проходя ежегодное медосвидетельствование, у Нидзиева выявили опухоль в ноге. Необходима была операция.

На медпроцедурах медсестра, чернявенькая метиска с явно выраженными негроидными чертами (отец негр) девушка, рассказала, что она родом из Африки. Её родители русские, несколько лет жили и работали врачами в Африке. У Нидзиева вертелся на языке ядовитый вопрос: «И там твою маму, видимо, укусила муха цеце?», но, к счастью, он сдержался. Выяснилось, что её родители – пенсионеры, всё ещё работают в этой же больнице. Как-то тема беседы коснулась домовых, и она сказала, что в детстве видела его.

– Такой маленький пушистый комочек-старичок, он играл со мной, когда я была маленькой, – сказала она.

Странные или, точнее сказать, загадочные и необъяснимые мистические случаи происходят со многими людьми. Большинство из них, если практически не все, о них молчат, опасаясь, что их сочтут за тихих шизофреников (т.е., послушав, покрутят пальцем у виска). Мне хотелось бы рассказать о таких случаях, имевших место в жизни моего приятеля по работе, о которых он мне рассказал по случаю. Человек он был уже пожилой и внушал доверие обстоятельностью, и я бы сказал правильным образом жизни. Разговор, как раз зашёл о мистике, и он как-то неопределенно сказал:

– Да уж, не дай бог снова с этим встретиться.

Я попросил его:

– Расскажи мне, если есть что об этом.

Он отмахнулся. В начале рассказывать не хотел, но уступил моим настойчивым просьбам. Передаю вам его слова от первого лица.

Их было несколько, – начал он, – и все они произошли ночью, когда я был в постели.

Первое ещё в детстве. Я, проживая в посёлке Октябрьский, спал в отдельной комнате, ночью проснулся и увидел в темноте комнаты узкий луч света, падающего от луны в щель между закрытыми ставнями. Луч лунного света был сильным, шириной где то 25-35 см., и падал под углом слева сверху вниз мимо кровати, на которой я спал. В этом луче, на высоте примерно полутора метров, я увидел полупрозрачное лицо, смотрящее на меня и медленно отодвигающееся в темноту комнаты. Я запомнил правильные черты лица и прямой нос, но сказать женским или мужским оно было, не могу. Меня это тогда сильно напугало, я пытался кричать родителям, спавшим за перегородкой, но не смог, так как не было голоса из-за испуга. Затем я убежал к родителям в кровать.

Второй случай произошел уже спустя десятилетия, мне уже было под пятьдесят лет. Светлой ночью в комнате, где мы с женой спали, вошли три человека – мужчины. Ростом они были разного от 155 до 170. Как были одеты, из-за полумрака ночи и их лиц мне было не видно. Они молча остановились у противоположной стены и посмотрели на нас. Я, ощущая некоторое оцепенение, подумал: «Наверное, они понимают, что я не сплю». И неожиданно для меня в моей голове (где-то внутри головы) раздался громкий электронный голос, (не человеческий): «ДА». Это «ДА» было очень громким в тишине комнаты, но мне было понятно, что его услышал только я. Затем они повернулись и пошли в сторону окна. Больше я ничего не помню.

Третий случай произошёл на даче в деревне в 2014 году, я ночью очнулся от произнесённых женским голосом слов: «Новые хозяева». (Мы там построили новый дом на месте старого подворья на месте сгоревшего дома. Впервые заселились и прожили около месяца в новом доме). Затем я почувствовал, как по лестнице дома, кто-то поднимается, и в комнату, где мы с женой спали, вошли две женщины. Одна из них прошла влево, к кровати жены, а другая подошла к моей кровати и, стоя у моих ног, слегка склонившись, посмотрела на меня. И я увидел ещё молодую женщину лет сорока. Больше я ничего не помню. Сосед мне рассказал, что лет семь тому назад, этот участок купили две женщины – старуха мать и дочь, лет сорока. Дочь болела раком груди последней стадии. Жили они в домике-временке два летних сезона, потом продали участок. «Наверно, уже умерли, – сказал сосед и добавил, – дочь сильно болела, а мать совсем старая была...».

Четвёртый случай произошёл в городской квартире. Жена уехала в Москву посидеть у дочери с заболевшими маленькими внуками. Я в одну из ночей спал тревожно. Затем перешёл спать в другую комнату на диван. Заснул и вдруг почувствовал, что на меня со стороны головы накинута, что-то мягкое. Одновременно на меня, кто-то сверху навалился и сжал, сильно придавив к дивану. Я пытался оказать сопротивление, но не смог справиться. Затем это что-то меня отпустило, я вскочил и далее лечь спать не решался. Сидел на диване и смотрел телевизор. Под утро я все-таки забылся сном, – добавил он. Он замолчал, молчал и я, да и что можно сказать в подобном случае, трудно судить о том, чего не понимаешь...

Сейчас идёт уже апрель 2017 года, через два месяца Нидзиеву исполнится 70 лет. Описывая свои молодые годы военной жизни, он как бы снова проживает те моменты, о которых рассказывает. В то же время он ощущает и осознает их как бы свидетель тех событий со стороны, а не непосредственный участник. Рассматривая свои фотографии тех лет, он видит молодого высокого брюнета с чёрными, как смоль, волосами в во-

енной форме. Понимает, что это он в далёкие годы 60-70-е, рядом на фото сын и дочь – подростки. Сейчас же в зеркале он видит пожилого седого, практически белого мужчину. Понимает, что это совершенно разные люди, тот молодой энергичный и этот седой... В июне он собирается в Тюмень на очередную встречу однокурсников и на 60-летие военно-инженерного училища. Значительная часть из них уже ушли из жизни.

Плывут по небу облака, поминутно меняя пасмурную и серую картинку из туч. Постепенно и незаметно вместе с проплывающими дождевыми облаками и водичкой из ручейка вытекли в никуда и его многочисленные, прожитые в проблемах и суете, годы, а с ними и большая часть жизненных сил. Творец-Создатель определил жёсткую суть последовательности чередования явлений природы и законов: с течением времени на смену старому всегда приходит молодое и новое. Эти неумолимые законы природы подтверждаются из года в год тысячелетиями. Не судите да и не судимы будете. Дай бог вам всем, читающим эти строки, здоровья, а остальное вы наживёте...

НИНА РЯБОВА

ПРОБИВНОЙ МУЖИК

*(глава из книги Н.А. Рябовой «ОН БЫЛ ПЕРВЫМ»
о Караваеве Викторе Валентиновиче (1961-1995 гг.),
учителе начальной военной подготовки
Ботовской средней школы, поисковике)*

Ребятня излюбовала для своих игр их улицу. И правда, здесь было и тихо, и безлюдно, кусты разрослись, легко можно спрятаться. Но самое главное, здесь можно кричать и не бояться, что кто-то выскочит из дома и прогонит ватагу. Они слышали, как хозяйка одного из домов, Валентина Павловна Караваева, заступалась за них:

– Пусть играют! Они дети, им это интересно. Пусть бегают, кричат.

К Валентине Павловне прислушались:

– Уж если Валентине Павловне не мешают, о чём и говорить? Конечно, пусть играют.

Дети играли в войну. Стреляли. (Просто подбегали к «врагу», хлопали в ладошки и кричали: «Убит!») Брала в плен. И тоже приблизительно так: хлопали в ладошки, заставляли убрать за спину руки. Командир имел знаки отличия: маленькая красная звёздочка на погонах.

– Ну, совсем, как мой Витенька в детстве, и маленький, и озорной, и серьёзный...

Она вытерла слёзы, задумалась.

– Витя, Витенька... Сын... Подходили ко мне сегодня твои друзья, хвалили. «Пробивной был мужик, – так и говорили, – пробивной».

А я вот и не знаю, радоваться ли, что был пробивным, или стыдиться. Пробивной, наверное, всё-таки смелый, своего добивается, кому-то доказывает что-то, по-хорошему, убеждает. Правда, не всегда в посёлке одобряли настырных. Но Витя не такой, всё по делу. И очень скромно...

В ту ночь ей долго не спалось: растревожили играющие мальчишки материнское сердце, всё вспомнилось, каким был её Витенька – ребёнок.

А утром... проснулась, но глаза закрыты, проснулась от звуков собственного голоса:

– Витя, маленький ты мой, милый!

Так с закрытыми глазами и лежала, вспоминала сон, хотелось, чтоб он продолжался, но... чудес не бывает.

Сегодня он приснился ей школьником. Весёлый, грязный, с исцарапанными ручонками, в изорванных штанишках на коленках.

– Витя, где же ты был?

– Мамочка, скоро зацветет наш сад! Сирень зацветёт, черемуха, яблони... Ты пойдешь по нашей тропинке, тебе понравится. Мы убрали весь валежник, посадили кусты, деревья. А ещё можно посадить хвойные... Представь, срубили елку на Новый год, а рядом мы посадили другую, она тоже вырастет. И лес будет по-прежнему красивый.

Сын ещё что-то говорил, фантазировал. Но она не могла вспомнить, сон есть сон. Только улыбка его... голос...

Валентина Павловна невольно открыла шкаф, достала дорогие сердцу бумаги.

А вот и первая Почётная грамота. Ученик 7-го класса Яргомжской восьмилетней школы награждался за активное участие в работе школьного лесничества. Грамота подписана Директором Череповецкого лесхоза В.И. Черноусовым, Председателем Р.К. Мараковой Г.И. (Валентина Павловна не совсем поняла буквы Р.К., может, рабочий коллектив (?) Но мысленно вспомнила, как наделяли участки для рубки леса на дрова пенсионерам, вдовам Великой Отечественной войны. И у Виктора не было ни в чём затруднений. Наверное, вспомнили его работу в лесничестве в школьном возрасте...

И ПРОБИВНОМУ МУЖИКУ дали зелёную улицу... Наверное...

И он с ребятами обеспечивал дровами престарелых, больных, участников Великой Отечественной войны. Рубили сухостой, кололи, даже в поленницы складывали. Было, было...

Почётные грамоты лежали отдельной стопочкой. Она потом частенько доставала их, читала. Ей нравилось яркое оформление, среди подписавших грамоты было много знакомых людей. Уважаемых людей. И почему утверждают некоторые, что это просто бумажки. Нет! Она так не считает. И её Витя тоже так не считал. Никогда! Он гордился ими!

А вот ещё Грамота Вите, ученику 8-го класса, за участие в соревнованиях на приз газеты «Пионерская правда».

И это вспомнила Валентина Павловна.

Прибежал такой довольный:

– Мама! Меня наградили!

Нет, это не бумажки. Это награды за старания, за желание расти хорошим человеком. В школе он всегда был примерным. Подписал эту Грамоту директор школы.

А это Почётная грамота от совета коллектива физкультуры совхоза «Коммунист». Это перед Армией. Чем только не занимался Витя! Лыжи, бег, метание мячей, гранат, подтягивание, отжимание...

Армия... Писал часто:

– У меня всё хорошо!

1982 год. Грамота подписана командиром войсковой части майором Саланиным. Мой Витя отличился в лыжных соревнованиях.

1982 год. Опять отмечают Витю. Отличился в соревнованиях по гиревому спорту.

1982 год. Грамота, подписанная опять майором Саланиным. «За активное участие в общественной и комсомольской жизни части».

Год, к сожалению, не разберу, – сокрушалась Валентина Павловна. – Ну, ничего. Подпись знакомая: командир войсковой части майор Саланин.

«За высокие показатели в боевой и политической подготовке и примерную воинскую дисциплину за период обучения в ВШМАС».

А вот уже другая подпись... ВРИО начальника училища полковник Филонов.

«За успехи в боевой и политической подготовке, усердие и разумную инициативу, проявленные в период учёбы по программе подготовки офицеров запаса».

Да, у него и, правда, всё получалось, он любил дисциплину, готовился служить. Мог бы быть отличным военным.

Улыбка долго не сходила с ее лица. Она видела сына стройным, подтянутым, в красивой военной форме. (Она так шла ему, все замечали).

После Армии. Гражданская жизнь. Её неугомонный сын снова на виду. Активный, собранный.

Почётная грамота АКТИВИСТУ ФИЗКУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ «За 2-е место в первенстве города по боксу в весовой категории до 70 кг на кубок Горспорткомитета г. Петрозаводска между командами «Труд» г. Петрозаводск и «Трудовые резервы» г. Череповец.

...За 2-е место в толкании ядра. Грамота Спорткомитета ЧПФ.

...За 1-е место на дистанции 800 метров... Снова знакомая подпись: Лобанов. Спорткомитет ЧПФ.

«За достигнутые успехи в деле развития физической культуры и спорта в Череповецком районе». Награждает Череповецкий районный совет ДСО «Урожай».

«За успехи в развитии спортивной работы в совхозе «Коммунист». Грамота Череповецкого РК ВЛКСМ. Подписана секретарем РК ВЛКСМ Шведовым.

«За 1-е место по гиревому спорту в весовой категории до 80 кг в честь 40-летия Победы...»

«За победу в товарищеской встрече по волейболу среди команд совхозов «Колос» и «Коммунист».

«За 1-е место в открытом первенстве ТВЕ КФК по гиревому спорту в весовой категории до 80 кг с результатом 290 очков»...

– Да, – подумала Валентина Павловна, – старался, очень старался сынок быть в форме.

А вот и Диплом «За 3-е место в первенстве области по гиревому

спорту в категории весовой 80 кг среди мужчин».

Грамота Вологодского областного Совета ДСО «Урожай» за 2-е место в личном первенстве ОБЛСОВЕТА по гиревому спорту в весе 80 кг с результатом 169 очков».

– Кроме спорта, было и другое в жизни Вити, весёлый был, пел, играл на гармошке...

А вот и Почётная грамота «За высокое исполнительское мастерство и активное участие в развитии художественной самодеятельности». Выдана Череповецким районным оргкомитетом по проведению смотра самодеятельного художественного народного творчества. Март...

Прошло полгода... В августе снова Череповецкий районный оргкомитет по проведению фестиваля народного творчества награждает сына «За высокое исполнительское мастерство»...

Череповецкий РК ВЛКСМ награждает «За большую работу по коммунистическому воспитанию молодёжи» Почётной грамотой...

Дирекция, партком, рабочком награждают «За активное участие в художественной самодеятельности совхоза» Коммунист».

Администрация совхоза «Коммунист» и Совет Дома культуры награждают сына как участника духового оркестра и эстрадного ансамбля «За творческие успехи и активное участие в развитии художественной самодеятельности».

Через год Рабочий комитет совхоза «Коммунист» и Дом культуры снова отмечают творческие успехи и активное участие в развитии художественной самодеятельности.

А ведь кроме спорта, художественной самодеятельности был труд в совхозе... И это отметили.

Витя получил Грамоту «За добросовестный труд в составе ударного отряда по заготовке сена в совхозе Абакановский».

Витенька, где бы ты не был, всё время на виду. Валентина Павлова читала читала Грамоты одну за другой. Вспоминала.

Вот и школа. Здесь ты тоже был хорошим преподавателем...

Грамота, подписанная подполковником Родиком (Череповецкий райвоенкомат), «За активное участие в проведении полевых занятий с учащимися 10-х классов района в 1986 году».

Август 1986 года. На виду всех учителей Череповецкого района на августовском совещании торжественно признали лучшим тебя, милый мой сынок... Лучшим!

Бюро Череповецкого РАЙКОМА КПСС и ИСПОЛКОМ РАЙОННОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ наградил тебя Почётной Грамотой «За активное участие в военно-патриотическом воспитании молодёжи, качественное проведение начальной военной и физической подготовки за 1985-1986 учебный год».

Через год снова тебя награждают как военного руководителя Ботов-

ской средней школы «За успешную работу по обучению и коммунистическому воспитанию учащихся». Почётную Грамоту подписал секретарь Череповецкого Райкома КПСС Н.Н. Михеев.

В том же 1987 году Вологодский ОБКОМ ВЛКСМ тебе как преподавателю по начальной военной подготовке Ботовской средней школы Череповецкого района вручает Почётную грамоту «За активную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи».

23 февраля 1987 года. За подписью подполковника Г. Лукина (Череповецкий военкомат) военному руководителю Ботовской средней школы вручена Почётная грамота «За активное участие в деле подготовки молодёжи к призыву на действительную военную службу».

22 февраля 1988 года младший лейтенант запаса Караваев Виктор Валентинович – военный руководитель Ботовской средней школы награждён Почётной грамотой «За достигнутые успехи в военно-патриотическом воспитании молодежи в честь 70-летия Вооруженных Сил СССР».

1989 год. Грамотой награжден мой сын, – читает Валентина Павловна, – «За 1-е место в соревнованиях по лыжным гонкам среди работников народного образования». Подписи новые: Лукинов, Ганина. Сколько же людей знало тебя, дорогой сын!

1989 год. Новая фамилия – Хмелев А., секретарь райкома ВЛКСМ. Череповецкий районный комитет ВЛКСМ награждает Грамотой «За активную работу среди комсомольцев и молодёжи района».

1989 год. Почётной грамотой награждается мой Витя как военрук Ботовской средней школы «За активную работу и достигнутые успехи в выполнении планов по гражданской обороне». Подписи начальника ГО района Е.П. Ломова, начальника штаба ГО района Ю.А. Грязных.

Год не разберу, – сокрушается взволнованная Валентина Павловна, – Почётная грамота «За активную работу с допризывниками по принятию норм ГТО у средних школ Череповецкого района».

Столько людей, хороших людей, ценило сына! – с гордостью произносит она вслух, вытирает набежавшую слезу. На какое-то мгновение откладывает Грамоты, вспоминает, вспоминает...

...Вдруг все в поселке заговорили о Великой Отечественной войне, вспомнили не вернувшихся с войны, вспомнили вдов. Потом появился отряд «Неизвестный солдат». У Валерия Палаткина на машине появились эти слова.

– Эмблема, гордились. А они, и сын мой Витя, и Валера, стали такими неразлучными, деловыми, всё время спешили, уезжали – приезжали, ну, и ребята с ними. Не только малышня – весь поселок. Только и разговоров: экспедиция, вахта, «Долина», Смоленск, Дубосеково, Невский пятчак, Ельня.

А вот и оценка этого труда:

*Почётная грамота
Советский комитет защиты мира награждает
Поисковый отряд «Неизвестный солдат»
За активную деятельность в движении за мир*

...Милый мой сынок! Я помню, как ты гордился этой наградой, как гордились наши ботовские ребята, твои друзья!

А об этой награде говорили и в школе, и в клубе, и на завалинке! Шутка ли, Командующий Всесоюзной игрой «Орлёнок» Дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Г. Береговой расписался под словами: «Главный штаб Всесоюзной комсомольской военно-спортивной игры «Орлёнок» наградил Поисковый отряд «Неизвестный солдат» юнармейского батальона Ботовской средней школы Вологодской области за активное участие в увековечении памяти погибших защитников Родины».

Ещё награда – Диплом. Центральный штаб Всесоюзного похода комсомольцев и молодёжи по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа награждает Отряд «Неизвестный солдат» Вологодской области за активную и плодотворную работу по увековечению памяти защитников Родины. Бюро Центрального штаба Всесоюзного похода. С. Руденко. 7 мая 1989 года».

Очередная награда, – Валентина Павловна прижала к сердцу красиво оформленную Грамоту, развернула. Прочитала вкладыш.

25 декабря 1990 года

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ РЕДКОЛЛЕГИИ КНИГИ ПАМЯТИ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ И ТРУДА,
ОБЛАСТНОМУ (КРАЕВОМУ) ВОЕННОМУ КОМИТЕТУ
Г. Вологда**

По Вашему представлению решением редколлегии Всесоюзной КНИГИ ПАМЯТИ награждён Почётной грамотой и денежной премией в сумме 100 руб. активист поисковой работы

КАРАВАЕВ ВИКТОР ВАЛЕНТИНОВИЧ

Деньги для выплаты премий переведены бухгалтерией издательства «Советская энциклопедия» на расчётный счет областного Совета профсоюзов в местном жилсоцбанке.

Прошу Вас организовать вручение Почётной грамоты и денежной премии упомянутому активисту поисковой работы.

Председатель редколлегии Всесоюзной Книги Памяти генерал армии И. Шкадов.

За нашу Советскую Родину!

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

КАРАБАЕВУ ВИКТОРУ ВАЛЕНТИНОВИЧУ

За активное участие в поисковой работе в интересах подготовки Всесоюзной Книги Памяти, посвященной советским воинам, погибшим при защите социалистической Родины в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г.

Председатель редакционной
Коллегии Всесоюзной Книги Памяти
Генерал армии И. Шкадов

– А это? Что же это? – Валентина Павловна бережно взяла картонный лист с изображением пятиконечного знака. – Конечно, это так выполнено красиво, необычно. Это удостоверение. Листочек главного документа Вити – КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

**КАРАБАЕВ
ВИКТОР ВАЛЕНТИНОВИЧ**

НАГРАЖДЕН ЗНАКОМ ЦК ВЛКСМ
«ТРУДОВАЯ ДОБЛЕСТЬ »

Секретарь ЦК ВЛКСМ (подпись)
8 мая 1990 г.

– Витенька, милый мой сынок... Ты жил красиво. Старался. Везде успевал. Милый мой... Дорогой...

СНЕЖАНА САДОВА

АКСАКАЛЬША

В этом мире живёт человек
Всех роднее, теплее на свете.
Проживёт ещё целый век,
Если это ценить, в это верить!
Мой кумир и моя опора,
Хоть с характером непростым,
Ты остынешь и мирно, без спора,
Нас окутаешь взглядом родным...
Таким нежным и крайне тёплым,
С ноткой строгости боевой,
И останешься самым добрым
Человеком, который Мой:
Мой учитель и мой сторонник,
Моя книга советов на жизнь,
Я ведь искренне твой поклонник –
Так что волей, не волей держись!
С детства раннего рядом со мною,
Окружала заботой своей,
Над задачей могла непростою
Просидеть целый день, чтоб скорей
Дать ответ, объяснить очень внятно
И услышать звонок через час:
«Наконец-то, бабуль, всё понятно!
Не меня похвалили, а нас».
Я деревню всегда вспоминаю,
Когда хочется просто тепла:
Как с утра я тебя потеряю,
Уже с лейкой найду у пруда,
Твои блинчики с творогом нежным,
И волшебный малиновый лес,
Босиком по просторам прибрежным
Пробежав, я взлечу до небес!..
Запах фермы ещё где-то в сердце...
В сердце пруд и ручей ледяной.
Благодарна тебе, что все дверцы
Ты открыла и рядом с мной

Засыпала, когда было страшно,
Обнимала, чтоб просто согреть,
А для маленькой девочки важно,
Чтоб мечты не сумели сгореть.
Все мечты, чтобы ты улыбалась,
Чтоб в глазах твоих радость жила,
Чтоб здоровьем душа наполнялась,
Ведь у нас ты такая одна!
Я молюсь, чтобы все твои годы,
За которые ты так устала
Отпустили тоску и невзгоды,
Чтобы с новою силой летала!
Твоих рук мне сейчас не хватает,
И тепла твоего, и заботы.
Ведь никто нас так не понимает, –
Этот труд хуже всякой работы.
Я за всё благодарна тебе!
Если что-то не так, ты прости.
Лучшей бабушки нет на Земле!
Ради внуков себя береги!!!

НА РАССВЕТЕ

На рассвете меня не разбудишь
И лица моего не коснёшься,
Если вдруг меня не забудешь,
На закате приду – улыбнёшься...
Я не буду смотреть на солнце!
И игратья его лучами,
Лишь за утро буду бороться,
Чтобы нежно, и чтобы ночами...
Чтобы также безумно скучали
И скрывались от солнца света,
Закопавшись в снегу печали,
Там, где счастье из нашего лета...
Ты же видишь меня принцессой!?
Пусть капризной, но страстной девой...
Жду, когда же спасешь от obsessions,
Лишь назвав своей Королевой.

ДРУЗЕЙ НАХОДИМ И ТЕРЯЕМ

Друзей находим и теряем,
Но часто ошибаемся.
Мы их совсем почти не знаем
И просто улыбаемся.

Мы ждём поддержки и внимания,
Но видим лишь предательство.
Без ссор и пререкания,
Хотим мы жить без обязательства!

Как вытерпеть насмешки?
Как стать их всех мудрей?
Продумать всё без спешки?
Или лишь стать сильней?

Я буду жить как прежде,
Надеясь всё понять,
А их простую глупость
Как должное принять.

Пусть думают, завидуют.
Найду других друзей!
Пройду с улыбкой милою
И буду их мудрей!

Да, я не идеальна,
И все мы не просты,
Но делать всё специально
Не буду я, как вы!

И знайте, я простила,
Но лишь осадок есть.
Ничто я не забыла,
В себе оставив месть!

СУДЬБА

Ты пришла в мою жизнь
Так нелепо и так неслучайно.
Ты пришла в мою жизнь
Лишь на несколько сказочных дней,
Но теперь ты со мной,
И я вечностью их называю –
Эти дни, когда искренне стали родней.
Ты пришла в мою жизнь
И окрасила чувствами сердце.
Ты пришла в мою жизнь
И прижала так нежно к груди,
Что вся сладость мгновений,
Покрытая горечью перца,
Растопила её изнутри.
Словно я об этом мечтала,
Всё пытаюсь хоть в ком-то найти
Эту жизненно важную сладость,
Чтобы снова себя обрести
И летать, как я прежде летала,
Разжигая огни на пути.
На пути, где случаются встречи,
На пути, где тебя уже ждут,
Зажигая надежды, как свечи,
А когда потерялся – найдут!
И вернут в дом родной и уютный,
Окружат теплотой неземной:
Всё покажется вспышкой минутной,
Так захочется крикнуть: «Постой!»
Подбежать и запрыгнуть на шею,
И коалой прожить целый век,
Просто зная, что мысль и идею
Разделяет родной человек.
Я тебя никогда не забуду –
Ты пришла в мою жизнь неспроста...
Обещаю! Я сильною буду!
Сдаться?! Нет! Ни за что! Никогда!
Твои руки, объятия, нежность,
Даже просто улыбки, слова:
Их достаточно, чтобы на вечность
Осознать: если горе, беда,

Я прижмусь, утону в твоей силе,
Ты укутаешь голосом нежным,
Осветишь темноту в целом мире,
И засну я так сладко, как прежде...
Когда мамину руку держала,
Когда верила в силу мечты,
Когда долго от боли бежала,
А потом?... Просто встретила ты!

Ты пришла в мою жизнь
Ярким светом из тёмной ночи.
Ты пришла в мою жизнь,
Наполняя её красотой.
Если будет несладко –
Силой мысли меня позови!
К сожалению, зайка,
Наш путь с тобой непростой...
Я приду в твою жизнь,
Как и ты однажды пришла.
Я приду в твою жизнь,
Подарю всю заботу, любовь.
Ведь судьба неспроста
Нас однажды нелепо свела!
Чтоб, как можно скорей,
Две роднулечки встретились вновь!

ДОРОГА

Сливаются во мне сейчас два чувства:
Любовь и скука по родным и близким...
Но в этом есть и пара плюсов,
Летаю высоко теперь, не низко!

Жара и холод мучают меня:
Скучает сердце по любимым.
Ведь дома ждёт счастливая семья,
Чтоб, как и прежде, стать одним единым.

Когда вернусь, заплачу, упаду...
И пролистает память все страницы,
Как здорово попасть в страну,
Там, где живут одни Жар-Птицы!

Я буду думать о дороге дальней,
О времени, летящем вдаль,
О встрече, может поздней, может ранней,
О том, о чём грущу, и мне так жаль.

Вернуть моменты мы не сможем,
Но та ведущая дорога в дом
Напомнит о путях настолько сложных,
Что буду помнить вечно обо всём!

ЛЮБИМОМУ ПАПЕ

Ты же помнишь меня малышкой,
Пролетающей яркой вспышкой
Через время, так охотно взрослея,
Вечерами меня усыпляя, лелея,
Ты мог просто обнять и поверить:
Наше время – ничто; это можно проверить
Через год, через месяц, неделю,
Я всё так же скучаю и верю,
Что ты рядом сидишь у кровати
Взрослой девочки, дочки-загадки...
Разыскать всё пытаюсь ответы,
Начинаешь ценить те моменты,
Что мы рядом, мы вместе, мы сила,
Нам хватает немного порыва,
Чтоб пойти на войну против мира,
На родного равняться кумира.
На твоих руках засыпала
И во снах тебя часто искала:
Если ты далеко или рядом,
Громким вздохом и родственным взглядом
Покажу, что люблю и скучаю.
Очень часто сижу, вспоминаю
Наш уютный мир сказок и счастья,
Где прощают любые ненастья,
Где царит только ласка из света,
И не сможешь уйти без совета.
Я воспитана вашей любовью –
Души связаны огненной кровью.
Два родителя – сила навек!
Ты – мой самый родной человек!
Два характера – пазлы из мыслей,
Где вопросы над нами повисли...
Мы найдём через время ответы,
И тогда никакие запреты
Не спугнут наше слово «семья»:
Мама, папа и доченька – я.
Мы друг другом должны дорожить!
Невозможно иначе прожить
Все невзгоды и трудности дней,
Когда сильно скучаем по Ней...

Я за все благодарна тебе!
Папы лучшего нет на Земле!
Если в чём-то была неправа,
Ты прости и не злись на меня.
Мы – команда, мы – сила одна;
Мы обязаны день ото дня
Просто чувствовать сердцем любовь
И родную горячую кровь!

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Зашифрованными знаками,
Заколдованными взглядами
Окружил заботы замками:
Не песочными... часами,
Когда точкой невозврата
Становятся запреты,
Когда на жизнь затраты
Лишь компенсируют ответы
На вопросы о любви
И чистоте...
Во сне летая: ты во мне,
А я в себе.
Или просто в пустоте.
Пустоте настолько мне понятной,
Что я могу тебя убить,
Лишь потому что невозвратным
Останется момент... и не забыть,
Как я тебя люблю, как дорожу,
Насколько я не потерплю
Контроль, но закричу: «Постой!» –
Как уже делали со мной.
Да, жизнь – игра...
Паршивая, но всё же
Играют все – играю я.
Вопрос: кто и кому дороже?
Вопрос цены и времени с тобой.
А если убиваешь кровь,
Я знаю, что со мной
Ты сердце не разрушишь вновь.

* * *

Она любит сидеть у окна
И смотреть сквозь решетку в небо,
И ей нравится, что одна
Может смело молиться свету;

Она верит в энергию дня,
Она солнце с улыбкой встречает,
Для неё лучший праздник – заря,
На рассвете душа Её тает;

Она медленно дышит мечтой,
Что за городом в небе летает,
Опьянённая яркой зарёй
Она смело мечту выпивает;

Она чувствует запахи лета,
Когда ветер ласкает плечи,
Её сердце наполнено светом,
А глаза смотрят прямо в вечность.

* * *

Дворцовых площадей
Потерянная ночь
Бродила по родному Петрограду,
Задуманное счастье
Мы прогоняли прочь,
Как вырванную жалостью награду;
Заветные мечты,
Безумную печаль
Навязчиво отталкивало время,
Бессильные сказать,
Как этого нам жаль,
Мы вновь остались за закрытой дверью;
Бродившие во сне,
Встречавшие рассвет,
Проснулись от немых порывов ветра:
От ветра перемен,
Ведущего на свет
По улицам осознанного лета.

* * *

Мы строим мир внутри и мир вокруг,
Мы чётко ощущаем сердца стук,
Мы слышим, что нам разум говорит,
Мы слышим крик души – она творит.

Всё глубже проникая в тишину,
Мы предвкушаем светлую мечту...
И взглядом устремляясь в краски неба,
Мы переносим разум, где он не был.

Мы ловим каждый миг и каждый час,
Мы создаём историю про нас,
Ночами погружаясь в сладкий сон,
Мы видим нас манящий Альбион.

Стремимся к ярким звёздам в высоту,
Сквозь страх ныряем в счастья глубину,
Мы больше не боимся пустоты,
Мы строим дивный мир, где я и ты.

* * *

О, сколько книг я смог бы написать!
И сколько рифм осталось мне придумать?!..
Ведь неспроста я начал сочинять,
И неспроста я стал всё больше думать.

Найти причину вовсе нелегко,
Она размыта, как границы в небе,
Но если б знал, то мог бы снять кино
О том, как снова тебя встретить.

О, моя Муза, ты – мой рай и ад,
Ты убиваешь «бы» и порождаешь веру!
Во всех сомнениях сам я виноват,
Борюсь с собой и не иду по следу.

О, если б не смятения души,
Что мучают меня уже давно,
Я написал бы сотню книг про жизнь,
И снял бы не одно кино!

РИММА СТАХАНОВА

ВЕНОК

На общей кухне коммунальной квартиры собрались соседки. Все спешили приготовить ужин к приходу мужей с работы.

– Кто раньше встал – того и сапоги, – сказала Полина, смеясь, и поставила на плиту кастрюлю с супом.

Это была круглолицая, жизнерадостная женщина, двадцати трёх лет, с неизменной улыбкой. Уравновешенная, добродушная, она никогда не вступала в конфликты и в любой ситуации, даже самой трудной, умела находить плюсы. «Ну, вот чего ты расстроилась? В больницу кладут? Ложись и отдыхай! Это тебе награда за твои беспросветные трудовые будни», – говорила она подруге, плачущей о своей горькой доле. Поля никогда не унывала. И за что такое несчастье выпало на её долю?

...Не успела Поля поднести спичку к горелке, как баллон с газом взорвался, и её обдало жаром. В соседней комнате ударной волной выбило дверь, где сосед Иван спал после ночной смены. Прибыв на кухню, вместе с соседками стал тушить пожар. Испугались все, конечно, до смерти, увидев, как моментально вспыхнул халат на женщине. Полина с обгоревшими руками и лицом находилась в шоке. Скорая помощь и наряд пожарников приехали быстро. Пострадавшую увезли в больницу.

– Девчата, присмотрите за Павлом, – еле выговорила Поля и страдальчески улыбнулась.

– Не переживай, присмотрим, – уверили её соседки и дружно направились в её комнату, где пятимесячный ребёнок, ничего не подозревая, спокойно лежал в кроватке и играл подвешенными побрякушками.

– Ну, надо же! Вот тебе и сапоги! – проговорила Альбина, – ладно ещё глаза Польке не выжгло.

– Вот Степану теперь проблема. С кем дитё-то оставлять? – отозвалась Клавдия, самая старшая из них. Она жила одна, неприметная с виду, но отзывчивая и добрая. Один был только недостаток, мужиков любила. Как раз в этот день к ней обещался прийти очередной ухажёр, видать, не судьба.

– А и правда, возьми малыша к себе, ты же в отпуске, – посоветовала ей Нина, хотя заранее знала ответ.

– Не могу! У меня на детей аллергия! – нисколько не смущаясь, сказала та. – Вы уж как-нибудь без меня управляйтесь.

Тут в комнату заглянул Ваня.

– Слушайте, я, вроде, палец сломал. Чего делать-то?

– Да ты что?! Какой палец-то? – хотела пошутить Аля, но передумала, вовремя спохватившись, – в больницу иди. Жизнь-то свою застраховал?

– Да! – ответил молодой мужчина, глядя на свой посиневший палец.

– Ну, тогда всё в порядке, получишь компенсацию за нанесённый ущерб здоровью, – добавила она, смеясь.

Иван вышел и, дойдя до своей комнаты, остановился: «Да, это ещё повезло, что все живы остались. А может, и к лучшему, смотришь, другое жильё дадут. Я бы согласился и на общагу. Там, по крайней мере, больше удобств, чем в этой деревяшке».

Пока соседки обсуждали проблему няни, пришёл с работы Степан. Подойдя к дому, обратил внимание, что весь двор завален обгоревшими досками. Войдя в дом, почувствовал стойкий запах гари и заглянул на кухню. Там было всё чёрным от копоти: и потолок, и столы. Стёкла и двери выбиты, «Ничего себе!» – произнёс он и бегом в комнату. Там находились соседки, нянчились с его сыном. Женщины переглянулись.

– А Полина где? – произнёс Степан, не заметив среди них своей жены.

Он увидел жалостливые лица соседок и вдруг понял: с женой случилась беда.

– Что с ней? – спросил он, боясь услышать страшную весть.

– Жива... Обгорела только... Ты поезжай к ней в больницу, а мы присмотрим за Павликом, – сказала Нина и подтолкнула его к двери.

– Я быстро, я мигом, – скороговоркой выпалил Стёпа и побежал на автобусную остановку.

Запыхавшись, добежал до отделения, узнал номер палаты и поднялся на второй этаж. Нашёл нужную дверь, заглянул, не решаясь войти.

– Вам Полину? Она у окна лежит, пройдите, – сказала женщина, выходя в коридор.

На кровати, вся забинтованная, лежала Поля. Видны были только щёлки глаз. Руки, забинтованные по плечи, лежали поверх одеяла.

Она попыталась улыбнуться, но это у неё не получилось, потому что рот стягивала повязка.

Степан наклонился над ней, чтобы поцеловать её, но растерялся и неудачно чмокнул в лоб.

– Как это случилось? – задал вопрос, но жена не смогла ответить. Она смотрела на него, а из глаз её текли слёзы. Она приподнялась на кровати, попросила его накинуть халат ей на плечи.

– Больно? – спросил мужчина и погладил жену по руке.

– Терпимо, – ответила она и спросила: – Павлик с кем?

– Девчата водятся, не волнуйся, – успокоил он жену, – поправляйся только быстрее.

– Ты принеси Павлика покормить, – еле выговорила Полина и подняла свою забинтованную руку, пытаясь положить её ему на плечо, но

лицо исказилось от боли.

– Да как ты кормить-то его будешь? – удивлённо спросил муж.

– Так ведь молоко-то копится, а я сцеживать не могу такими руками, – плача, проговорила молодая женщина.

Когда Степан вернулся домой, малыш спал, а рядом дремала в кресле Альбина. Он тронул её за плечо.

– Спасибо тебе, – поблагодарил он соседку и устало опустился на стул.

– Ты можешь взять больничный по уходу за ребёнком, – посоветовала она и добавила: – Вызови завтра врача на дом.

– А дадут? – неуверенно спросил Степан.

– Дадут! Как Полина?

– Плохо! Вся забинтована, даже разговаривать не может.

– Не переживай, поправится, – успокоила соседка и пошла к себе в комнату. – Если помощь будет нужна, зови.

Оставшись один, Степан впервые в жизни растерялся. «Что делать? Как я справлюсь с сыном? Может, сестру вызвать? А что, она поможет. Ни мужа, ни детей у неё нет. Посидит с ребёнком, а я работать буду. Решив, что с утра позвонит ей, разделся и лёг спать, забыв про ужин.

Ночью несколько раз вставал к ребёнку и под утро крепко уснул. Когда проснулся, в комнате было уже светло. Позвонил в поликлинику, вызвал врача и стал ждать.

«И как жена со всем справляется? И готовить надо, и ребёнка накормить, и погулять с ним, и дома порядок навести? Ничего! И я справлюсь! Не боги горшки обжигают!» – вдохновляя себя, сказал Стёпа.

Участковый педиатр не задавала лишних вопросов, выписала больничный лист.

– Если будут проблемы с ребёнком, звоните, – сказала на прощание и ушла, пожелав выздоровления жене.

После ухода врача Степан с малышом пошёл к Полине в больницу. Он уже поднялся на нужный этаж, но не успел дойти до палаты, как увидел, что оттуда вывезли каталку. На ней лежала женщина, накрытая простыней, из-под которой торчала пола халата, того халата, который был на его жене.

– Умерла?! – удивившись, задал он вопрос, и ему ответили: – Умерла.

В одно мгновение он пережил боль, ужас, растерянность, страх... Шёл по коридору, ничего не видя вокруг... Ничего не соображая... Только оказавшись на улице, понял, что произошло...

Вернувшись домой, оставил ребёнка на соседку и пошёл звонить сестре.

– Тамара, приезжай срочно, Полина умерла.

– Как умерла? Что случилось?

– Всё потом.

Сестра приехала в тот же день и, взяв все заботы о ребёнке на себя, велела брату заняться делами похорон. Он съездил на работу, где они вместе с женой работали до её декретного отпуска, оформил дни, выслушав от сослуживцев соболезнование, обзвонил всех знакомых и вернулся домой. В коридоре стоял венок, с которым приехала Тамара, взглянув на него, Степан невольно прослезился.

– Ну что, всё сделал? – поинтересовалась сестра, укачивая племянника на руках.

– самого главного не сделал. Нужно ехать в больницу, забирать справку о смерти, а я не могу, боюсь.

– Давай я съезжу, если хочешь, – предложила сестра, но брат отказался от её помощи.

– Нет, ты лучше за Пашей смотри, – и он ушёл, взяв паспорт жены.

Тамара уложила ребёнка в кровать и пошла на кухню, готовить ему смесь. Окна были забиты фанерой, свет отключён, вид кухни наводил ужас. Зазвонил домашний телефон.

– Алло! Говорите громче, я ничего не слышу, – и она сильнее прижала к уху трубку.

– Стёпу позовите к телефону, – еле-еле разобрала она и, выругавшись в сердцах, грубо ответила: – Не позову, потому что его дома нет.

– А Вы кто? – услышала вопрос и, удивившись наглости звонившей, спросила:

– Конь в пальто! Это я Вас должна спросить, зачем Вам понадобился Степан. У него горе – жена умерла, а Вы звоните!

На том конце замолчали и через минуту положили трубку. Только женщина отошла от телефона, как он снова зазвонил.

– Алло! Слушаю! – раздражаясь, ответила она.

– Вы про какую жену сейчас говорили? А я, по-вашему, кто?

– Откуда я знаю, кто Вы!

– Зато я знаю! Я – жена Стёпы! А Вы кто?

– Нашли время шутить! И перестаньте звонить!

Полина положила трубку, пожимая плечами. Медсестра смотрела на неё, тоже ничего не понимая.

– Наверное, не туда попала. Руки-то все забинтованы, может, номер неправильно набрала, – сказала больная растерянно.

– Давай наберу, диктуй, – и та взяла телефонную трубку из её рук.

– Женщина, это опять Вы?! Сколько раз Вам объяснять, что нет его дома, – услышала медсестра и передала трубку пациентке. – Говорите!

– Послушайте! Я Полина – жена Степана, а Вы кто? – теряя самообладание, проговорила больная.

Теперь наступила очередь Тамары удивиться. Пауза...

– Я сестра Стёпы! – тихо произнесла она. – Степан позвонил мне, сказал, что ты умерла...

– Он же вчера приходил ко мне. Я ему велела Пашу принести, покормить молоком. Время уже обед, а его всё нет, – растерянно произнесла Полина, думая, не случилось ли что с ребёнком.

– Прости! Я тебя не узнала, голос у тебя какой-то странный. Я вообще подумала, что пьяная какая-то звонит, язык заплетается, – засомневалась золовка.

– Так у меня всё лицо забинтовано, говорить трудно, – пояснила Поля.

– С чего он взял, что ты умерла-то, не пойму, – уже повеселев, сказала Тамара. – Слава Богу, что жива!

Обе женщины рассмеялись: одна во весь голос, а другая, сжав губы, сотрясаясь телом.

А Степан, придя в отделение, прошёл сразу же в кабинет врача.

– Здравствуйте! Я муж Полины Волковой. Скажите, что мне теперь делать?

Вера Андреевна внимательно посмотрела на мужчину.

– А что Вы так расстроились? Бывает гораздо хуже!

– Да куда уж хуже-то? Где она, в морге? – задал он вопрос прямо.

Врач отложила в сторону ручку, сцепила кисти рук в замок и, облокотившись на них подбородком, внимательно посмотрела на посетителя.

– Да нет, ей туда ещё рано. А с чего Вы взяли, что она умерла? Кто Вам сообщил об этом?

Мужчина, недоумевая, слушал Веру Андреевну. Потом как-то растерянно произнёс:

– Никто. Я сам видел.

– И что Вы видели? – уже не скрывая смех, спросила она.

– Как её везли на каталке.

– Именно её?

– Но ведь её же халат торчал из-под простыни, – объяснил непонятливой врачихе мужчина, интуитивно чувствуя в этом какой-то подвох.

– Милый Вы мой! Да в таких халатах у нас все больные ходят. Идите уже к своей жене и убедитесь, что она жива!

Степан подходил к палате, а жена уже встречала его в коридоре в своём злополучном халате.

– Ну, здравствуй, любимый! Вот, решила вернуться. Что-то мне не понравилось на том свете, – и она прижалась к мужу.

Вернувшись из больницы домой, он взглянул на веночек, который привезла сестра, и, с облегчением вздохнув, подумал: «И что теперь с ним делать?»

А сосед Иван ходил с гипсовой повязкой, расточая всем улыбки. Ему действительно страховая компания обещала возместить в денежном эквиваленте частичную потерю здоровья, и теперь он мечтал купить на эти деньги новый телевизор.

ДОТОШНАЯ СОСЕДКА

Маргарита Васильевна смотрела в окно своей однокомнатной квартиры, которую получила по обмену после развода с мужем. Ей не нравился ни район, в котором находился этот дом, ни сама квартира, построенная ещё в хрущёвские времена. Кухонка маленькая, санузел совмещённый, причём пятый этаж. Просто у женщины на тот момент не было выбора.

...Они проживали с мужем в его трёхкомнатной квартире, которую он получил в наследство после гибели родителей. У них была единственная дочь, Светлана, которая вышла замуж за военного и теперь моталась по гарнизонам. Виктор после развода поставил жене условие: или соглашаешься на ту квартиру, что предлагают, или остаёшься вообще без жилья. Рита не хотела связываться с судами, поэтому дала согласие. А он вскоре в свою квартиру привёз новую жену, женщину с ребёнком.

Маргарита долгое время не знала, что у него появилась любовница, пока не увидела в его бумажнике фотографию молодой особы с мальчиком. Скандал устраивать было некогда, и она ушла на работу, так ничего и не сказав. А вечером, когда сели ужинать, спросила:

– Что это за фотография у тебя в бумажнике?

Виктор отложил вилку в сторону и произнёс:

– Нам надо с тобой поговорить. Раз уж ты увидела, то молчать бесполезно. Это Вера с нашим сыном.

– И сколько ему? – задала вопрос Рита и поймала себя на том, что была уже готова к этому, хотя было неприятно и больно это слышать.

– Три года, – ответил он и отвёл в сторону глаза.

– Значит, ты уже четыре года встречаешься с этой женщиной. Молодец, хорошо скрывал. Ведь я даже подумать не могла, что ты можешь мне изменить. Ну что ж, подавай на развод, сын твой ни в чём не виноват, ему нужен отец. Разменяем квартиру, и живите вместе.

После этого разговора прошло более двух месяцев, но подходящего обмена не было. Виктор начал нервничать.

– Рита, долго ты будешь копать в квартирах? Предлагаю последний вариант, если не согласишься, я отказываюсь менять квартиру. В конце концов, она моя! Иди, куда хочешь!

Вот тогда Рита и поехала в этот захолустный район, лишь бы не видеть больше равнодушное лицо своего бывшего мужа. Из окна были видны заводские трубы, которые дымили и днём, и ночью, правда, магазин был рядом, и автобусная остановка тоже. Одна была надежда у женщины, что в скором времени она сможет обменять квартиру с доплатой, денег для этого у неё немного было подкоплено.

На площадке было четыре квартиры, но она так и не познакомилась

с соседями. Приближался праздник 8 марта. Она решила использовать его для того, чтобы наладить отношения с соседками. Сделала небольшие подарочки и в канун праздника всех обошла. В одной квартире задержалась дольше обычного.

Дверь открыла женщина неопределённого возраста и пригласила Риту войти.

– Проходите в кухню, тут у меня бардак, – сказала она.

Маргарита успела заметить, что в комнате всюду были разбросаны вещи. Они валялись и на диване, и в креслах, и даже на полу. На кухне было не лучше.

Хозяйка поставила чайник и села напротив гостя.

– Вы меня извините, я, наверно, не вовремя, но мне очень хотелось с вами познакомиться. Я Рита, а Вас как зовут?

– Надежда, – ответила та и сложила руки на столе.

Потом она поднялась, достала две чашки с блюдцами и поставила на стол. Посидела минуту, вновь вскочила, и на стол опустилась сахарница.

Рита поняла, что женщина нервничала и решила её успокоить.

– Я Вас долго не задержу. Вот, возьмите подарок от меня, от всей души дарю!

Надя взяла пакет и поставила его на пустой стул, даже не взглянув, что в нём. Рита внимательно следила за хозяйкой и решила, что та не совсем адекватна. И потом вдруг, как вспышка молнии, всплыл один эпизод.

...Маргарита закупалась в магазине. Её взгляд задержался на женщине, которая нервно выхватывала один свёрток за другим и, взглянув на него, кидала обратно. Рита уже подумала, что та так ничего и не купит, но покупательница вдруг начала брать с полки пакеты и, не глядя, опускала всё в корзину.

«Странная женщина» – подумала Рита и пошла к кассе и, когда рассчитывалась, обратила внимание на лицо этой покупательницы. Бесцветное – так бы она его назвала. Брови и ресницы еле заметны, глаза тусклые, то ли серо-зелёные, то ли серо-голубые, губы тонкие и заострённый нос, морщинки вокруг глаз, волосы, убранные в хвост, всё давало повод подумать, что это уже не молодая женщина. Но вот она улыбнулась, и лицо её просветлело. Белоснежная улыбка никак не вязалась с её обликом. Это и была её соседка Надя...

– Надя, Вы одна живёте? – спросила гостя и подвинула поближе чашку с чаем.

– Да, уже давно.

– А дети у Вас есть?

– Дочь, она в другом городе жила, но недавно переехала сюда. Всё обещают в гости приехать, да, видно, не получается.

Рита всматривалась в её лицо, стараясь угадать, сколько же ей лет. Спрашивать о возрасте неудобно, и она спросила, сколько лет дочери.

Оказалось, что той уже двадцать восемь, значит, самой Наде где-то около пятидесяти лет.

«Выглядит она неважно. Как-то нужно её пригласить к себе в салон», – решила гостя и издали начала вести разговор.

– Надя, а где Вы работаете?

– В больнице, в приёмном покое, – ответила та и спросила:

– Ещё чаю?

– Нет, спасибо! А я работаю в салоне красоты, парикмахером.

– Это заметно, – улыбнулась Надежда.

– А хотите ко мне прийти? – осторожно задала вопрос Рита и заметила, как сконфузилась женщина.

– Все мне твердят, что пора за себя браться! А зачем? Меня устраивает моя внешность. И потом, мне же не замуж выходить.

– А Вы думаете, что только для этого женщины следят за своей внешностью? Нет, в первую очередь для себя! Приятно же, когда тебе делают комплименты! Чувствуешь себя комфортно, когда выглядишь на все сто!

– Да я и в молодости-то не выглядела лучше. Поэтому и муж сбежал от меня.

– Хотите, верьте, хотите, нет, но от меня тоже муж сбежал, – и Рита рассмеялась.

Хозяйка удивлённо посмотрела на гостью.

– Да не может быть такого! От такой женщины и сбежал? Значит, он или слепой, или дурак, простите.

– Нет, он совсем не дурак, просто нашёл моложе и красивее. Так как, Надя, придёте?

– Приду, если обещаете сделать из меня конфетку, – с вызовом ответила она.

Возвратившись к себе домой, Рита всё прокручивала в голове их разговор.

«А она вовсе не глупа. И улыбка у неё очаровательная. Нужно обязательно с ней встретиться. А может, мне её в гости пригласить? А что? Это идея! Ей нужно кардинально поменять свою жизнь. Да и мне, хотя бы на время, обзавестись подругой».

...Маргарита открыла свой салон, как только было разрешено предпринимательство. Набрала мастеров, и они вот уже второй десяток лет работают одним коллективом. Женщины все добросовестные, порядочные, весёлые. Наверно, она больше времени уделяла своей работе, потому что проглядела, когда муж увлёкся другой женщиной. Странно, но она не очень переживала их развод. Может, потому, что у них никогда не было доверительных, близких отношений. Они порой могли за весь ве-

чер не сказать друг другу, ни единого слова. Каждый занимался тем, чем хотел заниматься. Виктор все вечера проводил за компьютером, а Рита любила книжки, потому читала их запоем, отвлекалась только на ужин. Весело было только тогда, когда приезжала дочь с внуком. Тогда и бабушка с удовольствием возился с малышом, но это бывало очень редко. Может, нужно было родить ему сына? Да, а ведь он что-то говорил по этому поводу, но жена только отшучивалась. Говорила, что уже поздно, а ведь ей было тогда тридцать восемь лет. Вполне могли бы и сына вырастить...

– Надя, стой, – услышала женщина и оглянулась.

К ней подходила Рита.

– Ты с работы? – спросила она и предложила: – Давай пойдём ко мне, у меня на ужин судак жареный. Скучно как-то одной сидеть за столом.

– Я бы с удовольствием, но ко мне сейчас придут. Давай попозже зайду, – извинилась соседка и побежала в магазин.

Рита уже и не ждала её, когда в дверь позвонили.

– Не поздно? Только что гостя выпроводила, – оправдалась Надежда и прошла в комнату.

Она бывала в этой квартире раньше, когда в ней жил Дмитрий, а потом он уехал, сошёлся с женщиной.

– А тут всё изменилось, – заметила соседка.

– Да, ремонт освежающий пришлось делать, а вообще-то я не собираюсь здесь задерживаться. Как только накоплю денег, поменяю район. Не нравится мне здесь, – пожаловалась Рита.

– А мне нравится! Я здесь родилась, выросла. После свадьбы жили у родителей мужа, а когда бабушка умерла, сюда переехали. Правда, муж ушёл от меня, когда я в больницу попала.

– А что случилось?

– Второй ребёнок родился нездоровый. Три года в больницах жили, а потом он умер. Я в неврозы попала. Ну вот, муж и не выдержал, ушёл. Когда я домой вернулась, его уже не было. Дочь закончила институт и по распределению уехала работать в Питер. Недавно замуж вышла, правда, муж намного старше, но я не отговаривала. Главное, что он её любит, да и ребёнок у них уже есть.

– Да, вот судьба как распорядится, – сказала Рита многозначительно и пригласила Надежду на кухню.

Они просидели до полночи, рассказывая друг другу о себе, а когда прощались, Маргарита напомнила:

– Ты не забыла, что завтра тебе в салон. Я буду ждать.

Ночью Рита долго не могла уснуть. Ей было жаль Надю. Потерять ребёнка, это очень страшно. Она уснула под утро, и всю ночь ей снились младенцы. На следующий день Надя пришла к ней в салон.

– Надюша, заходи, – сказала Рита, увидев в дверях соседку.

Та прошла, села в кресло, ещё не понимая, что она хочет.

– Надя, если ты не возражаешь, то я тебе предложу вот такую причёску, – и она подала женщине журнал.

– А это возможно? Мне нравится, но пойдёт ли мне?

– Я бы не предлагала, если бы не видела тебя в новом образе. Пока я готовлю краску, выпей чашечку кофе.

И не успела клиентка ответить, как перед ней уже стояла чашка с ароматным, дымящимся кофе. Через два часа Надю было не узнать: золотистый цвет волос, модная стрижка, подкрашенные брови и ресницы, всё это делало её моложе лет на десять.

Она смотрела на себя в зеркало и не верила, что это она.

– Ну, что молчишь, язык проглотила? – смеясь, спросила Рита и добавила: – Теперь мужчины будут штабелями укладываться у твоих ног.

Надежда вдруг заплакала, и Рита испугалась, что обидела её своими словами.

– Не обращай внимания. Просто я испытала лёгкий шок. Ведь мне муж в последнее время всегда говорил, что я некрасивая, и я была в этом уверена, – сказала она, всхлипывая.

– Ну и глупый твой муж! Некрасивых женщин не бывает, есть слепые мужчины! Пусть теперь завидует, что не ему досталась такая красавица.

Домой женщины шли вместе и невольно притягивали взгляды мужчин.

– Вот видишь, как на тебя смотрят! Так что держи нос выше. Теперь мы займёмся твоим бытом, ты не возражаешь? – спросила Рита и пожалела, о том, что начала этот разговор.

Надежда вдруг замолчала и всю дорогу не проронила ни слова. Рита тоже обдумывала свой разговор с ней. «Как ей сказать, что нельзя женщине быть такой неряшливой дома? Наверно, я поспешила. Не нужно было сразу напоминать ей о квартире. Может, она сама к этому подойдёт, когда увидит себя, такую шикарную, в своей захламлённой квартире», – размышляла она. Расстались они холодно, но на следующее утро Надя позвонила ей и попросила прощения.

Какое-то время соседки не виделись. У каждой были свои проблемы. С наступлением лета клиентов в салоне было много, и Рита, давая девушкам отдых, сама работала целыми днями. Однажды, возвращаясь с работы, у подъезда увидела машину, из неё выходил мужчина с букетом цветов. Они вместе вошли в подъезд, поднимались по лестнице, и каково было её удивление, когда он позвонил в дверь Надежды. Рита открыла свою дверь, и в этот момент вышла Надя, впуская гостя.

– Рита, здравствуй! Ты не очень занята? Зайди ко мне, пожалуйста, – попросила соседка.

– Но у тебя гость, зачем я буду мешать?

– Пожалуйста, я тебя очень прошу.

– Ну, хорошо, сейчас зайду.

Через десять минут она уже знакомилась с мужчиной.

– Валентин, – представился гость и добавил: – Бывший муж Нади.

– Вот как?! Интересно! – удивилась Маргарита и взглянула на подругу.

Та опустила голову, как провинившийся ребёнок.

– Я Вам сейчас всё объясню. Я заболел, и меня повезли в больницу. В приёмном покое меня принимала медсестра и, понимаете, я не узнал своей жены. Мне, конечно, было не до этого, приступ аппендицита, но когда она повезла меня на каталке, я чуть с неё не упал, когда узнал свою бывшую жену. Это была и она, и не она! Я такой её не видел никогда, даже в молодые годы. Можете представить?

– Я всё могу представить и более того, была уверена, что Надя найдёт своё счастье. И если её счастье с Вами, то я рада, – и, обращаясь к соседке, сказала: – Если я вам больше не нужна, то я пойду. Целый день на ногах, устала.

Надежда пошла проводить соседку и шепнула ей на ухо:

– Как ты думаешь, стоит ему верить?

– Это твоё решение. Единственное, что могу посоветовать, не дай себя обмануть. Желаю удачи! – и Рита ушла.

С того дня машина Валентина часто стояла во дворе, а это значит, что Надя была не одна. «Ну что ж, не зря мы трудились над её образом. И квартиру привели в порядок. Мужчина клюнул, теперь от Нади будет зависеть её счастье», – размышляла Рита. А скоро и ещё один сюрприз ждал дотошную соседку.

День был солнечный, и Рита решила помыть окна в квартире. Она включила музыку и принялась за работу. С пятого этажа хорошо проглядывался весь двор. Вот она видит, припарковалась машина, и из неё выходит её бывший муж, Виктор. Открывает дверцу машины и помогает выйти молодой женщине с ребёнком. Сначала Маргарита растерялась, она не могла понять, зачем понадобилось мужу к ней приезжать? Она быстренько переоделась, убрала таз с водой и стала ждать. По лестнице подъезда поднимались. Остановились на её площадке. Рита ждала звонка, но почему-то звонили к соседке. Она прижалась к дверному глазку и с ужасом отпрянула от него: Надя встречала свою дочь с зятем и внука. А мужчина краем глаза взглянул на соседнюю дверь и подумал: «Интересно, она нас видела или нет?»

ИДЕАЛЬНЫЙ МУЖЧИНА

Не знаю, как мужчины, но когда собираются женщины, то их разговоры всегда крутятся в одной плоскости. Они говорят о сильной половине общества, стало быть, о них же, о мужчинах, если, конечно, не обзавелись пока детьми. А говорить о достоинствах и недостатках можно очень-очень долго. И что интересно, ведь идеал мужчины у каждой женщины разный. Попробуй, определи, какой же всё-таки тип мужчин самый востребованный.

– Таня, ты-то что молчишь? Мы уже все высказались. Хотим твоё мнение услышать, – сказала Ира, жгучая брюнетка, с короткой-короткой стрижкой и накладными ресницами.

Женщина улыбнулась, пожала плечиками и тихо промолвила:

– У меня нет идеала.

– Как это нет? Ты у нас ещё не замужем и кому, как не тебе, подумай о том, какой мужчина тебе нужен. Мы-то, слава Богу, все пристроены, – поддержала Иру Светлана, блондинка с длинными волосами и, что странно, с глазами разного цвета, один был серый, а другой – карий. И ведь этот дефект не помешал ей найти парня, спортсмена, и вообще, хорошего человека.

Таня была, ну, совсем неприметной. Волосы мышиного цвета, носик с горбинкой, немного великоват для её личика, глаза неопределённого цвета, но голливудская улыбка всё скрашивала. А улыбалась она часто, и вообще, была весёлой и не унывающей. Но в тот день у неё не было настроения, и опять же, именно из-за сильной половины человечества. Просто её сослуживец предложил ей встретиться и, как выразился, «оттянуться по полной». На что она ему грубо ответила:

– Не в моих это правилах. Оттягивайся с кем-нибудь другим, – и, развернувшись на высоких каблуках, пошла прочь.

– Ну, как хочешь, желающих много, – и кавалер, насвистывая песенку, удалился.

Тане было неприятно. Не так она представляла приглашение на свидание.

– Ну, так что, девочки, на чём мы остановились, – возвратилась к разговору Ирина, – какой идеал мужчины вам нравится?

– А вот как мой муж. – сказала Светлана. – Он не жадный, весёлый в компании, практичный, всё у него рассчитано наперёд, целеустремлённый, а главное, хороший любовник.

Ирина, слушая подругу, думала, что бы такое сказать, чтобы её муж выглядел не хуже Светланиного спортсмена.

– А мне нравится в мужчине ум, а он есть у моего мужа! – гордо сказала Ира. – А так же сила, которой ему не занимать, ничего, что ростом не вышел. Главное его достоинство – любит меня! Всегда говорит мне об этом.

– Удивила! – ухмыльнулась Света. – Между прочим, я где-то читала, что женщина умнее мужчины.

– Мудрее в каких-то вопросах, может быть, но не умнее, – высказалась Татьяна.

– Тебе-то откуда знать? Ты от мужчин бежишь, как от ладана! – засмеялась Света и добавила: – Чего же ты свою мудрость не применишь? Так и останешься в старых девах.

– Ну и останусь, велика беда. Я не собираюсь руководствоваться вашими принципами. Для меня тот мужчина хорош, который будет думать так же, как я.

– Это как? – хором спросили подруги.

– Мужчина никогда не будет думать, как женщина, – добавила Ирина.

– Ну, почему же? Если для него семья – это главное, это мой мужчина. Иначе не стоит выходить замуж, чтобы потом тащить семейный воз одной.

Все уставились на Таню, не понимая, как это не иметь идеала. Неужели ей не нравятся красивые, сильные мужчины, которые красиво ухаживают, дарят подарки, возят своих дам отдыхать... Странная эта Таня... Нет, с такими успехами она ничего не добьётся в жизни. Ладно бы была красавицей, могла бы ещё покопаться... Жаль её... Ну, понятно, говорит так потому, что никто за ней в очередь не стоит... Вот и придумала себе образ семьянина.

Закончился перерыв, и женщины разошлись по кабинетам. А в конце рабочего дня их вызвал к себе начальник отдела и сказал, что им выделили одну путёвку в дом отдыха, и он хочет отправить Татьяну.

– А почему её? – задала вопрос Ира.

– Потому, что она у нас свободная, а у вас мужья. Путёвка-то одна.

Татьяна стояла в сторонке и думала, что ей как бы и не очень хотелось ехать, но молчала.

– Так что, Танюша, поедешь? Ты же ни разу нигде не была, поезжай. Может, там своё счастье найдёшь?! – сказал Константин Александрович и подмигнул женщине.

Это не осталось незамеченным. Подруги переглянулись.

– Тихоням всегда везёт, – злорадно высказалась Ирина, когда они вышли из кабинета.

Но ещё больше подруги были шокированы, когда узнали, что Татьяна на отдыхе познакомилась с женщиной. Он, поджидая её у здания управления с большим букетом цветов, удивил всех, когда посадил свою будущую жену Татьяну в машину и увёз на глазах изумлённых подруг. Теперь им не над кем будет потешаться. Они же считали себя моделями и негласно посмеивались над бедной Таней. А она взяла и отхватила себе парня и перспективного, и умного, и красивого, а главное, он тоже мечтал найти такую женщину, для которой семья была бы главным приоритетом в жизни.

Ну, и к чему рисовать идеалы? Для каждой женщины уготован свой мужчина, которого она заслужила, главное, не проглядеть его и не размениваться по мелочам.

АЛЕКСАНДР ФЕОФАНОВ

ЧЕРЕПОВЕЦ

Всем Вологодчина нам, русским, близкая,
По праву славная для всех нас ты.
И город наш, сторонка русская,
Раскинулся по берегам Шексны.

Красивый мост, дома высокие,
А летом здесь кругом цветы.
И ветер северный унёс от города
Дыханье трубное и все дымы.

Бывали рады мы за город славный наш.
С надеждой жили мы, смотря вперёд.
Судьба изменчива и переменчива –
Надежды нет уже глядеть вперёд.

На радость в будущем надежда малая.
Работу трудно здесь теперь найти –
Всё сокращения да увольнения.
Назад в семидесятые нам не прийти.

Пожалуй, надо нам убавить скепсиса
И быть спокойным, стремясь к добру.
Авось наладится, врагов уменьшится,
И будем новую встречать зарю.

Где жизнь по-честному, мораль высокая,
Где войны с распрями исчезли вдруг.
Где люди счастливы, работа спорится,
И дело знающие все вокруг.

ЛЕТО

Кусками вату разбросало
На фоне неба голубом.
И тихо дерево дремало
Тогда перед моим окном.

Потом, как будто задрожало,
Ветвями скромно покачав.
Спустя минуты, как устало,
Опять тихонько замолчав.

А пух и дальше сверху вниз
И по земле катился.
И снизу вверх до самых крыш
От тополей стремился.

ПОЖЕЛАНИЕ

Когда закроются глаза,
На мир смотревшие всегда;
Когда я ухожу, не встав,
Хотя всю жизнь привык стоять;

Когда те дерева, что я сажал,
Поймут, что нет уж больше моих сил
На то, чтоб ими любоваться
И как-нибудь для них стараться,

Хочу тогда, чтобы врачи
Моё невзрачно тело сберегли,
Чтоб кожу скальпель не терзал,
Чтоб в церкви я бы полежал,

Пока машиной на погост
Свезут меня мои родные.
И, кинув горсть земли на гроб,
Оставят под землёю дальше стынуть.

ИГОРЬ ЭПАНАЕВ

А КАК У НАС

– Как у нас на севере
Слон сидит на дереве!
– Сам туда забрался?
– Как ты догадался?

ДЕЛОВОЙ КТО

Он ушёл и не вернулся.
И на крик не обернулся!
Потому что у него
Дел побольше моего!
Ловит он в саду мышей,
Гонит пёс его в зашей!

РЕГИОН ДЖАМБО

35-й регион –
И живёт здесь Джамбо-слон!
Проживает он в лесу,
Счас поймаю – принесу!

ХРУПКОЕ СЧАСТЬЕ

Чем занимаешься в ненастье?
В ненастье думаю о счастье!
Ведь счастье здесь! Ведь счастье рядом!
Ты не разбей его снарядом!

СВЕТ
ОКРАИНЫ

СОБЫТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЧЕРЕПОВЦА

Сегодня в нашей рубрике мы не будем останавливаться на всех событиях второй половины 2017 года, остановимся на самых для нас значимых. Более подробную информацию можно узнать из проекта #ВидеоМИГ на странице Игоря Эпанаева вконтакте <https://vk.com/epanaev>

В СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

24 июля в эти солидную организацию был принят Эпанаев Игорь Владимирович. Всего представителей данного союза, а также Союза писателей России в Череповце – десять человек.

КНИГА АНДРЕЯ КАБАНОВА «БК-70»

8 августа в Вологде вышла книга череповецкого писателя, постоянного автора журнала «Северная Окраина». Книга о вероятных похождениях матроса Андрюши Кабанова по Белому озеру и его окрестностям! Обложка цвета синей Шексны! 600 страниц увлекательного чтения! Годы советские, семидесятые!

Спрашивайте новую книгу Андрея Кабанова «БК-70» во всех книжных магазинах «Питер Пэн» Череповца и области!

ТРИ ДНЯ БЕЗ ИНТЕРНЕТА, НО В ТВОРЧЕСКОМ КРУГУ

15 сентября уходящего года мы отправились на творческий фестиваль «Паруса Надежды», проходивший в Тотемском районе. Мы очень долго добирались из Череповца в Вологду, а потом из Вологды в Тотьму, но долгая дорога оправдала себя. Фестиваль проходил на территории лагеря имени Фёдора Конюхова – известного путешественника и священника.

На фестиваль мы приехали поздно. Тотьма встретила нас дождём и слякотью, но после сытного ужина мы простили ей такую мелочь. Нас заселили в уютные тёплые комнаты в корпусах. После небольшого отдыха, мы собрались в столовой и стали знакомиться. Среди нас были поэты, художники, музыканты со всей округи, маленький мальчик трёх-четырёх лет, подростки, взрослые и «главный» участник фестиваля – собака Грейси. Собравшись вокруг, мы рассказали чуть-чуть о себе и поделились своим мнением о творчестве Рубцова.

На следующий день утром некоторые отправились на молебен, остальные в это время могли насладиться пейзажами местности. Лагерь был огорожен деревянным забором, за одной стороной которого находились сосны, подпирающие макушками небеса, а с другой – речка Сухона, сверкающая на солнце. За рекой виднелся Дедов остров, полностью покрытый деревьями.

До и после обеда нас ждали познавательные лекции на выбранную

тему. С этих уроков я почерпнула для себя много нового в теме описание персонажей. Также все желающие могли поучаствовать в благотворительном концерте в Тотемском детском санатории. Мы подарили детям шарики, интересные книжки, спели любимые песни и рассказали свои стихи. Дети были счастливы, как и мы.

На территории лагеря также находится музей Фёдора Конюхова, который мы с удовольствием посетили.

В конце дня были подведены итоги фестиваля и зачитаны лучшие работы.

Когда уже все собирались спать, подростки из нашего корпуса решили устроить посиделки с песнями под гитару. Много песен было нами тогда перепето, много людей разбужено. Это был один из самых ярких моментов фестиваля.

На следующий день нас ждало путешествие на Дедов остров. Через Сухону мы перебирались на байдарках. Грейси «руководила» этим процессом. Остров поражал своей красотой. Шагая по тропинке к нашей стоянке, можно было любоваться чистотой леса. Слегка моросил дождь. Нам предложили набрать диких ягод и листьев, с которыми потом мы пили вкусный чай, с ароматом осеннего леса. На острове находились разрушенный монастырь и необычная липовая роща: из одного места росли сразу три дерева, а под ногами можно было найти листья с особым рисунком. Перед возвращением домой, нас ждал финальный концерт в Тотеме. Сев в автобус, мы добрались до Вологды, а потом на другом до Череповца.

Я впервые в жизни присутствовала на подобном мероприятии и хочу сказать, что я получила бурю положительных эмоций и познакомилась с очень интересными людьми!

АННА ТРИБШТОК

ЛИА ЛЮБИМОВА О ПОЕЗДКАХ В ВОЛОГДУ И МОСКВУ

25-27 октября мне случилось стать участником и финалистом «Беловских чтений-2017». Получено много эмоций, которые только сейчас улеглись, и я, наконец-то, могу описать свои впечатления. Во-первых, порадовал уровень организации конкурса, а так же отзывчивость и внимание руководителей семинара к каждому участнику. Например, мне лично отправляли письма с описанием этапов, подтверждением моего участия в мероприятиях, и объяснили, как добираться от вокзала до центра В.И. Белова. Телефонные разговоры – объективны, информативны и по делу, возможность позвонить кураторам и сделать уточнения по маршруту/времени была весьма кстати. Было приятно чувствовать заинтересованность организаторов в моём присутствии.

Во-вторых, очень понравился принцип судейства на конкурсе. Жюри было представлено людьми разных возрастов, социальных статусов и литературных жанров, было очень интересно выслушать разбор текстов

и сделать далеко идущие выводы. Как автор, я, конечно же, согласен не со всем, что было сказано во время моих «пяти минут славы», но «думалка» без работы не осталась. Есть, к чему стремиться, что подтянуть, а что и вовсе исправить. Все, даже не самые приятные замечания членов жюри, были сделаны мягко и без агрессии, скорее, в качестве предложений подумать и решить для себя, нежели как критика.

Поездка в Москву – отдельная история, может стать, я посвящу ей текст. Сейчас скажу только то, что нам всем — и участникам, и организаторам – было полезно познакомиться, пообщаться, поделиться своими мнениями и взглядами. Неоднозначное ощущение осталось от посещения литинститута. Внезапно поменялась тема Круглого стола, и вместо ожидаемого общения с мэтрами «большой литературы» мы слушали их рассказы о Белове и монолог А.В. Василевского о том, что молодые писатели никому не нужны, но всё равно нужно пробиваться. Опять же, всё было сказано по-доброму, без давления, и побудило не обидеться, а, напротив, начать изучать проблему дефицита читательского внимания и культурного репродукции.

Сейчас у меня ощущение открытия и радость от причастия к такому большому, благому и, главное, качественному движению. Есть желание отправлять свои работы на конкурс ещё раз (и, возможно, не один), желание сотрудничать и помогать проекту. Спасибо организаторам, руководителям, и участникам! Уверенно говорю вам: «До встречи».

ЛИА ЛЮБИМОВА

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ-КРАЕВЕДОМ

2 декабря в Центре детского творчества мы встретились с писателем-краеведом Климиной Идой Александровной. Она рассказывала нам о событиях близ Череповца, произошедших около 80 лет назад, ещё до основания Рыбинского водохранилища. Когда уровень воды стал усиленно подниматься, это заставило многих людей, живших в деревнях и даже городах, искать новые места, где их жизнь начнётся с самого начала. События так запали в душу писательницы, что она посвятила много своих книг этому. Жители, с печалью бросив свой прежний дом, уехали. У них просто не было выбора. На дне Рыбинского водохранилища остались «сокровища». Я не имею ввиду драгоценные камни и золото. На дне при раскопках было найдено много вещей, принадлежавшим тем людям, нашим землякам: осколки посуды, гвозди. А из воды ещё рассказывались затопленные церкви. Мы были очень рады послушать рассказ Иды Александровны. Её книги пользуются большим спросом, ведь всем хотелось бы окупиться в то время, когда Череповец и его окрестности были совсем не такими, какими являются сейчас. Книги «Переселенцы Рыбинского моря» и «Подводное Леушино» можно приобрести в точках продажи нашего журнала.

АНАСТАСИЯ ТАРАСОВА

РОК-Н-РОЛЛ

КРАСАВЦЕВ Михаил Сергеевич

Родился в 1986 году в г. Череповце Вологодской области.

Учился в школе №1 им. М. Горького (1993-2001).

Окончил музыкально-педагогический факультет ВГПУ (2004-2009 гг.)

2010-2011 – служба в ВС РФ.

С 2011 года поступает на должность артиста ансамбля песни и танца «ЧереповецЪ» (бывший «Русский север»).

Осенью в 2011 году начинает работу над авторским арт-проектом «Редкое имя».

В марте 2014-го года состоялась презентация первой авторской программы «Счастливый, как я...», которая получила положительные отзывы и живой интерес публики.

В 2015 году группа «Редкое имя» отмечена номинацией «За весомый вклад за развитие молодёжной музыкальной культуры г. Череповца» от радиостанции «Трансмит».

В 2016 году группе «Редкое имя» предоставлена честь открытия всероссийского рок-фестиваля «Время колокольчиков – 2016».

РАЗЛИЛАСЬ РЕКА...

Разлилась река в тех краях,
Белым светом объята, всё пройдёт.
Мне шептала на ухо та весна
Белым шелестом, каплями на руках.

Размахнулась весна в дверь ногой,
Ну а северный ветер взял да и прижух.
Приходила весна, научила любить,
Приходила, ушла, приказала долго жить.

Припев:

*Это ли она, это ли любовь?
Это ли снег, хлопьями в кровь?
Это ли свет, это ли дым?
И куда ни шёл, был я слепым, был я слепым...*

Скоро за полночь всё простим,
С трудом верится, с трудом обретаем смысл.
Разлилась река и пошла в Сибирь,
Чтоб по всей земле, да в последний раз...

Я смотрел сквозь дым, пелена крепка.
Обещал любить, обещал прощать.
Но сквозь пальцы льётся моя река,
И останется только ветром стать.

Припев:

*Это ли она, это ли любовь?
Это ли снег, хлопьями в кровь?
Это ли свет, это ли дым?
И куда ни шёл, я не один, я не один...*

Разлилась река в тех краях,
Белым светом объята, всё пройдёт.
Мне шептала на ухо та весна
Белым шелестом, каплями на руках.

Размахнулась весна в дверь ногой,
Ну а северный ветер взял да и прижух.
Приходила весна, научила любить,
Приходила, ушла, приказала долго жить.

Припев:

*Это ли она, это ли любовь?
Это ли снег, хлопьями в кровь?
Это ли свет, это ли дым?
И куда ни шёл, был я слепым, был я слепым...*

Скоро за полночь всё простим,
С трудом верится, с трудом обретаем смысл.
Разлилась река и пошла в Сибирь,
Чтоб по всей земле, да в последний раз...

Я смотрел сквозь дым, пелена крепка.
Обещал любить, обещал прощать.
Но сквозь пальцы льётся моя река,
И останется только ветром стать.

Припев:

*Это ли она, это ли любовь?
Это ли снег, хлопьями в кровь?
Это ли свет, это ли дым?
И куда ни шёл, я не один, я не один...*

РОК-ФЕСТИВАЛЮ 23 ГОДА!

9 декабря в «Первом металлисте» состоялся известный рок-фестиваль «Прыжок выше головы». Выступили рок-группы, исполнители и поэты. «Температура 777», «Кукольный театр», «Редкое имя», «Авантюра»/Че/, «Аделина», «Rap!Rap!с» и «Синяя борода». Поэты: Ярослав Веклюк, Марина Крылова и Игорь Эпанаев (организатор).

Союзу друзей Слона Джамбо исполнилось так же 23 года. Следующие фестивали состоятся 2 февраля и 31 марта (справки по т. 8-0517387850).

ИГОРЬ ЭПАНАЕВ

Родился в 1974 г. в г. Пермь. С 1977 г. живёт в Череповце. И. Эпанаев пишет стихи для взрослых и детей. Он продолжатель традиций современного русского авангарда. На сегодня география его публикаций: от Минска до Новосибирска, от Ставрополя до Архангельска.

В стихах для взрослых прослеживаются два направления – лирические переживания и гражданская позиция автора.

Лирические стихи: «Любовь – любимым», «...А тоску – песку», «Жизнь чередом», «Кому это надо», «Праздник», «Я – в прошедшем времени» и др., пронизаны грустью и лёгкой самоиронией. Они характеризуют автора как человека со сложным внутренним миром личных чувств, несклонного выставлять их напоказ. Отсюда намёки, недомолвки, оборванные фразы. Гражданские стихи наполнены не просто юмором, а меткой сатирой, направленной на человеческие пороки и на пороки общества: «Гимн», «Взгляд», «О руководстве», «Про козла», «Комendantский час – 2» и др.

И. Эпанаев неоднократно печатался в таких изданиях, как «Крокодил» (Москва), «Вокруг смеха» (Санкт-Петербург), «Красная Бурда» (Екатеринбург), с подборкой юмористических стихов выступал на канале «Радио России».

Имеет различные награды в области журналистики, поэзии, общественной деятельности. Член общественного совета ЧГОО «Череповецкое литературное объединение», член Вологодского союза писателей-краеведов. Является редактором «Молодёжной информационной газеты» – «МИГ-35» и историко-краеведческого журнала «Северянин», заместителем редактора литературного журнала «Северная окраина». Редактор православной газеты «Лучики».

Стихи для детской аудитории И. Эпанаева не менее заслуживают внимания. Хороший знаток детской психологии, мышления и восприятия мира ребенком, Игорь выходит за привычные логические схемы, уносит нас в мир детских фантазий, в мир игровых ассоциаций: «Хождение за три моря», «Взлёт», «Моя крыша» и др. Неологизмы автора напоминают исковерканные ребёнком слова: «Строгий король» (пороль), «Хобо» (хоботинки), «Полет-1» (навряд), «Новая порода» (быстроноух) и др.

В сборнике стихов «Лирика» (2004 г.) И. Эпанаев показывает, как талантливо он владеет словом и склонен экспериментировать с ним. Он использует такой литературный прием как заумь, впрочем, весьма дозировано. Например, в стихотворении «Ежик» (ежиковедов), в стихотворении «Это наш мир» (появился сладкий мир - И пусть тот). Построение стихов Игоря напоминает формы поэтического построения городского фольклора. В то время как этнографы и фольклористы до сих пор спорят, существует ли городской фольклор как самостоятельное явление, Игорь не спорит, включает в свои произведения элементы городского

фольклора. Его стихи «Кабы», «В супе», «Смерть», «Теперь некуда» и др. наполнены народным балагурством и яркими картинками лубочного мира ярмарок.

Второй сборник стихов И. Эпанаева – «Я живу в Череповце...» (2014 г.) Название определило и сам круг тем: общество, семья, работа, круговорот жизни: «Будешь?», «Полезные советы», «В конце», «Есть ли жизнь на шкафе», «Про Вадю и Лёху» и др.

И здесь, работа над словом – одна из удачных сторон сборника. Ряд стихов построен на многозначности слов и сложных форм слова: «Когда КИС нет – молоко киснет», «Вопрос о счастье» и др. Чётко выразить суть проблемы – ещё одна, на мой взгляд, удачная черта стихов И. Эпанаева в этом сборнике.

Малая форма стиха, которой автор довольно часто пользуется – двустишие (т.е. дистих): «Челюсть и прелесть», «Осень» и др., четверостишие (катрен): «Дядя Петя», «Язык до Киева доведёт» и др. – хорошо подчёркивает умение поэта выразить свою мысль ёмко и детально. В стихах И. Эпанаева: «Взаимопомощь», «В поисках клада», «Комендантский час» и др., художественный стиль тесно перемешан с обиходно-разговорным, и с этим не все читатели согласны. Но, на мой взгляд – это добавляет изюминку в стихи Игоря. Его кропотливая работа по соединению классической поэзии и «городского фольклора» продолжается и, благодаря его перу, превращается в «летучие стихи». За видимой лёгкостью стиха прослеживается пронизательность автора и кропотливая работа над словом. Недаром многие стихи И. Эпанаева в среде читателей разобраны на цитаты.

МАРИНА ГУСЕВА

РОМАН ХАРЛАМКОВ

Напутственное посвящение-эпиграф на выход собрания сочинений товарища по перу И. Эпанаева

Я живу в Череповце.
Мог бы жить в любом конце
Необъятной Божьей дали,
Но мне его зачем-то дали.
Значит, нужно с ним дружить,
Надо этим дорожить,
И всё, что нам предназначали,
Всё положено решить.

Зачем дешёвые понты?
Понты должны быть дорогие.
Не цацки-бряцки и банты,
А монолитные, крутые.
Что б каждый мог за километр
Вдруг испытать священный трепет,
Что обладатель – монумент
Уже сейчас, ещё на этом свете.

Ничего не меняется тут

Круг замкнулся – я вернулся.
Кто-то умер, кто-то сдулся.
Здравствуй, град Череповец!
Узнаю тебя, подлец,
С твоей мелкой требухой
Безысходного нутра,
Здесь так муторно зимою,
Беспросветно прям с утра.

О, как мне это известно,
Даже к бабке не ходи,
Лучше я не знаю места
Для души погибели.
Аномальнейшая область
Бестолковой суеты,
Словно Рыбинского пропасть
Поглотила все мечты.

Обиталище на век свой обречённых,
Триумфалище уполномоченных невежд,
Вместе крепко в стальной зоне заключённых,
Кладбище надёжное надежд.

Впрочем, так вообще по всей России,
Много судьбоносных весей, городков,
Если в участи покорной не один ты с ними,
То уже не прав и априори не здоров.

О ЛИРИКЕ АЛЕКСЕЯ АРМЕЕВА И ВООБЩЕ О ЛИРИКЕ

Думаю, что со мной бы сейчас согласилась Ольга Александровна Фокина, о том, что наступают времена лирики. Лирика – явление ежедневное и ежечасное, ей подвержены все кумиры всех мод. Вот и Алексей Армеев начинал со слов любовного стихосложения в своей первой книжке «Вологда кабацкая» (ПФ «Полиграфист», Вологда, 2001).

*Тобой опьянён этот вечер,
В твою честь рассыплется звёзды...*

Алексей Армеев – явление уникальное для Череповца. Мы пишем о Северянине, он продолжает нашего земляка.

*Чуть сладковатый, миндально ореховый,
Сиренесироповый запах поэзии...*

Вообще, Северянин и Есенин – любимое лакомство Алексея, только Игорь Лотарев – ранний, а Сергей Есенин – поздний. Всё это вылилось у него в поэзы раннего начала конца 90-х, проще говоря, в шансон.

*Бархатный Стинг, тихий шелест протектора,
Ты в «Шевроле» так утонченно смотришься...*

Он не попирает жизнь политикой, детективами и попсой, а просто подбирает слова для своей жизни души.

*И в темносеребряной неге –
В белопуховом снеге...*

Да и картинки его очень зрими и осязаемы. Я бы сказал, что ненавязчивы, и всем нравятся. Простим ему его хулиганские стихи, ведь Алексей ещё только начинал и надеялся на большее.

Алексей Армеев оставил после себя немного, но и этого немного хватило бы на многих. просто не успел, в 2006 году он погиб.

Давайте отдадим должное памяти поэта, хоть раз прочитав подборку его стихов, они ещё кое-где встречаются.

С уважением к его памяти,

поэт БОРИС САВИНКОВ

ЮБИЛЕЙ КОРОЛЯ

17 сентября 2017 года исполнилось 70 лет Вениамину Мальцеву. Нашим читателям он больше известен как поэт, написавший более 70 книг стихов. В 2015 году на межрегиональном литературном конкурсе, который проходил в доме-музее первого «Короля поэтов» Игоря Северянина, Вениамин Мальцев был избран «Королём поэтов».

Также Вениамин – краевед. Несколько книг, написанных им повествуют об истории реки Сухоны и родной деревни Заболотье. Буквально на днях выпущена его книга об истории газеты «Речь». Вениамин состоит в Вологодском союзе писателей-краеведов.

Но кроме этого Вениамин – спортсмен, мастер спорта по лыжному марафону, кандидат в мастера спорта по штанге, пятикратный чемпион России среди ветеранов по лёгкой атлетике, покорило около 100 лыжных и легкоатлетических марафонов. Многократный участник и призёр чемпионатов России по лыжным гонкам среди ветеранов (обладатель уникального рекорда: зимой участвовал в лыжном 100-километровом пробеге «Череповец-Шексна-Череповец», преодолел всё это расстояние в трусах и в майке и первым пересёк финишную черту). Морж, парашютист, штангист и гиревик. Коллекционер палеонтологических окаменелостей и другой экзотики. Лауреат городских и областных конкурсов эрудитов.

Как видим, круг интересов и достижений Вениамина Мальцева весьма широк.

Также Вениамин – общественный корреспондент газеты «Речь», редактор альманаха «Аммофосовская лира» и один из самых активных участников Череповецкого литературного объединения.

Желаем Вениамину здоровья и творческих успехов!

ОБ Н.В. КУЗНЕЦОВЕ

Хочу рассказать о своём коллеге, единомышленнике, одиночувственнике – Кузнецове Николае Витальевиче. В наше непростое время, редко сейчас можно встретить скромного, тактичного, порядочного в отношениях, застенчивого, не словоохотливого, но очень трудолюбивого человека, да при всём при этом – мужчину. Таким я узнала Николая Витальевича, когда в 2004 году вступила в ряды литературного объединения г. Череповца. Наша организация юридически зарегистрирована в Минюсте г. Вологды. У нашей организации есть свой устав, печать, бухгалтер, ну, и всё, чему полагается быть у такого рода организации. Николай является одним из её учредителей.

С 2007 года он в предпринимательстве (издательское дело). На сегодняшний день выпустил 875 книг, журналов, альманахов. Редактор журнала «Северная Окраина», альманаха «Люди и дела», член Совета ЧГОО «Череповецкое литературное объединение», член Вологодского союза писателей-краеведов. Автор 13 поэтических сборников. Но, не смотря на свои заслуги и должности, человек это очень скромный, неразговорчивый. Делает своё дело человек, делает достойно, с любовью, не требуя взамен ни похвалы, ни благодарности.

Почти вся пишущая братия г. Череповца знает нашего издателя – Кузнецова Николая. Когда бы не приди к нему на ул. Пушкинскую, где он арендует помещение, там всегда толпится народ. Многие любители поэзии, авторы обращаются к нему с просьбой написать вступительную статью к своим книгам. Вот тут читатель и узнает ещё об одной талантливой стороне главного редактора – как философа. Простудировав стихи, он выцепит самую суть, подтверждая авторскими строчками.

Много стихов у Николая написано о звёздах, даже два свои поэтических сборника он назвал так: «Упала звезда», «Земная звезда». В преддверии 2012 года, я писала дружеские шаржи на своих коллег. Вот одно из них посвящено Николаю:

*Хоть не очень он речист,
Шевелюрой не пушист,
Но уж если скажет «Да!» –
Упадёт с небес звезда.*

Среди поэтов у нас принято шутить. А так как у нас в ЛИТО в то время было два Кузнецовых – Николай Алексеевич Кузнецов, (бывший председатель), то мы им придумали такие звания: Николай Первый – это Алексеевич и Николай Второй – Витальевич. А между собой мы их называли – Николай большой и Николай маленький (он у нас, пожалуй, самый молодой). Однажды я так пошутила в его адрес:

*Николай Второй тыщ сто
Книжек выпустил в ЛИТО.
Мы теперь его за то
Первым выберем в ЛИТО.*

Действительно, он теперь у нас самый первый, самый нужный и необходимый, достойный, уважаемый человек в объединении. С ним легко. Легко потому, что он ещё слушать умеет, а это очень хорошее и редкое качество среди пишущих людей.

Вот на такой ноте я и закончу свой небольшой рассказ о своём друге, поэте, с пожеланиями в наступающем новом году большого личного счастья, творческих находок, верных друзей, и встретить на своём пути достойную себе половинку, которая ему была бы и другом, и любимой на всю жизнь.

Е.В. МАКСИМОВА,
Председатель
ЧГОО «Череповецкое литературное объединение»

ХОБОТ
33

Продолжаем публиковать произведения молодых авторов из «Школы поэзии» МБОУ ДО «Центр детского творчества и методического обеспечения». Некоторые из них были опубликованы в московском православном журнале «Лампада», журнале «Русский мир», альманахе «Не одни», во всероссийском журнале «Костёр», победили на Всероссийских конкурсах.

Приглашаю на бесплатные занятия. 51-35-50, +79517387850

Педагог высшей категории И.В. ЭПАНАЕВ

МАРИЯ КОЗЬМИНЫХ

(2-й курс)

О СТРАННОСТИ

(остра странно о страсти странности).

Всегда всё делаю по-своему,
Я этой страстью рьяно одержимая.
Затем, что дорожу своей свободой.
Возможно, гордая. Немыслимо упрямая.
Все обстоятельства в единое суммируя,
Диагноз вывел мой: «Немного странная».

Зато нагрянет день. Я стану радикально
Стереотипы истреблять. Великое свершится:
Всё то, что ранее когда-то капитально,
Ржавая, разъедало разумы людей
От слов моих, как тараканы разбежится,
Места освобождая для могущества идей.

Я это сделаю опять по-своему
Величием сей страсти, видимо, ведомая,
Затем, что дорожу дарованной свободой.
Наверно гордая. Ни с кем **НЕСОГЛАСОМАЯ**.
Скорей всего упрямая. Весьма.
И, на сии возрев деяния,
Вердикт свой прежний вынося,
Воскликнешь: «Дура ненормальная!»

А я?

В ответ тебе (съязвлю, конечно –
Же),
Как в первый день произнося
С тобой
Не
Рада познакомиться
Прими и ты такой меня.

ГЛЕБ ПАСТУХОВ
(8-й класс)

О дивный мир, о сон

О дивный мир, о сон,
Столь необычен и прекрасен он!
Морфея тяжкий труд.
Ведь лишь во сне мы можем воспарить,
Ведь лишь во сне мы можем кем угодно быть,
Ведь лишь во сне мы можем звёзды покорить,
Но мир не может без творца прожить.
И стоит лишь глаза открыть,
Чтоб за мгновенье всё забыть!

ЕКАТЕРИНА КОРНЕЕВА
(3-й класс)

Дедушкам и бабушкам

Люблю бабуленьку свою,
Просто обожаю.
Я ей песенки пою
И стихи читаю.
А у деда все серьезно,
Он бывает очень грозный –
Я с дедулей не скучаю:
IT-программы изучаю.
Спасибо людям пожилым.
Стихи им посвящаю.
Желаю я здоровья им!
И всем добра желаю!

ЛЕОНИД ПОСТНИКОВ
(2-й класс)

Про коня Пегаса

Конь-крючковод –
Полный улёт!

НАДЕЖДА ПИВОВАРОВА
(11-й класс)

Жёлтые стены душевно больного
Давят на вены снова и снова.
Впиваются в мысли, путая их,
И рвутся наружу, весь мир поглотив.

По жёлтой дороге из кирпича,
Сумасшедшая Элли идёт не спеша.
Болтая о чём-то с Тотошкой своим,
Хотя пёс даже не был живым.

От жёлтой свободы до жёлтых оков,
Тысячи лет, других нет цветов.
Жёлтые тени от жёлтых людей.
Вы видите это? Спасайтесь скорей.

Жёлтый тюльпан – тебя жаждут страстно.
Жёлтый платок – знак девы прекрасной.
Жёлтое солнце – будет тепло.
Жёлтые стены – в палате давно.

АНДРЕЙ КОТОВ
(2-й класс)

**Акростих с омонимической рифмой
и тавтограммой (элементами)**

Моя мама мечтает
О том, что меч тает!
Раки чтобы не пятились,
Ежи, чтоб не прятались!

ИВАН ДУДАРЕВ
(2-й класс)

Загадка
Кто серый с розовым?
Отгадка: слон с высунутым языком

МАРИЯ ЭПАНАЕВА
(1-й класс)

Рождество

Рано утром в храме нашем
Появился свет чудесный!
Мама, Федя, Тая с Машей
Услыхали эти песни!
Это Рождество Христово
Снова к нам пришло!
Это радость, это песни
Бедам всем назло!

МАРИЯ ИВАНОВА

Возьми в привычку быть счастливой,
На зло невзгодам и обиде.
Тогда и будешь ты красивой,
В таком серьезном, глупом мире.

Иссяк последний запас сил.
Тревожить нечего. Нет воли.
Я так терпела пока ты
Испытывал на мне все боли.

ВАСИЛИЙ КАЛИНЕНКО
(3-й класс)

Сосисочный город

Кто не знает от kota до киски,
Что водятся в городе
Сплошные сосиски.
Но нет оправдания
Для маленькой киски,
Что водятся в городе
Большие сосиски.

ЕЛИЗАВЕТА СОКОЛОВА

(7-й класс)

Науки содержание несметно
И светом рвётся каждый день вперед.
Придуманное Богом знание секретно,
Но тот ученый, что всё ищет, тот найдёт.

Не покладая рук, он изучает, изучает:
Таблицы, цифры, термины, слова...
Вселенной тайну всей душой раскрыть желает,
Отрекшись от еды и ото сна.

Отрекшись от родных своих и близких,
От милой дружбы, верности, любви...
Подвергнув разум праведному риску,
Ученый тот таков – неисправим.

Давая хрупкие сосуды обещания,
Сквозь дебри знаний и развилки сил,
Помни нерушимые слова вещания,
Помни то, что некогда любил.

Но вот, и формулы верны, и вычисления;
Работает система, будто новые часы.
Расцвёл цветок прекрасный от рук гения;
Напрасны не были кошмары, недосып.

Но вот, один просчёт стал роковой ошибкой:
Погибнет автор от сил чада своего.
Сквозь темноту небытия виднеется улыбка...
Никто, ничто не вспомнит имени его.

ИВАН ПОНИКАРОВ

(2-й класс)

Дорогой мой дедушка!
Хочу я пожелать
Счастья и здоровья,
И пенсии на 5 –
Пенсии отличной,
Пенсии приличной!

СОДЕРЖАНИЕ:

Литературная тропа

Алексей Армеев.....	4
Николай Войтенко.....	6
Андрей Кабанов.....	8
Джереми Томас Кейн.....	51
Людмила Копылова.....	84
Николай Кузнецов.....	86
Николай Кузнецов.....	88
Лина Лонгман.....	90
Лидия Любомирская.....	94
Елена Максимова.....	96
Вениамин Мальцев.....	98
Антон Маневич.....	100
Александр Махалин.....	102
Александр Меркулов.....	104
Нина Рябова.....	120
Снежана Садова.....	127
Римма Стаханова.....	137
Александр Феофанов.....	150
Игорь Эпанаев.....	152
<i>Свет окраины</i>	152
<i>Хобот</i>	167

Северная окраина №39.
Литературно-художественное
издание. –
Череповец: «Окраина», 2018 – 176 стр.

Сдано в набор 10.01.2018
Подписано в печать 12.02.2018
Формат 60x80/16,
бумага офсетная, печать цифровая,
Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 10,23.

тираж: 500 экз.

ИП Кузнецов Н.В., св-во
307352831600025
г. Череповец,
Пушкинская, 7

© Е.В. Данилова:
художественное оформление, 2018
© В.В. Мальцев: обложка, 2018
© Н.В. Кузнецов: макет, 2018

Череповец, 2018

Учредитель:

ЧГОО «Череповецкое литературное объединение».

Кузнецов Н.В. – главный редактор.

Редакционная коллегия:

Эпанаев И.В. – заместитель главного редактора,
специалист по связям с общественностью;
Констанская Г.В. – заместитель главного редактора;
Кузнецов Н.А. – редактор исторического отдела.

Цена – свободная. Часть тиража распространяется бесплатно.

Адрес редакции:

Вологодская область, г. Череповец, Пушкинская, 7.
Адрес издателя и типографии совпадают с адресом редакции.

Контактные телефоны:

+79517387850 (Эпанаев И.В.); **+79602912391** (Кузнецов Н.В.)

Адреса электронной почты:

okraina05@mail.ru (Эпанаев И.В.); **nordedge@mail.ru** (Кузнецов Н.В.)

Литературный
Издательский
Центр
«Окраина»
г. **ЧЕРЕПОВЦА**

ИП Кузнецов Н.В.,
свидетельство №307352831600025

Художественное оформление:
Данилова Е.В.
(<https://vk.com/club56473803>)

*Журнал «Северная окраина» можно приобрести
в следующих торговых точках:*

«Ремесленная лавка» пр. Советский, д. 27
«Книжная лавка» пр. Советский, д. 30Б
«Художественный салон» пр. Советский, д. 35а
Книжные магазины «Питер Пэн»:
ТЦ «Новый Век» пр. Победы, д. 135
М-н «Питер Пэн» ул. Наседкина, д. 7,
ТЦ «Карелия» пр. Победы, д. 102,
ТЦ «Юбилейный» ул. Сталеваров, д. 3,
ТЦ «Вырастай-ка» ул. М. Горького, д. 32,
М-н «Библиофил» ул. Беляева, д. 30,
ТЦ «Галактика» ул. Беляева, д. 59,
М-н «Книги» ул. Metallургов, д. 30,
М-н «Питер Пэн» пр. Строителей, д. 33,
М-н «Питер Пэн» пр. Шекснинский, д. 16,

Кадуй, ул. Энтузиастов, 8 (остановка «Рынок»)
Чагода, ул. Кооперативная, 27
Устюжна, ул. Ленина, д. 8,
Шексна, ТЦ «Мегалит», ул. Труда, д. 10,
Шексна, ТЦ «Южок», Исполкомовская, д. 10,
Бабаево, ТЦ Николаевский, ул. Красного Октября, д. 12

